

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРИЯ СЕРГЬЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ VII .

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. 2
Москва.—1914.

АЛЕКСАНДРЪ I.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Столько народа ходило къ Рыльеву, что, наконецъ, въ передней колокольчикъ оборвали. Пока мастеръ починить, расторопный казачокъ Филька кое-какъ связалъ веревочкой.—«Не бѣда, если кто и не дозвонится: за пустяками лѣзутъ!» ворчалъ хозяинъ, усталый отъ посѣщений и больной: простудился, должис-быть, на ледоходѣ.

Однажды, въ концѣ апрѣля, просидѣвъ за работой до вечера, въ правлениі Русско-Американской Компаниї, вспомнилъ, что забылъ дома нужные бумаги. Правление помѣщалось на той же лѣстницѣ, гдѣ онъ жилъ, только спуститься два этажа. Сошелъ внизъ, отперъ, не звоня, входную дверь ключомъ, который всегда имѣлъ при себѣ. Филька спалъ на сундукѣ въ прихожей. Не запирая двери, хозяинъ прошелъ въ кабинетъ, отыскалъ синюю папку съ надписью: «Колонія Россъ въ Калифорніи», и хотѣлъ вернуться въ правлениѣ. Но, проходя черезъ столовую, услышалъ голоса въ гостиной. Удивился; думалъ, что никого дома нѣтъ: жена давеча вышла; Глафира собиралась съ нею. Кто же это? Подошелъ къ неплотно запертой двери, прислушался: Якубовичъ съ Глафирою.

Давно уже Рыльевъ замѣчалъ ихъ любовныя шашни. Просилъ жену спровадить гостью отъ грѣха домой, въ Чухловскую усадьбу къ тетеенькамъ. Якубовичъ—не женихъ, а осрамить дѣвушку ему ни почемъ. На то и роковой человѣкъ.

Еще недавно была у Рылѣева дуэль изъ-за другой жениной родственницы, тоже обманутой дѣвушки. Неужто ему снова драться изъ-за дуриши Глафирики?

— Я — какъ обломокъ кораблекрушенія, выброшенный бурей на пустынныи берегъ, — говорилъ Якубовичъ. — Ахъ, для чего убѣйственный свинецъ на горахъ кавказскихъ не пресѣкъ моего бытія... Что оно? Павшій листъ между осенними листьями, флагъ тонущаго корабля, который на минуту вѣтъ надъ бездною...

— Любящее сердце спасетъ васъ, — томно ворковала Глашенька.

— Нѣтъ, не спасетъ! — простоналъ Якубовичъ. — Душа моя, какъ океанъ, задавленный тяжелой мглой...

Рылѣевъ удивился: вспомнилось, что эти самыя слова объ океанѣ говорилъ и Бестужевъ. Кто же у кого заимствовалъ?

Слова замерли въ страстномъ шопотѣ; послышался дѣственныи крикъ:

— Ахъ, что вы, что вы, Александръ Ивановичъ! Оставьте, не надо, ради Бога...

Рылѣевъ отворилъ дверь и увидѣлъ Глашеньку въ объятьяхъ Якубовича: по тому, какъ онъ ее цѣловалъ, ясно было что это уже не въ первый разъ.

Глафира взвизгнула, хотѣла упасть въ обморокъ, но такъ какъ не шутя боялась братца, — такъ называла она Рылѣева, — предпочла убѣжать въ кухню и тамъ спрятаться въ чуланъ, какъ пойманная съ кадетомъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка.

Рылѣевъ взялъ Якубовича за руку и повелъ въ столовую.

— Ну что жъ, поздравляю. Честнымъ пиркомъ да свадебку?

Якубовичъ молчалъ.

— Отвѣчайте же, сударь, извольте объяснить ваши намѣренія...

— Я, видишь ли, другъ мой, почель бы, разумѣется, за счастье... Но ты знаешь мои обстоятельства: не могу я жениться, не въ правѣ связать жизнь молодого существа...

— А въ правѣ обезчестить?

— Послушай, Рылѣевъ, кажется, Глафира Никитична не маленькая...

— Еще бы маленькая! Старая дѣвка. Но пока она въ моемъ домѣ, я никому не позволю...

— Да что ты горячишься, позилуй? У насъ вѣдь ничего и не было...

Если бы случилось это на Кавказѣ, Якубовичъ принялъ бы вызовъ; у него была храбрость тщеславія, и онъ стрѣляль превосходно, а Рылѣевъ плохо; но здѣсь, въ Петербургѣ, на виду государя, поединокъ грозилъ новою ссылкою, окончательнымъ разстройствомъ карьеры, а можетъ-быть, и раскрытиемъ Тайного Общества—и тогда неминуемой гибелью.

— Ты знаешь, душа моя, я не трусъ и всегда готовъ обмѣняться пулями, — но на тебя рука не подымается. Да и не за что, право...

— А, такъ ты вотъ какъ, подлецъ! — закричалъ Рылѣевъ, и вихоръ поднялся на затылокъ его, угрожающій, какъ, было, въ корпусѣ, передъ дракою. — Такъ не будешь, не будешь драться?..

Еще въ началѣ разговора послышался въ прихожей звонокъ; потомъ второй, третій, четвертый, — все время звонили; испорченный колокольчикъ дребежжалъ слабо и, наконецъ, въ послѣдній разъ глухо звякнувъ, совсѣмъ умолкъ: вѣрно, опять оборвался.

«Э, чортъ! Кого еще принесла нелегкая? А Филька, подлецъ, дрыхнетъ», — думалъ Рылѣевъ полусознательно, и это усиливало бѣшенство его.

— Такъ не будешь? не будешь?... — наступалъ на противника, блѣдишъ и сжимая кулаки.

Росту былъ небольшого и довольно хилъ; Якубовичъ передъ нимъ силачъ и великанъ. — Но въ тонкихъ, сжатыхъ, поблѣдившихъ губахъ Рылѣева, въ горящихъ глазахъ и даже въ мальчишескомъ вихрѣ на затылкѣ что-то было такое неистовое, что Якубовичъ потихоньку пятился; и если бы въ эту минуту Рылѣевъ взглянулъ въ него, то,

можетъ-быть, понялъ бы, что «храбрый кавказецъ» не такъ храбръ, какъ это кажется.

— Кондратій Федоровичъ Рылѣевъ? — произнесъ чей-то голосъ.

Тотъ обернулся и увидѣлъ незнакомаго молодого человѣка въ армейскомъ, темно-зеленомъ мундирѣ съ высокимъ краснымъ воротникомъ и штабъ-офицерскими погонами.

— Прошу извинить, господа, — проговорилъ вошедшій, поглядывая съ недоумѣніемъ то на Рылѣева, то на Якубовича, — не дозвонился: должно-быть, испорченъ звонокъ, дверь отперта...

— Что вамъ, сударь, угодно? — крикнулъ хозяинъ.

— Позвольте представиться, — продолжалъ гость съ едва замѣтий усмѣшкой: — полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель.

— Пестель! Павелъ Ивановичъ! — бросился къ нему навстрѣчу Рылѣевъ, и лицо его просвѣтлѣло, съ тѣмъ внезапнымъ переходомъ отъ одного чувства къ другому, который былъ ему свойственъ.

— Прошу васъ, господа, не стѣсняйтесь. Я въ другой разъ... — началъ было Пестель.

— Нѣтъ, что вы, что вы, Павелъ Ивановичъ! Милости просимъ, — засуетился Рылѣевъ, пожимая ему руки и отнимая шляпу; о Якубовичѣ забылъ. Тотъ прошмыгнуль мимо нихъ въ прихожую, торопливо одѣлся и выбѣжалъ.

Хозяинъ повелъ гостя въ кабинетъ, продолжая суettиться съ преувеличенной любезностью.

— Не угодно ли трубочку?

— Спасибо, не курю.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то залучили васъ! — опять засуетился Рылѣевъ, сбиваясь и путаясь. — А я ужъ, признаюсь, думалъ, что такъ и уѣдете, не повидавшись.

— За мною слѣдятъ, надо было выждать, — заговорилъ Пестель чистымъ русскимъ говоромъ, но слишкомъ правильно, отчетливо, и въ этомъ виденъ былъ нѣмецъ. — Я пріѣхалъ съ генераломъ Киселевымъ, начальникомъ штаба. Государь обо мнѣ спрашивалъ. Надо быть весьма осторожнымъ... А это кто у васъ?

— Якубовичъ.

— А, знаю... Дверь, кажется, не заперли? Вашъ мальчикъ спитъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, — спохватился Рыльевъ. Сѣгалъ, заперъ, растолкалъ Фильку, приказалъ ждать барышю и вернулся въ кабинетъ.

— Ну что, какъ у васъ, въ Южномъ Обществѣ? — видимо, затруднялся онъ, съ чего начать; взглядался въ Пестеля.

Ему лѣтъ за тридцать. Какъ у людей, ведущихъ сидячую жизнь, нездоровая, блѣдно-желтая одутловатость въ лицѣ; черные, жидкіе, съ начинающейся лысиной, волосы; виски по-военному напередъ зачесаны; тщательно выбритъ; крутой, гладкій, точно изъ слоновой кости точеный, лобъ; взглядъ черныхъ, безъ блеска, широко разставленныхъ и глубоко сидящихъ глазъ такой тяжелый, пристальный, что, кажется, чуть-чуть коситъ; и во всемъ обликѣ что-то тяжелое, застывшее, недвижное, какъ будто окаменѣло. Говорили о сходствѣ его съ Наполеономъ; но если и было сходство, то не въ чертахъ, а въ чемъ-то другомъ.

Росту ниже средняго; мѣшковатъ, сутуль, одно плечо выше другого, какъ у людей много пишущихъ. Одѣтъ небрежно; длиннополый мундиръ сшитъ плохо, должно-быть, какимъ-нибудь уѣзднымъ жидомъ; зеленое сукно на спинѣ выгорѣло; золото погоновъ потемнѣло. Ордена св. Владимира съ бантомъ, св. Анны, Пурлемеритъ и золотая шпага за храбрость: герой Двѣнадцатаго года.

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, Наполеона изъ себя корчитъ!» подумалъ Рыльевъ, почему-то сразу насторожившись съ безотчетною враждебностью.

Пестель, не затрудняясь, приступилъ къ дѣлу.

— Я прїѣхалъ въ Петербургъ, дабы предложить вамъ соединеніе Сѣвернаго Общества съ Южнымъ, — началъ онъ, глядя на Рыльева въ упоръ своимъ пристальнымъ, какъ будто косящимъ, взглядомъ. — А для сего намъ нужно бы знать съ точностью ваши намѣренія, какъ всей Директоріи вѣдьшией, такъ и лично ваши, Кондратій Федоровичъ: я

хотѣль бы знать, какой именно образъ правления полагаете вы для Россіи удобнѣйшимъ?

Бесѣда длилась больше двухъ часовъ. Пестель предлагалъ по очереди — Сѣверо-Американскую республику, Наполеоновскую имперію, революціонный терроръ, Англійскую, Французскую, Испанскую конституціи; выхваляль достоинства каждого изъ этихъ правлений, а когда Рылѣевъ указывалъ на недостатки, торопливо соглашался и переходилъ къ слѣдующему. Похоже было не то на судебній допросъ, не то на школьній экзаменъ.

— У васъ методъ сократовскій, — замѣтилъ Рылѣевъ, давая понять неприличье допроса.

— Да, я люблю древнихъ, — не понялъ или не пожелалъ понять Пестель, и продолжалъ экзаменъ.

Рылѣевъ злился, и чѣмъ больше злился, тѣмъ больше себя выдавалъ; но въ то же время наслаждался бесѣдою, какъ умною книгою, отъ которой нельзя оторваться. «Умный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова», вспомнился ему отзывъ Пушкина о Пестелѣ. Что бы ни говорилъ онъ, пріятно было слушать: въ самомъ звукѣ голоса была чарующая увѣтливость, и логика плѣняла, какъ женская прелестъ.

Время летѣло такъ быстро, что Рылѣевъ удивился, замѣтивъ, что уже темнѣеть: казалось, прошло не два, а полчаса. И еще казалось, что, слушая Пестеля, впадаетъ онъ въ какой-то магнитическій сонъ, жуткое и сладкое оцѣпленіе, — какъ змѣя подъ музыкой. А можетъ-быть, и лихорадка начиналась къ вечеру; иногда пробѣгалъ по тѣлу легкій ознобъ, какъ бываетъ въ самомъ началѣ жара, похожій на чувство уютной сонности.

— Послушайте, Пестель, — попытался онъ стряхнуть чару, — у васъ все ясно и просто, какъ дважды два четыре, но политика — не математика, люди — не цифры и чувства — не выкладки...

— О, разумѣется! — согласился Пестель: — политика — не умозрѣніе отвлеченное, а плоть и кровь, сама жизнь народовъ, сама исторія. Обратимся же къ исторіи...

«И, начавъ отъ Немврода, — рассказывалъ впослѣдствіи Рылѣевъ, — медленно переходилъ онъ черезъ всѣ измѣненія законодательствъ; коснулся Греціи, Рима, показывая, сколь мало понята была древними вольность, лишенная представительства народнаго; пронесся быстро мимо Среднихъ вѣковъ, поглотившихъ гражданскую вольность и просвѣщеніе; приостановился на революціи французской, не упусткая изъ виду, что и оной цѣль не достигнута; наконецъ, палъ на Россію и ввелъ меня въ свою республику».

— Должно сознаться, что всѣ предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ученики, да и сама наука въ младенчествѣ! — воскликнулъ Рылѣевъ съ восхищеніемъ.

Но Пестель, пропустивъ мимо ушей похвалу, продолжалъ экзаменъ.

— Итакъ, мы съ вами согласны?

— Да, во всея!

— Какое же ваше мнѣніе насчетъ мѣры къ приступленію къ дѣйствію? — проговорилъ Пестель медленно, упирая на каждое слово.

Рылѣевъ давно уже предчувствовалъ этотъ вопросъ; видѣлъ его сквозь магическій сонъ, какъ зыбъ видитъ ча-рующій взоръ своего заклинателя. Понялъ, что Пестель — не то, что всѣ они, — романтики, словесники, мечтатели: для него понять — значитъ рѣшить, сказать — значитъ сдѣлать. И впервые показалось Рылѣеву все легкое въ мечтахъ — на дѣлѣ грознымъ, тяжкимъ, отвѣтственнымъ.

— Не знаю, — невольно потупился онъ, но и не видя чувствовалъ на себѣ тяжелый взглядъ: — мы еще не готовы, не рѣшили многаго...

— Не рѣшили? не знаете? У васъ тутъ Никита Муравьевъ все пишетъ конституціи. А намъ не первыми дѣйствовать... Да, отъ размышленія до совершенія весьма далече... Такъ какъ же, Кондратій Федоровичъ?

— Что вы меня все спрашиваете, Павелъ Ивановичъ? — поднялъ Рылѣевъ глаза и вдругъ почувствовалъ, что вотъ-вотъ разозлится окончательно, наговорить ему дерзостей. — А вы то сами какъ?

— Какъ мы? — отвѣтилъ Пестель тотчасъ же съ готовностью, тихо и какъ будто задумчиво: — мы полагаемъ, — всѣхъ...

— Что всѣхъ?

— Истребить всѣхъ, начать революцію покушеніемъ на жизнь всѣхъ членовъ царской фамиліи. *Les demimesures ne valent rien; nous voulons avoir maison nette...* Вы, по-французски говорите?

— Нѣтъ, но понимаю.

— Полумѣры ничего не стоять; мы хотимъ—до тла, до чиста, — на всякий случай перевель онъ и прислушался къ шагамъ въсосѣдней комнатѣ.

— Кто это?

— Жена моя.

— При ней можно?

— Можно, — невольно усмѣхнулся Рылѣевъ. — Впрочемъ, если вы беспокоитесь...

— Нѣтъ, помилуйте. Я, кажется... извините, Бога ради, я иногда бываю очень разсѣянъ: о другомъ думаю, — улыбнулся Пестель неожиданной, простодушной улыбкой, отъ которой лицо его вдругъ измѣнилось, помолодѣло и похорошѣло.

«Чудакъ!» подумалъ Рылѣевъ, и ему показалось, что какъ ни пристально глядитъ на него Пестель, а не видитъ лица его, смотритъ поверхъ или сквозь него, какъ сквозь стекло.

Шаги затихли.

— О чёмъ, бишь, мы? — продолжалъ Пестель. — Да, — всѣхъ или не всѣхъ?.. Такъ вы не рѣшили, не знаете?

— Знаю одно, — опять хотѣлъ возмутиться Рылѣевъ, — ежели — всѣхъ, то вся эта кровь на насъ же падетъ. Убійцы будутъ ненавистны народу и мы съ ними. Подумайте только, какой ужасъ подобныя убійства произвести должны! Мы вооружимъ всю Россію...

— О, конечно, мы обѣ этомъ подумали и рѣшили принять мѣры. Избранные къ сему должны находиться въ Общества; когда сдѣлаютъ они свое дѣло, оно немедленно

казнить ихъ смертью, какъ бы отмщая за жизнь царской фамилии, и тѣмъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ участии. Намъ надобно быть чистыми отъ крови. Нанеся ударъ, сломаемъ кинжалъ.

Рыльевъ вспомнилъ, что почти тѣми же словами думалъ онъ о Каходскомъ; но это была его самая тайная, страшная мысль, а Пестель говорилъ такъ просто.

— Сколько у васъ? — спросилъ онъ такъ же просто.

— Сколько чего?

— Людей, готовыхъ къ дѣйствію.

— Двое.

— Кто?

— Якубовичъ и Каходскій.

— Надежные?

— Да... впрочемъ, не знаю, — замялся Рыльевъ, вспомнивъ давешній свой разговоръ съ «храбрымъ кавказцемъ». — Якубовичъ, тотъ, пожалуй, не совсѣмъ. Каходскій надежнѣ...

— Значитъ, одинъ — двое. Мало. У насъ десять. Съ вашими двѣнадцать или одиннадцать. И то мало...

— Сколько же вамъ?

— А вотъ, считайте.

Сжалъ пальцы на лѣвой рукаѣ, готовясь отсчитывать правою.

— Ну-съ, по одному на каждого. Сколько всѣхъ?

Держа руки наготоваѣ, ждалъ.

Ночь была свѣтлая, но отъ высокой стѣны передъ самыми окнами темно въ комнатѣ; и въ темнотѣ еще блѣле блѣла рука съ алмазнымъ кольцомъ, которое слабо поблескивало въ глаза Рыльеву. Опять чарующій взоръ заклинателя, опять магическій сонъ.

— Ну, что жъ, называйте, — какъ будто приказалъ Пестель.

И Рыльевъ послушался, сталъ называть:

— Александръ Павловичъ.

— Одинъ, — отогнулся большой палецъ на лѣвой рукаѣ.

— Константинъ Павловичъ.

- Два, — отогнулся указательный.
- Михаилъ Павловичъ.
- Три, — отогнулся средній.
- Николай Павловичъ.
- Четыре, — отогнулся безымянный.
- Александръ Николаевичъ.
- Пять, — отогнулся мизинецъ

Темнѣло ли въ глазахъ у Рылѣева, темнѣло ли въ комнатѣ, но ему казалось, что Пестель куда-то исчезъ, и остались только эти бѣлые руки, отдѣлившіяся отъ тѣла, висящія въ воздухѣ, призрачныя. И пальцы на нихъ шевелились, проворные, какъ бѣлые кости на счетахъ. Онъ все называлъ, называлъ; пальцы считали, считали, и, казалось, этому конца не будетъ.

— Этакъ и конца не будетъ! — проговорилъ изъ темноты чей-то голосъ, тоже призрачный: — если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ княгинь — дѣти... Не довольно ли объявить ихъ отрѣшенными? Да и кто захочетъ такого окровавленного престола. Какъ вы думаете?

Рылѣевъ хотѣлъ что-то сказать, но не было голоса: душная тяжесть навалилась на него, какъ въ бреду.

А знаете, вѣдь это ужасное дѣло, — заговорилъ опять изъ темноты тотъ же призрачный голосъ: — мы тутъ съ вами, какъ лавочники на счетахъ, а вѣдь это кровь...

Мысли у Рылѣева путались; не зналъ, кто это, — онъ ли самъ думаетъ, или тотъ говоритъ.

— Да вѣдь какъ же быть? Съ филантропіей не только революціи не сдѣлаешь, но и шахматной партіи не выиграешь. Рѣдко основатели республикъ отличаются иѣжною чувствительностью... Не знаю, какъ вы, а я уже давно отрекся отъ всякихъ чувствъ, и у меня остались одни правила. И въ Писаніи сказано: никто же возложа руку свою на рало и зря вспять, не управленъ есть въ царствіе Божіе...

Рылѣеву вспомнилось, какъ эти самыя слова говорилъ онъ Бестужеву. Да кто же это? Пестель? Какой Пестель?

Откуда взялся? Вошелъ прямо съ улицы. Можетъ-быть, совсѣмъ и не Пестель, а чортъ знаетъ кто?

Рылѣевъ съ усилиемъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Куда вы?

— За лампою. Темно

Вернулся въ кабинетъ съ лампою. При свѣтѣ Пестель оказался настоящимъ Пестелемъ. Опять заговорилъ о чёмъ-то. Но Рылѣевъ уже не отвѣчалъ и почти не слушалъ; думалъ объ одномъ: поскорѣй бы гость ушелъ. Голова кружилась; когда закрывалъ глаза, то мелькали бѣлыя руки по красному полю.

— Нездоровится вамъ? — наконецъ замѣтилъ Пестель.

— Да, немногого, голова болитъ... Ничего, пройдетъ.

Говорите, пожалуйста, я слушаю.

— Нѣть, зачѣмъ же? Я васъ и такъ утомилъ. Лучше зайду въ другой разъ, если позволите. Да мы, кажется, переговорили уже обо всемъ.

Вышли въ столовую.

— Не знаете ли, Кондратій Федоровичъ, — сказалъ Пестель, прощаясь, — гдѣ бы тутъ у васъ въ Петербургѣ шаль купить?

— Какую шаль?

— Обыкновенную, турецкую или персидскую. Для подарка.

— Не знаю. Надо жену спросить. Натали, поди сюда, — крикнулъ онъ въ гостиную.

Вошла Наталья Михайловна. Рылѣевъ представилъ ей Пестеля.

— Вотъ Павелъ Ивановичъ спрашиваетъ, гдѣ бы турецкую шаль купить.

— А вамъ для кого, для пожилой или молоденькой? — спросила Наталья Михайловна

— Для сестры. Ей семнадцать лѣтъ.

— Ну, тогда не турецкую, а кашемировую, легонькую. Я намедни у Айбулатова, въ Суконной линіи, видѣла пре-хорошенькія блѣ-де-нюю, со звѣздочками. Нынче самая модная...

Пестель спросилъ номеръ лавки и записалъ въ книжечку.

— Только смотрите, торговаться надо. Умѣете?

— Умѣю. Въ англійскомъ магазинѣ намедни эшарпъ *тру-тру* купилъ за двадцать пять и блондовыхъ кружевъ по девятыи съ полтинои за аршинъ. Не дорого?

— Ну, и не дешево, — засмѣялась Наталья Михайловна: — мужчинамъ дамскихъ вещей покупать не слѣдуетъ.

Помолчала и прибавила съ любезностью:

— Сестрица съ вами живеть?

— Нѣтъ, въ деревнѣ. У меня ихъ двѣ. Уѣздныя барышни. Петербургскихъ гостинцевъ ждутъ не дождутся. Каждой надо по вкусу, — вотъ по лавкамъ и бѣгаю...

— Избаловали сестрицъ?

— Что подѣлаешь? Онѣ у меня такія красавицы, умницы. Особенно старшая. Мы съ нею друзья съ дѣтства. Меня вотъ все въ полку женить хотятъ. А по мнѣ, добрая сестра лучше жены...

— Ну, влюбитесь — женийтесь.

— Да я ужъ влюбленъ.

— Въ кого?

— Да въ нее же, въ сестру.

— Ну, что вы, Богъ съ вами! Развѣ можно?...

— Еще какъ! — улыбнулся Пестель, и опять лицо его помолодѣло, похорошѣло.

Но Рыльеву почудилось въ этой улыбкѣ что-то робкое, жалкое, какъ въ улыбкѣ тяжело-больного или безконечно-усталаго. Понять—значитъ рѣшить, сказать—значить сдѣлать,— полно, такъ ли? Счетъ убийствъ по пальцамъ и эшарпъ *тру-тру*; чувствъ не имѣетъ, а въ сестрицу влюбленъ. Не такой же ли и онъ мечтатель, какъ всѣ они, — только лжетъ искусиѣ? Не говорить ли больше, чѣмъ дѣлаетъ? «Наполеонъ безъ удачи...» усмѣхнулся Рыльевъ и рѣшилъ окончательно: «онъ врагъ; или я, или онъ».

Пестель ушелъ. Подали ужинъ. Рыльевъ ничего не Ѳѣлъ и легъ спать. Наталья Михайловна провѣрила счетъ по хозяйству, помолилася и тоже легла.

Какъ всегда передъ сномъ, говорила мужу о дѣлахъ: о продажѣ сѣна и овса въ подгородной деревушкѣ Батовѣ, Рождественѣ тожъ, о переводѣ мужиковъ съ оброка на барщину, о недоимкахъ, о мошенникѣ-старостѣ, о взносѣ семисотъ рублей процентовъ въ ломбардъ, о взяткѣ секретарю въ Сенатѣ по тяжебному дѣлу матушки. Наконецъ замѣтила, что онъ ее не слушаетъ.

— Слишь, Атя?

— Нѣть, а что?

— Какъ что? Я говорю, а ты не слушаешь... Такъ вотъ всегда! Ни до чего тебѣ дѣла нѣть, кроме Общества. Но если тебѣ Общество дороже всего, такъ и скажи прямо. Вѣдь ты не одинъ. «Конституція, революція, республика», — а мы-то съ Настенькой чѣмъ виноваты?..

Говорила плачущимъ голосомъ; подождала, не отвѣтить ли. Но онъ молчалъ.

— Ну, подумай, Атя: вѣдь, если что, не дай Богъ, слу-
чится съ тобой, я не вынесу! Такъ и знай, погубишь и меня,
и Настеньку...

— Наташа, — сказала онъ, сердито переворачиваясь съ боку на бокъ, — сколько разъ просилъ я тебя не говорить пустяковъ. Ну, какое тамъ Общество! Одни разговоры... Можешь быть спокойна: ничего со мной не будетъ... Ну, полно же, полно, дружокъ, не мучай себя, не раастраивай, спи съ Богомъ.

— Ахъ, Атя, Атечка, родненькій!.. Ну, что тебѣ, что тебѣ это Общество? Вѣдь сколько можно и такъ добра сдѣлать. Вѣдь какой ты у меня умница, какие стихи пишешь, какъ начальство любитъ тебя! Ушелъ бы совсѣмъ отъ нихъ. Зажили бы тихо, смироно, счастливо. Ну, чего еще нужно, Господи!..

Онъ обнялъ ее молча, съ нѣжностью. Затихла, еще нѣсколько разъ тяжело вздохнула, какъ маленькая дѣти, когда засыпаютъ, наплакавшись, и скоро услышалъ онъ знакомый, смѣшной, тоненький храпъ. Въ первые дни постѣ свадьбы, когда онъ восхвалялъ ее въ стихахъ:

Краса природы, совершенство,
Она моя! она моя!

— удивлялъ и огорчалъ его этотъ храпъ; а теперь сладко баюкалъ, какъ старая дѣтская пѣсенка.

Но сегодня и подъ эту пѣсенку долго не могъ уснуть. Было душно отъ натопленной печки, отъ пуховиковъ двуспальной постели, отъ собственного жара и жаркаго тѣла Наташи, отъ этихъ милыхъ, слабыхъ сонныхъ рукъ, которыя обвили его, сковали, какъ тяжкія цѣпи.

Мнѣ нѣть преграды, нѣть законовъ.
И чтобы *ее* не уступить,
Готовъ царей низвергнуть съ троновъ
И Бога въ небѣ сокрушить!

—писалъ когда-то. А вотъ теперь наоборотъ: чтобы *ихъ* низвергнуть, надо *ее* уступить.

Наконецъ задремалъ, но тотчасъ же проснулся; видѣль во снѣ что-то страшное, не могъ вспомнить что и только повторялъ про себя, въ ужасѣ: «что это? что это?..»

Часы въ столовой тикали: зеленая лампадка теплилась; слышался тоненький храпъ. Все, какъ всегда. Но во всемъ—новое, страшное—наяву, какъ во снѣ. Что это? Что это?

Вдругъ понялъ что. На одно мгновеніе съ ослѣпляющей ясностью, какая бываетъ только у внезапно проснувшихся ночью, въ совершенной тишинѣ, въ совершенномъ одиночествѣ,—понялъ, что не когда-то, гдѣ-то, а тутъ же, сейчасъ—вотъ она, смерть.

Готовъ ли онъ? Не права ли, Наташа? Не уйти ли, пока еще не поздно?

Но мгновеніе прошло, смерть отступила, уже пересталъ онъ ее понимать и подумалъ съ обычною ложью, съ обычною легкостью:

«Нѣть, поздно... Ну, что жъ, смерть, такъ смерть!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свадьба Софьи Нарышкиной съ графомъ Шуваловымъ назначена была лѣтомъ. Уже привезли изъ Парижа съ особымъ курьеромъ великолѣпное подвѣнечное платье, но невѣста отказалась наотрѣзъ примѣривать его, какъ ни упрашивала мать; а потому уже не могла, потому что опять заболѣла. Улучшенье, которому такъ радовался князь Валерьянъ, оказалось обманчивымъ. Во время ледохода болѣзнь усилилась, и началось кровохарканье. Государю врачи объявить не рѣшались, но про себя знали, что дни болѣйной сочтены.

Софья была слишкомъ слаба, чтобы везти ее за границу или на югъ Россіи. Врачи совѣтовали ей перѣѣхать за городъ.

Весна была ранняя, дружная; дни лучезарные. Въ тѣни тѣсныхъ овраговъ лежалъ еще снѣгъ, а на солнечныхъ дорогахъ уже пахло лѣтнею пылью. Небо цѣлыми днями — безоблачно-синее, какъ синее лампадное стекло съ огнемъ внутри; а если долго смотрѣть въ него, то казалось темнымъ, дневное — ночнымъ, какъ въ глубинѣ колодца. И за всей этой чрезмѣрной ясностью — темнота, пустота зіяющая.

Дача Нарышкиныхъ по петергофской дорогѣ — настоящій маленький дворецъ, съ бельведеромъ, откуда виденъ Финскій заливъ, Петербургъ и Кронштадтъ; съ плоскимъ зеленымъ куполомъ и бѣлыми столбами римского портика. Англійскій стриженый садъ со шпалерами, лабиринтами и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками; одна голько высокая аллея старыхъ плакучихъ березъ.

Въ покояхъ — тяжелое великолѣпіе павловскихъ времень: расписные потолки, штофные обои, золоченая мебель тусклыя зеркала, въ которыхъ лица живыхъ, какъ лиц покойниковъ. Но нѣсколько комнатъ отдалала Марья Антоновна въ новомъ, веселенькомъ французскомъ вкусѣ особенно комнату больной во второмъ этажѣ, окнами к морю. Обои, нарочно изъ Парижа выписанные, — серебристо-блѣлый атласъ съ блѣдно-алыми гвоздичками; легкая мебель лакированного свѣтлаго тополя; балконъ уставленный цвѣтующими померанцами въ оранжерейныхъ кадкахъ. «Настоящее гнѣздышко любви — nid d'amour — для моей бѣдненькой, бѣдненькой дѣвочки», говорил Марья Антоновна. Но на веселенькой мебели, какъ на тычкѣ больной ни присѣсть, ни прилечь. «Охъ, болять мои стари косточки!» горестно шутила Софья. Бѣлый атласъ напоминаль ей ненавистное подвѣнечное платье, которое теперь она какъ будто вѣчно примѣривала; алые гвоздички утомляли глаза, какъ мельканіе бреда.

Софья переносила болѣзнь мужественно; только что становилось легче, вставала, бродила по комнатѣ и увѣряла, что уже почти совсѣмъ здорова. Но Валерьяну Глицину, который опять проводилъ съ ней цѣлые дни, казалось, что она рада болѣзни и не хочетъ выздоровѣть. Лѣкарствъ не принимала, докторовъ не слушалась.

Однажды утромъ, вскорѣ послѣ переѣзда на дачу, чувствуя или вообразивъ, что чувствуетъ себя бодрѣе, перешелъ съ постели на кресло, старое-престарое, съ рваною кожей и торчавшую кое-гдѣ изъ дыръ волосяной набивкою, — родное среди этой чуждой мебели; изъ городского дома вѣрбовала его нарочно, потому что только на немъ могла сидѣть.

Утро было ясное, какъ всѣ эти дни; небо лампадинъ синее; тишина, какая бываетъ только раннею весною въ пустынныхъ дачахъ: щебетъ птицъ, скрежетъ граблей, дѣлкій-далекій топоръ, — должно-быть, рыбакъ чинить лодку на взморье, — тишина отъ этихъ звуковъ еще безпрѣдѣльнѣе. Открыта дверь на балконъ; запахъ весення

тра, березовыхъ почекъ смѣшивался съ душины запахомъ гѣкарствъ.

Стоя передъ Софьей на колѣняхъ, Голицынъ корыилъ съ ложечки предписанной врачами молочной овсянкой. Софья только изъ его рукъ соглашалась глотать ее, какъ гѣкарство, по ложечкѣ. Старая няня, Василиса Прокофьевна, вдали у двери, пригорюнившись, глядѣла на «корылѣе звѣря», какъ называла больная свой утренній завтракъ.

Отдыхая между двумя ложками, Софья наклонилась къ Голицыну и разглядывала лицо его съ внимательною улыбкою.

— А ну-ка, погодите, сдѣлайте лицо серьезное. Нѣть, еще, еще серьезнѣе... Да, ну же, ну! Больше не можете?

— Не могу.

— А морщина осталась.

— Какая морщина?

— Вотъ здѣсь, около губъ. Какъ будто всегда усмѣхаешься. Помните мраморного дѣдушку Вольтера въ нашей библіотекѣ? Вотъ и у васъ, пожалуй, такая же усмѣшка будетъ старости... Надъ чѣмъ вы смеетесь, ваше сіятельство?

— Не знаю, милая... Надъ собою развѣ?

— А очки вамъ не къ лицу. И не думайте, пожалуйста: все не карбонаръ, а просто нѣмецкій профессоръ въ отставкѣ. Ну, зачѣмъ вы ихъ носите? Изъ упрямства, что ли? Государь правъ, что терпѣть не можетъ очковъ... Ну, будетъ, не хочу больше,—оттолкнула она ложку. — Это повторая?

— Восьмая, а вы обѣщали двѣнадцать.

— Нѣть, не могу... Няня, голубушка, позволь больше есть. Нельзя же человѣка какъ каплуна откармливать...

— Что это, право, сударыня, точно маленькая! — зарычала старушка. — Да хоть совсѣмъ не ѿште. Оттого и больны, что докторовъ не слушаете.

Прокофьевна отвернулась, чтобы не заплакать, но исходила, какъ будто ждала чего-то.

— Такъ вотъ и будетъ стоять, пока не выгоню, — шептула Софья по-французски Голицыну. — Какъ мучаетъ,

если бы вы знали, какъ она меня мучаетъ, Господи! А вс
оттого, что любить... Злѣйшіе враги—любящіе. Развѣ и
такъ?

— Такъ-то такъ, да ужъ очень зло... пожалуй, злѣ
усмѣшки Вольтеровой.

— У меня теперь все такія злыхъ мысли, острья. Больн
отъ нихъ, какъ если иголку раскалить на огнѣ и воткнут
въ тѣло. Вотъ и въ васъ втыкаю, бѣдненькой, вижу, какъ от
боли корчитесь...

— Ничего, только бы вамъ полегче, — проговорил
онъ, цѣлуя прозрачно-блѣдную, съ голубыми жилками
руку ея, такую мертвую, такую дѣтскую.

— Ну, давайте овсянку кончать, а то ни за что не уѣ
детъ, — оглянулась Софья на Прокофьевну. — Однимъ ду
хомъ. Девятая, десятая, одиннадцатая, двѣнадцатая... Уф!
Уберите скорѣй эту гадость. Ну, няня, видишь, — кончила:
Не сердись же, не плачь, глупенькая! мнѣ лучше. Ну
право, совсѣмъ хорошо. Ступай съ Богомъ. Князь почитает
а я отдохну..

Голицынъ началъ читать *Свѣтлану* Жуковскаго.

— Нѣтъ, не надо, не надо, лучше другое! — останов
ила Софья. — Помнишь, въ Покровскомъ у пруда за тѣ
лицами?

Гдѣ невѣста, гдѣ твой милый,
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ, женихъ — мертвѣцъ.

Помнишь, какъ я тогда испугалась, а ты меня утѣшалъ:

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!

А вотъ узнала-таки!.. О, какіе страшные, страшные сны
Валенька! Какъ давно, Господи! Какіе мы старые, древніе.
Кажется, не семнадцать, а семьдесятъ лѣтъ...•Душно здѣсь
лькарствами пахнетъ; пойдемъ на балконъ.

Онъ поднялъ ее на руки: каждый разъ, какъ подымалъ,—
чувствовалъ, что все легче и легче легкая ноша, какъ будт
она въ рукахъ его таяла. Перенесъ на балконъ и усадилъ в
кресло. Лучъ солнца скользнулъ по золотистой пряди вс

лось и безсильно повисшей рукъ; еще блѣднѣе блѣдная рука, еще голубѣе голубыя жилки на солицѣ.

Софья прижалась лицомъ къ лицу его и болѣзнино щурила глаза отъ свѣта.

— Какъ хорошо! Какое море! Какіе паруса! Куда они плывутъ? Можетъ-быть, далеко-далеко. А когда доплывутъ...

«Когда доплывутъ, меня уже не будетъ», угадалъ онъ, какъ угадывалъ всѣ ея мысли.

— Душа бессмертна, говорятъ... Ты вѣришь?

— Вѣрю.

— А я не знаю... Если только душа, — зачѣмъ?.. Я хочу, чтобы и тамъ все, все, какъ здѣсь... Чтобы такъ же какъ вотъ сейчасъ, разрытою землею отъ цвѣточныхъ грядокъ пахло и березовыми почками. Вонъ комаръ жужжитъ. Пусть и комаръ тоже. Паучокъ, видишь, ползетъ, маленький, красненький. Пусть и онъ. И бородавку надъ губой у няни тоже хочу. Все, какъ здѣсь...

— И меня въ очкахъ?

— Нѣть, очковъ не надо. Вѣдь, я ихъ не люблю. И морщинки, которая смеется, не надо. Да гдѣ она? Пропала? Нѣть, вотъ... Только другая стала,—блѣдная. Ну, такую ничего, пожалуй, — можно. Все, что люблю, пусть и тамъ, какъ здѣсь... А если только душа, то не надо, ничего не надо. Смерть—такъ смерть. Одинъ конецъ... Ну, устала я что-то. Холодно. Пойдемъ.

Онъ перенесъ ее въ комнату и опять усадилъ въ кресло; укуталъ потеплѣе, потому что начинался ознобъ; обложилъ подушками; думалъ — задремлетъ, хотѣлъ отойти, но она подозвала его.

— А что у васъ? Какъ дѣла? Давно не разсказывалъ...

Онъ понялъ, что она спрашиваетъ о Тайномъ Обществѣ.

Знала о немъ; онъ долго не хотѣлъ рассказывать, — боялся, какъ бы не проговорилась государю, не выдала нечаянно; но, наконецъ, рассказалъ, только не называлъ никого по имени. Не могъ скрыть: она все о немъ знала, какъ и онъ о ней, вѣщимъ знаніемъ. И потомъ, здѣсь, въ комнатѣ больной, можетъ-быть, умирающей, Тайное Об-

щество, революція, республика казались ему игрушками, которыми онъ тѣшилъ ее, какъ больное дитя. Но иногда чувствовалъ съ ужасомъ, что она понимаетъ больше, чѣмъ онъ говоритъ, и что игрушки эти опасныя: не одна ли изъ нихъ — тотъ острый ножъ, которымъ онъ ранилъ ее до смерти?

Такъ и теперь началъ рассказывать что-то, думая только объ одномъ, — какъ бы развлечь и не ранить — подальше спрятать ножъ.

— Зачѣмъ не говоришь всего? — вдругъ остановила она и заглянула ему въ глаза пристально. — У тебя революція точно дѣтская сказочка: Сѣрый Волкъ — тиранъ, а свобода — Красная Шапочка. Но вѣдь это не такъ. Не такъ было — не такъ будетъ. Я же знаю...

О, стыдъ! О, ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары;
Падутъ безславные удары, —
Погибъувѣнчанный злодѣй!

Вотъ какъ, а не Красная Шапочка... Ты эти стихи знаешь?

— Знаю. А ты откуда? Кто тебѣ далъ?

— Дядя, Дмитрій Львовичъ. Добренкій онъ. Все, что хочу, съ нимъ дѣлаю. Вотъ и далъ, только велѣлъ никому не показывать, а то ему достанется... Это обѣ убийства императора Павла Перваго. И няня тоже рассказывала...

Помолчала и вдругъ шепнула ему на ухо:

— А какъ ты думаешь: онъ зналъ?

Опять заглянула ему въ лицо еще пристальнѣй

Голицынъ понялъ: спрашивала, зналъ ли государь-наслѣдникъ Александръ Павловичъ о томъ, что заговорщики хотятъ убить отца его, императора Павла I.

— Что же ты молчишь? Говори...

— Не надо, Софья! Зачѣмъ? Кто можетъ судить, кромѣ Бога?

— Нѣтъ, надо. Я хочу знать все, что ты думаешь. Говори же, только не скрывай, не обманывай. Зналъ ли онъ?

— Я думаю, всего не зналъ, — отвѣтилъ онъ чрезъ силу.

— А если бы зналъ,—продолжала она, — если бы зналъ, то все-таки... Вѣдь нельзя иначе? Вѣдь императоръ Павель злодѣемъ былъ, извергомъ?

— Какой извергъ! Просто больной, несчастный...

— Все равно, — сумасшедший.

Ты — ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Пятьдесятъ миллионовъ людей въ рукахъ сумасшедшаго,—развѣ можно это терпѣть? Надо было убить. Никто не виноватъ, никто не можетъ судить, кроме Бога. Самъ Богъ устроилъ такъ, что убивать надо. Умирать и убивать. Ужъ лучше бы не было Бога!.. И ты, и ты убилъ бы, если бы надо?.. Молчишь? Не хочешь сказать? Ну, все равно, я знаю, что ты думаешь...

И вдругъ опять зашептала ему на ухо:

— Намедни-то что мнѣ приснилось. Будто входимъ съ тобой въ эту самую комнату, а у меня на постели кто-то лежитъ, лица не видать, съ головой покрытъ, какъ мертвѣцъ саваномъ. А у тебя въ рукахъ будто ножъ, убить хочешь того на постели, крадешься. А я думаю: что, если мертвѣ? — живыхъ убивать можно, — но какъ же мертваго? Крикнуть хочу, а голоса нѣть; только не пускаю тебя, держу за руку. А ты разсердился, оттолкнулъ меня, бросился, ударилъ ножомъ, саванъ упалъ... Тутъ мы и увидѣли, кто это... Знаешь кто? Знаешь кто?.. — повторяла она задыхающимся шопотомъ, и онъ слышалъ, какъ зубы у нея стучать. — Охъ, Валенька, Валенька, знаешь кто?

Онъ зналъ: ся отецъ!

— Не надо, Софья, не надо! — сказалъ онъ, закрывая лицо руками. — Вѣдь это только сонъ, дурной сонъ отъ болѣзни. Пройдетъ болѣзнь — и не будетъ страшныхъ сновъ...

— Опять лжешь? Опять скрываешь? Не говоришь всего? Я хочу знать все, слышишь, все! Я же понимаю, что отъ кровви — Шапочка Красная. Знаешь, отъ чьей? Думалъ ты о

крови, когда шелъ къ нимъ? Можно ли итти на кровь, во имя Господа?.. Что вы вѣ о крови думаете? Что? Говори...

— Не надо! Не надо! — повторялъ онъ одно только слово, ломая руки въ отчаянны.

— Убивать надо, а говорить не надо?.. Нѣть, говори! Я больше не могу, не хочу! Говори же, не лги! Я знаю все, не обманешь! — проговорила она и отняла руки насилис отъ лица его, посмотрѣла на него въ упоръ,—въ этомъ взглядѣ былъ острый ножъ, ранящій до смерти. — Говори: *его* убить хотите?

— Что ты дѣлаешь, Софья...

— Что дѣлаю? Иглу раскаленную втыкаю въ тебя,—острый ножъ въ живого, а не въ мертваго. Что, больно? Ну, ничего, — потерпи, не мнѣ же одной отъ боли корчиться..

Злоба засверкала въ глазахъ ея, и отъ этой злобы стало ему еще жальче.

— Не со мною, а съ собою, что дѣлаешь, Господи! Ну, зачѣмъ?..

— Нѣть, не я, а ты, что ты со мной сдѣлалъ?.. Ничего я не знала, была глупая дѣвочка, ребенокъ; спокойна, счастлива. Ты пришелъ и разрушилъ все, возмутилъ, соблазнилъ... Помнишь, на концертъ Вѣльгорскаго? Отъ этого я и больна, умираю. Вѣдь обѣ этомъ сказано: *лучше бы мельничный жерновъ на шею...* Я же тебя не спрашивала. Началъ, — такъ и кончай... И чего теперь испугался? Что донесу, что ли? А можетъ, и донесу... Знаю все, не обманешь, знаю, чего вы хотите... И за что? Что онъ вамъ сдѣлалъ? Какъ у васъ рука на *него* подымется? И у тебя, Валенька родненькій, любимый мой, единственный! На него, на отца моего! Ужъ лучше бы ты меня!..

Онъ всталъ съ мертвенно-блѣднымъ, но какъ будто спокойнымъ лицомъ.

— Богъ тебѣ судья, Софья! Думай, какъ хочешь: злодѣи, убийцы, изверги... А можетъ-быть, глупыя дѣти,—я вѣдь иногда и самъ думаю: ничего не сдѣлаютъ, никого не спасутъ, только тебя погубятъ. А все-таки правда Божья!

у нихъ. И пусть недостоинъ я, пусть беру не по силамъ, ис вынесу, а уйти отъ нихъ не могу, даже если тебя, Софья...

Голосъ его оборвался, лицо искажилось, и, закрывъ его руками, онъ только повторялъ сквозь рыданія:

— Не уйду, не уйду! И если тебя потеряю, отъ нихъ ис уйду!

— Да кто тебя держитъ? — усмѣхнулась она съ тою же злобою, какъ давеча. — Ступай къ нимъ! Ступай! Ступай!

Упала навзничь на подушки и вся затрепетала, забилась, какъ раненая птица, сначала въ неистовыхъ рыданіяхъ, потомъ въ раздирающемъ кашль. Ему казалось, что она задохнется, умреть сейчасъ на его рукахъ.

Наконецъ кашель затихъ; но долго еще лежала съ лицомъ бѣлѣе бѣлыхъ подушекъ и съ закрытыми глазами, какъ мертвая. Онъ думалъ, не позвать ли на помощь. Но пошевелилась, открыла глаза.

— Ты здѣсь? Не ушелъ? Ничего, не бойся, прошло. Дай воды... Какъ руки у тебя дрожатъ! Не бойся же, мнѣ хорошо. Только не уходи, побудь со мною...

Вдругъ наклонилась и стала цѣловать руки его; плакала, но лицо было ясное, тихое; тихая, ясная улыбка

— Прости меня, Валя, голубчикъ! Это въ послѣдній разъ, больше не будетъ. Только прости, не уходи, не покирай меня, я безъ тебя не могу...

Онъ упалъ передъ ней на колѣни; она обняла голову его, гладила и цѣловала ему волосы.

— Ничего, ничего, полно, не плачь, все хорошо будетъ. Я знаю, Господь намъ поможетъ. Миѣ будетъ полегче. Вотъ уже теперь такъ легко, такъ хорошо съ тобою... Только обѣщай, что возьмешь меня къ себѣ. Я не могу здѣсь больше, не могу, не хочу! Я должна быть съ тобою. Гдѣ ты, тамъ и я. Если надо будетъ, уѣжимъ... Да? Далеко, далеко отъ всѣхъ... А потомъ и онъ будетъ съ нами. Онъ вѣдь мнѣ обѣщалъ оставить все и жить со мною. Вотъ и будемъ втросимъ: онъ, ты да я... И тогда все ему скажемъ. Онъ пойметъ, сдѣлаетъ! Вѣдь и онъ того же хочетъ, что вы? Ты самъ говорилъ, что и онъ хочетъ того же... И не будетъ крови. Не надо крови...

А если надо, то онъ самъ отдастъ свою кровь, вмѣстѣ съ вами, за вольность, за счастье Россіи! Такъ будетъ, Валя, будетъ, да? Скажи, что будетъ! — повторяла, какъ безумная.

— Будетъ! Будетъ! — повторялъ и онъ, чувствуя, что въ этомъ безумны — пророчество: когда-то, гдѣ-то, можетъ-быть, въ мірѣ нездѣшнемъ,—но такъ будетъ.

Вдругъ оба прислушались. На мосту у воротъ застучали копыта; песокъ садовой аллеи заскрипѣлъ подъ колесами. Голицынъ выбѣжалъ на балконъ.

— Онъ? — спросила Софья, когда Голицынъ вернулся въ комнату.

— Да, прощай...

— Нѣтъ, погоди. Слышишь: къ маменькѣ прошелъ. Успѣешь... Постой же, я хотѣла еще что-то сказать... Да, можетъ-быть, и лучше, если умру? Помирю васъ, мертвая, скорѣе, чѣмъ живая... Но, живая или мертвая, всегда съ тобою! И гнать будешь, не уйду, — оттуда приходить буду. Помни же: куда ты, туда и я. И если Богъ тебя осудить, то пусть и меня... Но не осудить Богъ! Ну, дай, благословлю. Сохрани, помоги, помилуй васъ всѣхъ, Господи! Спаси, Матерь Пречистая!

Перекрестила и поцѣловала его съ тою же тихою, ясною улыбкою.

— Ну, ступай, ступай скорѣе!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Но было поздно: шаги государя слышались на лѣстницѣ; Голицынъ встрѣтился съ нимъ; посторонился съ низкимъ поклономъ. Государь посмотрѣлъ на него, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но молча нахмурился, кивнулъ головой и прошелъ мимо.

Давно уже просилъ онъ Марью Антоновну не принимать Голицына. Софья, подъ предлогомъ болѣзни, не пускала къ себѣ на глаза жениха своего, графа Шувалова, а Голицынъ проводилъ съ нею цѣлые дни. Это казалось государю неприличнымъ: къ тому же замѣтилъ онъ, что бесѣды эти вредно вліяютъ на ея здоровье, волнуютъ ее, разстраиваютъ. Рѣшилъ ей самой это высказать.

Но когда увидѣлъ ее, забылъ о своемъ рѣшеніи: такая перемѣна произошла въ ней за два дня, что онъ испугался какъ будто теперь только понялъ, что она смертельно больна.

Обрадовалась, ласкалась къ нему, какъ всегда. Но оба чувствовали, что раздѣляетъ ихъ какая-то неодолимая преграда. Обнимая, цѣловала его; но въ лицѣ двухсмысленное противорѣчіе между слишкомъ нѣжною улыбкою губъ и жестокой морщиною лба опять поразило ее, такъ же какъ нѣкогда въ Торвальдсеновомъ мраморѣ; вдругъ вспомнилось ей, какъ въ дѣствѣ обнимала, цѣловала она этотъ мраморъ, и какъ теплѣлъ онъ подъ ея поцѣлуями, казался живымъ.

И стало страшно, — какъ бы теперь, когда цѣловала живого, не показалось, что цѣлуетъ мертваго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ первыхъ числахъ мая назначено было у Рыльева собраніе Тайного Общества, чтобы выслушать предложеніе Пестеля.

Въ маленькой квартирѣ все было перевернуто вверхъ дномъ. Ненужную мебель вынесли; открыли двери настежь въ кабинетъ и гостиную; Наташа съ Настенькой уѣхали ночевать къ знакомымъ.

Засѣданіе назначено въ восемь часовъ вечера, а сходиться начали къ семи. Это было рѣдкостью: обыкновенно опаздывали или не приходили вовсе. На лицахъ — тревога и торжественность. Многіе явились въ орденахъ и мундирахъ. Говорили вполголоса; курить выходили на кухню. Ожидали Пестеля; каждый разъ, какъ открывалась дверь, оборачивались: не онъ ли?

Никита Михайловичъ Муравьевъ, капитанъ гвардейскаго генерального штаба, лѣтъ тридцати съ небольшимъ,—блѣдно-желтый гемороидальный цвѣтъ лица, блѣдно-желтые рѣдкіе волосы, блѣдно-желтые, точно полинялые, отъ свѣта прищуренные глаза,—настоящій петербургскій чиновникъ,—сидя за столомъ, поодаль отъ всѣхъ, читалъ бумаги и дѣлалъ на поляхъ отмѣтки карандашомъ. Только что кончикъ тупился, — чинилъ торопливо и тщательно: могъ писать только самымъ острымъ кончикомъ, подобно Сперанскому, которому поклонялся и подражалъ во всемъ. Напишетъ два-три слова и чинить, каждый разъ привычнымъ движениемъ, подымая бумагу къ близорукимъ глазамъ и сдувая кучку графитовой пыли съ такимъ озабоченнымъ

видомъ, какъ будто судьба предстоящаго собранія зависѣла отъ этого. Сочинитель Сѣверной конституціи, главный противникъ Пестеля за его республиканскія крайности, — готовился ему возражать; но воливался и не могъ сосредоточиться.

Друзья считали Муравьевъ единственнымъ въ Обществѣ умомъ государственнымъ: что Сперанскій для нынѣшней Россіи, то Муравьевъ для будущей. Кабинетный ученый, осторожный и умѣренный, онъ составлялъ законы Россійской конституціи такъ же кропотливо, какъ часовщикъ собираетъ подъ лупою пружинки, колесики, винтики. Работалъ въ Тайномъ Обществѣ, какъ въ министерской канцеляріи. Написанное казалось ему сдѣланнымъ. Признавалъ необходимость революціи, но въ тайнѣ боялся ея, какъ всякой чрезмѣрности. Пестель шутилъ, что Муравьевъ похожъ на человѣка, который просить ваты заткнуть себѣ уши, чтобы не надуло, когда его ведутъ на смертную казнь. Дѣйствовать въ революціи мѣшала ему эта вѣчная вата въ ушахъ, и геморой, и жена: чуть что, она увозила его въ деревню и тамъ держала подъ замкомъ, пока все успокоится.

Чиня карандаши, невольно прислушивался къ мѣшившимъ ему разговорамъ.

Въ ожиданіи Пестеля говорили о немъ. Разсказывали объ отцѣ его, бывшемъ сибирскомъ генералъ-губернаторѣ,— самодурѣ и взяточникѣ, отрѣшенномъ отъ должности и попавшемъ подъ судъ; рассказывали о самомъ Пестелѣ — яблочко отъ яблони недалеко падаетъ, — какъ угнеталъ онъ въ полку офицеровъ и приказывалъ бить палками солдатъ за малѣйшія оплошности по фронту.

— Бить-то ихъ бьетъ, а они его все-таки любятъ: лучшаго, говорятъ, командира не надо.

— «Годится на все: дай ему командовать арміей, или сдѣтай какимъ хочешь министромъ, вездѣ будетъ на мѣстѣ», приводили отзывъ графа Витгенштейна, главнокомандующаго второю арміей.

— Государь на Тульчинскомъ смотрѣ былъ особенно доволенъ полкомъ Пестеля. «Превосходно, точно гвардія!»—

изволилъ сказать и три тысячи десятинъ земли ему пожаловалъ. А какъ узналъ, что Пестель — въ Тайномъ Обществѣ, испугался, говорять, не на шутку...

— Государь вообще боится нась, — усмѣхнулся Бестужевъ, самодовольно поглаживая усики.

— «Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова», — напоминали отзывъ Пушкина о Пестелѣ.

— Уменъ, какъ бѣсь, а сердце мало, — замѣтилъ Кюхля.

— Просто хитрый властолюбецъ: хочетъ нась скрутить со всѣхъ сторонъ... Я понялъ эту птицу, — рѣшилъ Бестужевъ.

— Ничего не сдѣлаетъ, а только погубить нась всѣхъ ни за денежку, — предостерегаль Одоевскій.

— Онъ меня въ ужасъ привелъ, — сознался Рыльевъ: — надобно ослабить его, иначе все заберетъ въ руки и будетъ распоряжаться какъ диктаторъ.

— Знаемъ мы этихъ армейскихъ Наполеошекъ! — презрительно усмѣхался Якубовичъ, который успѣлъ въ общей ненависти къ Пестелю примириться съ Рыльевымъ, послѣ отѣзда Глафиры въ Чухломскую усадьбу.

— Наполеонъ и Робеспьеръ вмѣстѣ. Погодите-ка ужо, доберется до власти — покажеть намъ Кузькину мать! — заключилъ Батенковъ.

Слушая, какъ сквозь сонъ, князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ смотрѣлъ въ окно на вечернюю звѣзду въ золотисто-зеленомъ небѣ и вспоминалъ глаза умирающей дѣвочки. Ея спасеніе или спасеніе Россіи — чѣмъ ему дороже? Ну, пусть революція, а вѣдь все-таки — смерть. И почему судьба человѣка меныше, чѣмъ судьба человѣчества? Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душа своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою? Передъ смертью, передъ вѣчностью не правъ ли тотъ, кто сказалъ: «политика только для черни»? И какъ непохоже то, что говорятъ эти люди, на вечернюю звѣзду въ золотисто-зеленомъ небѣ и на глаза умирающей дѣвочки.

Непохоже, *несоединено*. Въ послѣднее время все чаще повторялъ онъ это слово: «несоединено». Три правды: первая

когда человѣкъ одинъ; вторая, когда двое; третья, когда трое или много людей. И эти три правды никогда не сойдутся, какъ все вообще въ жизни не сходится. «Несоединимо».

— Онь! Онь! — пронесся шопотъ, и всѣ взоры обратились на вошедшаго.

Однажды, на Лейпцигской ярмаркѣ, въ музѣѣ восковыхъ фігуръ, Голицынъ увидѣлъ куклу Наполеона, которая могла вставать и поворачивать голову. Угловатою рѣзкостью движений Пестель напомнилъ ему эту куклу, а тяжелымъ, стишкомъ пристальнымъ, какъ будто косящимъ, взглядомъ — одного школьнаго товарища, который впослѣдствіи заболѣлъ падучею.

Усѣлся на кожаныя кресла съ высокими спинками, за длинный столъ, крытый зеленымъ сукномъ, съ малахитовой чернильницей, бронзовыми предсѣдательскими колокольчиками и бронзовыми канделабрами — все взято на прокатъ изъ Русско-Американской Компании; зажгли свѣчи, безъ надобности, — было еще свѣтло, — а только для пышности. Хозяинъ оглянулъ все и остался доволенъ: настоящій парламентъ.

— Господа, объявляю засѣданіе открытымъ, — произнесъ предсѣдатель, князь Трубецкой, и позвонилъ въ колокольчикъ, тоже безъ надобности, было тихо и такъ. — Слово принадлежитъ директору Южной Управы, полковнику Павлу Ивановичу Пестелю.

— Соединеніе Сѣвернаго Общества съ Южнымъ на условіяхъ таковыхъ предлагается нашею Управою, — началъ Пестель. — Первое: признать одного верховнаго правительства и диктатора обѣихъ управъ; второе: обязать совершеннымъ и беспрекословнымъ повиновеніемъ оному; третье: оставя дальній путь просвѣщеній и медленнаго на общее мышніе дѣйствія, сдѣлать постановленія болѣе самовластныя, чѣмъ ничтожныя правила, въ нашихъ уставахъ наложенные, понеже сдѣланы были сіи только для робкихъ душъ, на первый разъ, и, принявъ конституцію Южнаго Общества, подтвердить клятвою, что иной въ Россіи не будетъ...

— Извините, господинъ полковникъ, — остановилъ предсѣдатель изысканно-вѣжливо и мягко, какъ говорилъ всегда:— во избѣжаніе недоумѣній, позвольте узнать, конституція ваша — республика?

— Да.

— А кто же диктаторъ? — тихонько, какъ будто про себя, но такъ, что всѣ услышали, произнесъ Никита Муравьевъ, не глядя на Пестеля. Въ этомъ вопросѣ таился другой: «ужъ не вы ли?»

— Отъ господъ членовъ Общества онаго лица избраніе зависѣть должно, — отвѣтилъ Пестель Муравьеву, чуть-чуть нахмутившись, видимо, почувствовавъ жало вопроса.

— Не пожелаетъ ли, господа, кто-либо высказаться? — обвелъ предсѣдатель глазами собраніе.

Всѣ молчали.

— Прежде чѣмъ говорить о возможномъ соединеніи, нужно бы знать намѣренія Южнаго Общества, — продолжалъ Трубецкой.

— Единообразіе и порядокъ въ дѣйствіи... — началъ Пестель.

— Извините, Павелъ Ивановичъ, — опять остановилъ его Трубецкой такъ же мягко и вѣжливо:— намъ хотѣлось бы знать точно и опредѣлительно намѣренія ваши ближайшія, первые шаги для приступленія къ дѣйствію.

— Главное и первоначальное дѣйствіе — открытие революціи посредствомъ возмущенія въ войскахъ и упраздненія престола, — отвѣтилъ Пестель, начиная, какъ всегда въ раздраженіи, выговаривать слова слишкомъ отчетливо: раздражало его то, что перебиваются и не даютъ говорить.— Должно заставить Синодъ и Сенатъ объявить временное правленіе съ властью неограниченной...

— Неограниченную, самодержавную? — опять вставилъ тихонько Муравьевъ.

— Да, если угодно, самодержавную..

— А самодержецъ кто?

Пестель не отвѣтилъ, какъ будто не слышалъ.

— Предварительно же надо, чтобы царствующая фамилия не существовала, — кончилъ онъ.

— Вотъ именно, объ этомъ мы и спрашиваемъ, — подхватилъ Трубецкой: — каковы по сemu намѣренія Южнаго Общества?

— Отвѣтъ ясенъ, — проговорилъ Пестель и еще больше нахмурился.

— Вы разумѣете?

— Разумѣю, если непремѣнно нужно выговорить, — цареубийство.

— Государя императора?

— Не одного государя

· · · · · .

Говорилъ такъ спокойно, какъ будто доказывалъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ; но въ этомъ спокойствіи, въ безкровныхъ словахъ о крови было что-то противоестественное.

Когда Пестель умолкъ, всѣ невольно потупились и затаили дыханіе. Наступила такая тишина, что слышно было, какъ нагорѣвшія свѣчи потрескиваютъ, и сверчокъ за печкой поетъ уютную пѣсеньку. Тихая, душная тяжесть навалилась на всѣхъ.

— Не говоря объ ужасѣ, каковой убийства сіи произвести должны и сколь будутъ убійцы гнусны народу, — началъ Трубецкой, какъ будто съ усиліемъ преодолѣвая молчаніе, — позволительно спросить, готова ли Россія къ новому вещей порядку?

— Чѣмъ болѣе продолжится порядокъ старый, тѣмъ менѣе готовы будемъ къ новому. Между зломъ и добромъ, рабствомъ и вольностью не можетъ быть середины. А если мы не рѣшили и этого, то о чёмъ же говорить? — возразилъ Пестель, пожимая плечами.

Трубецкой хотѣлъ еще что-то сказать.

— Позвольте, господинъ предсѣдатель, изложить мысли мои по порядку, — перебилъ его Пестель.

— Просимъ васъ о томъ, господинъ полковникъ!

Такъ же какъ въ разговорѣ съ Рылѣевымъ, началъ онъ «съ Немврода». Въ рѣчахъ его, всегда заранѣе обдуманныхъ, была геометрія — ходъ мыслей отъ общаго къ частному.

— Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низвергненныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько переворотовъ совершиенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями совершать оныя. Къ тому же, имѣеть каждый вѣкъ свой признакъ отличительный. Нынѣшній — означенованъ мыслями революціонными: отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей, духъ преобразованія заставляетъ всюду умы клохотать...

Говорилъ книжно, иногда тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ, съ неуклюжею замѣною иностранныхъ словъ русскими, собственного изобрѣтенія: революція — *превращеніе*, тиранство — *зловластье*, республика — *народоправленіе*. «Я не люблю словъ чужестранныхъ», признавался онъ.

«Планщикомъ» назвалъ Пушкинъ стихотворца Рылѣева; Пестель въ политикѣ былъ тоже планщикъ. Но въ отвлеченныхъ планахъ горѣла воля, какъ въ ледяныхъ кристаллахъ — лунный огонь. Говориль, какъ власть имѣющій, и очарованіе логики подобно было очарованію музыки или женской прелести.

Одни плѣнялись, другіе сердились; иные же плѣнялись и сердились вмѣстѣ. Но чувствовали всѣ, такъ же какъ намедни Рылѣевъ, что бывшее далекою мечтою становится близкимъ, тяжкимъ, грознымъ и отвѣтственнымъ.

Перейдя къ разбору муравьевской конституції, не оставилъ въ ней камня на камнѣ. Съ неотразимою ясностью обнаружилъ сходство ея съ древнею удѣльною системой, отъ которой едва не погибла Россія, — «ужасное вельможество и аристократію богатствъ».

— Сії аристократії, главная препона благоденствія общаго и главное утверждніє зловластія, однииъ только республиканскимъ образованіемъ правленія устранины быть могутъ.

Муравьевъ хотѣлъ произнести свою рѣчъ, когда Пестель выскажетъ все до конца, но сидѣлъ какъ на иголкахъ и, наконецъ, не выдержалъ.

— Какая же аристократія, помилуйте! Ни въ одномъ государствѣ европейскомъ не бывало, ни въ Англіи, ни даже въ Америкѣ, такой демократіи, каковая черезъ выборы въ нижнюю палату Русскаго Вѣча, по нашей конституції, имѣеть быть достигнута...

— У меня, сударь, имя не русское, — заговорилъ вдругъ Пестель съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ, — но въ предназначеніе Россіи я вѣрю болѣше вашего. Русскою правдою назвалъ я мою конституцію, понеже уповаю, что правда русская нѣкогда будетъ всесвѣтною, и что примутъ ее всѣ народы европейскіе, доселѣ пребывающіе въ рабствѣ, хотя не столь явномъ какъ наше, но, быть-можетъ, злѣйшемъ, ибо неравенство имуществъ есть рабство злѣйшее. Россія освободится первая. Отъ совершенного рабства къ совершенной свободѣ — таковъ нашъ путь. Ничего не имѣя, мы должны пріобрѣсти все, а иначе игра не стоитъ свѣчъ...

— Браво, браво, Пестель! Хорошо сказано! Или все, или ничего! Да здравствуетъ Русская Правда! Да здравствуетъ революція всесвѣтная! — послышались рукоплесканія и возгласы.

Если бы онъ остановился во-время, то увлекъ бы всѣхъ, и побѣда была бы за нимъ. Но его самого влекла безпощадная логика, посылка за посылкой, выводъ за выводомъ, — и остановиться онъ уже не могъ. Въ ледяныхъ кристаллахъ разгорался лунный огонь, — совершенное равенство, тождество, единособразіе въ живыхъ громадахъ человѣческихъ.

— Равенство всѣхъ и каждого, наибольшее благоденствіе наибольшаго числа людей, — такова цѣль устройства гражданскаго. Истина сія столь же ясна, какъ всякая истинна математическая, никакого доказательства не требующая

и въ самой тсoremъ всю ясность свою сохраняющая. А поелику изъ оного явствуетъ, что всѣ люди должны быть равны, то всякое постановленіе, равенству противное, есть нестерпимое зловластіе, уничтоженію подлежащее. Да не содержитъ въ себѣ новый порядокъ ниже тѣни старого..

Математическое равенство, какъ бритва, брило до кроши; какъ острый серпъ—колосья—срѣзывало, скашивало головы, чтобы подвести всѣхъ подъ общій уровень.

— Всякое различіе состояній и званій прекращается; всѣ титулы и самое имя дворянина истребляется; купеческое и мѣщанское сословіе упраздняются; всѣ народности отъ права отдѣльныхъ племенъ отрекаются, и даже имена онѣхъ, кромѣ единаго, великороссійскаго, уничтожаются...

Все рѣзче и рѣзче рѣжущіе взмахи бритвы. «Уничтожается», «упраздняется» — въ словахъ этихъ слышался стукъ топора въ гильотинѣ. Но очарованіе логики, исполнинскихъ ледяныхъ кристалловъ съ луннымъ огнемъ, подобно было очарованію музыки. Жутко и сладко, какъ въ волшебномъ снѣ — въ видѣніи міра нездѣшняго, Града грядущаго, изъ драгоценныхъ камней построенаго Великимъ Планщикомъ вѣчности.

— Когда же всѣ различія состояній, имущество и племенъ уничтожатся, то граждане по волостямъ распредѣлятся, дабы существованіе, образованіе и управлениe дать всему единообразное — и всѣ во всемъ равны да будутъ совершенными равенствомъ,—заключилъ онъ общій планъ и перешель къ подробностямъ.

Цензура печати строжайшая; тайная полиція со шпіонами изъ людей непорочной добродѣтели; свобода совѣсти сомнительная: православная церковь сбывалялась господствующей, а два миллиона русскихъ и польскихъ евреевъ изгоняются изъ Россіи, дабы основать іудейское царство на берегахъ Малой Азіи.

Слушатели какъ будто просыпались отъ очарованнаго сна; сначала переглядывались молча; затѣмъ послышались насмѣшилывые шопоты, и, наконецъ, негодующіе возгласы.

— Да это хуже Аракчеева!

— Воспіяла поселенія, а не республіка!

— Мундиръ бы завести для всѣхъ россіянъ одинаковый, съ двумя параллельными шнурами въ знакъ равенства!

— Не русская правда, а нѣмецкая!

— Самодержавіе злѣйшее!

А Пестель, ничего не видя и не слыша, продолжалъ говорить, какъ будто наединѣ съ собою.

Голицынъ вглядывался въ него, и маленький человѣкъ, со спокойнымъ лицомъ, въ треуголкѣ и сѣромъ плащѣ, вспоминался ему, на высотахъ Шевардинскаго редута, въ пороховомъ дыму и въ огнѣ, надъ грудами убитыхъ и раненыхъ, ходившій взадъ и впередъ шагами такими тяжелыми, что, казалось, не отъ пушечныхъ выстрѣловъ, а отъ этихъ шаговъ дрожитъ и стонетъ земля. Маленький человѣкъ похожъ быть на свою собственную куклу, автомата въ музей восковыхъ фигуръ. Неземная тяжесть, роковая одержимость. Какъ будто не самъ онъ движется, а кто-то движаетъ, дергаетъ его, какъ петрушку за ниточку.

Пестель вынулъ изъ портфеля перечерченную военную карту Российской имперіи, разложилъ ее на столѣ и началъ объяснять раздѣленіе областей будущей Российской республики, съ новою столицею, соединяющей Европу съ Азіей, Нижнимъ-Новгородомъ, подъ названіемъ Владимира, въ честь св. Владимира. Карта приложена была къ Русской Правдѣ.

— Неубитаго медвѣдя шкуру дѣлимъ, — замѣтилъ кто-то.

— А Польша гдѣ?

— Здѣсь, — указалъ Пестель на карту.

— Какъ здѣсь? За рубежомъ?

— Да, отдѣлена отъ Россіи.

— Не знаю, какъ вы, господа, — вдругъ поблѣднѣлъ и вскочилъ Рыльевъ, — а я никому не позволю разыгрывать въ кости судьбу моей родины!

Повсюду кричали и другіе, закричали въ яности:

— Не позволимъ! Не позволимъ!

— Вотъ они, Южные, вотъ куда гнуть!

— Кромсать Россію! Да чортъ васъ дери съ вашею республикою!

— Предатели!

— Враги отечества!

Неистовый Кюхля схватилъ карту и разорвалъ ее пополамъ.

Предсѣдатель изо всей силы звонилъ въ колокольчикъ, но долго еще шумъ не унимался.

— Я полагаю, господинъ полковникъ, что отторженіе столь коренныхъ областей, какъ Польша, отъ державы Россійской многимъ не понравится,—началъ было Трубецкой примирительно, когда стало потише.

— А я полагаю, господинъ предсѣдатель, что мы исповѣдуемъ либеральные взгляды не для того, чтобы нравиться людямъ, изъ коихъ большинство глупцы,—усмѣхнулся Пестель такъ высокомѣрно, что даже кротчайшаго Трубецкого передернуло.

— А главное, хамы всѣ; не отъ огня или потопа, а отъ хамства погибнетъ земля!—выпалилъ вдругъ доселѣ безмолвный Каходскій и опять замолчалъ на весь вечеръ.

— Съ однимъ не могу никакъ согласиться,—заключилъ Рыльевъ:—въ республикѣ вашей смертная казнь уничтожается, а вамъ безъ нея не обойтись, гильотина понадобится, да еще какъ: намъ же первымъ головы срубите...

— Не гильотина, а пестелина!—крикнулъ Бестужевъ Одоевскій закорчился и закашлялся отъ смѣха такъ, что долженъ былъ выйти въ другую комнату.

Голицину казалось, что всѣ, навалившись кучею, бывают спящаго или пьяного.

Заранѣе предчувствуя побѣду, Муравьевъ попросилъ слова. Заговорилъ—и съ отрадою почувствовали всѣ, какъ вещи, сдвинутыя Пестелемъ, возвращаются на старыя мѣста; опять становится все нетяжкимъ, негрознымъ, неответственнымъ; рѣжущая бритва окутывалась ватою; ледяные кристаллы таяли и превращались въ теплую воду.

Муравьевъ доказывалъ необходимость медленнаго дѣйствія.

— Въ самой натурѣ постепенное теченіе времени даетъ жизнъ, ростъ и зрѣлость всему; крупныя же и быстрая событія производятъ вихри, бури, землетрясенія и разрушенія. Точно такъ же народу, пребывшему вѣка безъ сознанія вольности гражданской, дарованіе оной располагаемо должно быть съ постепенностью. Поставлять же внезапно и насилиствено, на мѣсто правленія законнаго, самовластіе временныхъ диктаторовъ,—людей, никому невѣдомыхъ, есть дѣло безразсудное. Увѣрены будучи въ томъ,—заключилъ ораторъ,—что Россія не можетъ быть иначе управляема, какъ монархомъ законнымъ и наследственнымъ, отвергаетъ Сѣверное Общество всякую мысль о республиканскомъ образѣ правленія и единственной цѣлью своей полагаетъ конституцію монархическую.

— Браво, браво, Муравьевъ!—закричали и захлопали ему тѣ же, кто давеча кричать и хлопать Пестеля.

— Не бывать республикѣ!

— Да здравствуетъ монархія!

— Да здравствуетъ конституція Сѣверная!

Голицынъ давно уже видѣлъ, какъ лицо Пестеля блѣднѣло, искажалось, и въ тускло-черныхъ глазахъ загорался тяжелый, припадочный блескъ. Вдругъ ударилъ онъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Такъ будетъ же республика!

Всѣ на минуту притихли. Но тотчасъ же опять поднялся неистовый крикъ:

— Долой диктаторовъ!

— Долой Пестеля!

— Второго Бонапарта!

— Второго самодержца!

— Павла Второго!

Пестель, какъ будто просыпалась, обвелъ всѣхъ медленными взоромъ.

— Господа,—заговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, съ тихумъ и грустнымъ недоумѣніемъ въ потухшихъ глазахъ,—я ни на какія личности отвѣтить не буду. Я пришелъ сюда не съ тѣмъ. Ежели обидѣлъ кого, прошу извинить...

Но стыдио будеть тому, кто подозрѣвастъ личные виды. Послѣдствіе покажетъ, что таковыхъ не было. Впрочемъ, если я одинъ мѣшаю всему, я готовъ удалиться изъ Общества.

Остановился, помолчалъ и вяло, разсѣянно, точно о другомъ думая, потеръ лобъ рукою:

— Я хотѣль еще что-то... ну, да все равно...

Въ лицѣ и въ голосѣ его что-то было такое простое, правдивое и печальное, что всѣ на мгновеніе опомнились и, такъ же какъ давеча, затаили дыханіе, потупились, не глядя другъ на друга. И тихая душная тяжесть опять навалилась на всѣхъ. Почувствовали, что не надо было говорить того, что говорили, и что не въ немъ, а въ самихъ себѣ они что-то унизили.

Голицынъ всталъ и подошелъ къ Пестелю.

— Я хочу вамъ сказать при всѣхъ, Павелъ Ивановичъ! Со многимъ я несогласенъ, но главное вѣрно у васъ, и я того же мнѣнія до корня: низверженіе династіи, провозглашеніе республики. Что бы ни говорили,—это такъ, и безъ этого ничего не будетъ, ничего не будетъ!

Пестель посмотрѣлъ на Голицына съ удивленіемъ, какъ будто все еще не понимая, но вдругъ улыбнулся простодушною улыбкою, тою же самою, съ которой спрашивалъ намедни Рылѣева о персидской шали для сестры и отъ которой лицо сего сразу молодѣло, хорошѣло до неузнаваемости.

— Спасибо вамъ... я не знаю вашего имени.

— Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ.

— Ну, спасибо, спасибо вамъ, князь!—сказалъ, крѣпко, до боли, пожимая ему руку.

Голицынъ заглянулъ въ глаза Пестелю и тоже улыбнулся,—почувствовалъ, что можетъ полюбить его, какъ брата. Но въ то же мгновеніе увидѣлъ глаза умирающей дѣвочки.

Пестель, собираясь уходить, складывалъ въ портфель бумаги, листки Русской Правды и половинки разорванной карты Россійской республики,—вѣрно, дома склеить тщательно. Никто его не удерживалъ.

Зеленое сукно, взятое на прокатъ изъ Русско-Американской Компании, сияли со стола, чтобы не запачкать, и покрыли

столъ бѣлою скатертью. Потушили свѣчи, за jakiли аианасовыи пущи; сахарная голова запылала въ голубыхъ волнахъ спиртового пламени; захлопали пробки, полилось шампанское. Пиръ вскладчину: съ каждого гостя по двадцати рублей ассигнациями.

Отъ грозной и душиой Пестелевої тяжести съ наслаждениемъ возвращались къ обыденной легкости, какъ будто, проснувшись, потягивались, расправляли члены и торопились наверстать упущенное. Говорили о послѣднемъ парадѣ, о чинахъ и производствѣ, о танцовщицѣ Истоминой и закулисныхъ шалостяхъ гвардейцевъ, о Семеновой, которая провалилась намедни въ Лобановской Федрѣ; спорили о цыганкахъ, щешкѣ и Маяркѣ, кто лучше поетъ,—почти съ такимъ же увлеченіемъ, какъ только что о республикѣ и монархіи

Чимбираякъ-чимбираякъ-чимбираяшечки!

Съ голубыми вы глазами, мои душечки!—

пѣлъ Бестужевъ, подражая щешкѣ.

Затянули хоромъ::

Отечество наше страдаетъ

Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!

• • • • • • • • • • • •

Свобода! Свобода!

Ты царствуй надъ нами...

Кюхля пошелъ плясать казачка и растянулся при общемъ хохотѣ. Якубовичъ произнесъ рѣчь:

— Господа, я не хочу принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, чтобы не плясать по чужой дудкѣ. По моему мнѣнію, одинъ человѣкъ рѣшительный полезнѣе всѣхъ обществъ. Я жестоко оскорблена государемъ. Развѣ вы не знаете, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ не написана на лбу моемъ кровавая причина?

Сорвалъ повязку съ головы и, вынувъ изъ бокового кармана полуистлѣвшій листокъ, штабный приказъ по гвардіи, съ чиномъ капитана вмѣсто полковника, помахалъ надъ головой:

— Вотъ пилюля, которую восемь лѣтъ ношу у ретивого; восемь лѣтъ жажду мщенія. Ему не ускользнуть отъ меня... Тогда пользуйтесь случаемъ, дѣлайте, что хотите, созывайте вашъ Великій Соборъ и дурачтесь досыта!

Выслушали молча и заговорили тотчасъ о другомъ: гдѣ бы провести остатокъ ночи, въ Красный ли кабачокъ закатиться на тройкахъ, или по сосѣдству въ Фонарный, къ «дамочкамъ». Но говорили уже вяло, со скучою; сразу устали, опьянѣли и отяжелѣли. Веселье потухало, какъ блѣднѣ-голубое пламя пунша въ блѣдно-зеленой тусклости утра.

Затянули еще разъ на прощанье, но тоже со скучою:

Отечество наше страдаетъ...

· · · · · · · · · ·

И опять:

Чимбирякъ-чимбирякъ-чимбиряшечки!

Съ голубыми вы глазами, мои душечки!

Одинъ въ кабинетѣ, забившись въ уголъ дивана и закрывъ лицо руками, сидѣлъ Одсевскій. Голицынъ подошелъ къ нему. Тотъ услышалъ и отнялъ руки отъ лица.

— А знаете, князь,—проговорилъ онъ, и Голицыну казалось, что слезы у него на глазахъ,—вѣдь Пестель-то правъ: стыдно, Боже мой, какъ стыдно и гадко все! Ничего не будетъ. Болтуны несчастные: надѣлала синица славы, а моря не зажгла...

Голицынъ молча простился и вышелъ на улицу.

Свѣтло, тихо, пусто. Внизу—опрокинутое въ Мойкѣ бѣлое небо, и вверху—оно же, бѣлое, слѣпое, какъ остеклѣвшій глазъ покойника; сѣрая каланча надъ сѣрою сѣзжею; у полосатой будки сонный будочникъ; грохочущія телѣги со смрадными бочками; ругань двухъ пьяныхъ гулякъ у трактира съ краснымъ фонарикомъ и гулъ барабана вдали,—должно-быть, на гауптвахтѣ бьютъ зорю.

На углу Вознесенской нагналъ его Рыльевъ. Долго шли молча.

— Ну что, какъ?—началъ было Голицынъ, но тотъ замахалъ на него руками:

— Да ужъ не говорите. Скверно...

И опять молча пошли по свѣтлой, тихой и пустой, точно вымершей, улицѣ съ бѣльемъ небомъ вверху.

Вдругъ оба вздрогнули. Могучій звукъ прокатился одноко въ мертвомъ тишинѣ, задрожалъ, какъ задѣтая у самаго уха струна, и медленно замеръ. Первый, второй, третій—и весь воздухъ наполнился медленно-мѣрными мѣдными гулами. У Вознесенія благовѣстили къ заутренѣ

Остановились, прислушались.

— Да, ничего не будетъ, ничего не сдѣлаемъ,—заговорилъ Рыльевъ, какъ будто повторяя то, что говорилъ благовѣсть,—а все-таки надо начать! Раздастся гласъ свободы и разбудить спящихъ...

Говорилъ, какъ всегда, высокопарно, торжественно; но не въ словахъ, а въ лицѣ и голосѣ его что-то было такое же простое, правдивое, какъ давеча у Пестеля.

Голицынъ положилъ ему руки на плечи и заглянулъ въ лицо, блѣдное въ блѣдной тусклости утра, точно мертвое.

— Да, начать надо,—произнесъ и онъ, какъ бы отвѣчая на то, о чеъгъ спрашивалъ колоколь.—Хотя вы и не вѣрите въ Бога, а помоги намъ Богъ!

Обнялись и поцѣловалась молча.

Когда Рыльевъ ушелъ, Голицынъ долго еще слушалъ благовѣсть, потомъ снялъ шляпу и перекрестился съ молитвою, съ которой благословила его Софья:

«Сохрани, помоги, помилуй нась всѣхъ, Господи! Спаси, Матерь Пречистая!»

На слѣдующій день у Полицейскаго моста на Невскомъ встрѣтилъ онъ Пестеля; лица не видѣлъ—шелъ сзади,—но узналъ тотчасъ же. У Пестеля подъ мышкою былъ свертокъ, должно-быть, персидская шаль, подарокъ сестрѣ. Нагнавъ его, Голицынъ пошелъ рядомъ; но Пестель не замѣчалъ его и продолжалъ идти, не глядя по сторонамъ. Лицо безжизненное, взоръ невидящій, шагъ размѣренный: кажется, будь на дорогѣ яма,—не остановился бы, какъпущенный въ ходъ автоматъ.

Солнце пекло уже по-лѣтнему; тощія липки бульвара, сдва распускалися, кидали слабую тѣнь. Пестель присѣлъ на скамейку, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ потъ со лба; все еще не узнавалъ или не видѣлъ Голицына, присѣвшаго рядомъ.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ!

— Ахъ, Валерьянъ...—видимо, съ трудомъ вспомнилъ онъ имя:—Валерьянъ Михайловичъ, извините, я очень разсѣянъ, никого не узнаю...

Голицынъ заговорилъ о вчерашнемъ, но Пестель едва слушалъ и отвѣчалъ неохотно, какъ будто думалъ о другомъ, не радъ былъ встрѣчѣ и о своей вчерашней благодарности забылъ.

— А нехорошо у васъ въ Петербургѣ,—вдругъ, среди разговора, оглянулся онъ и поморщился:—жара, пыль, вонь... Я, впрочемъ, весны не люблю. То ли дѣло осень, особенно въ деревнѣ, самая глухая осень въ самой глухой деревнѣ. Читали вы *Утѣхи меланхолії*?

— Нѣтъ, что это?

— Книжечка такая, старинная. Минъ нравится. Давеча по Невскому шелъ, все вспоминалъ. Погодите, какъ это? «Счастливый уголокъ безмятежности, единственное сельцо, мирное лено твое въ шумѣ осеннихъ бурь нѣжитъ скорбный духъ мой; любезная пустынька питаетъ меланхолію...» Не правда ли, чувствительно? Глупо, но чувствительно. Точно переводъ съ нѣмецкаго. Потому, должно-быть, мнъ и нравится...

— А къ памятнику Петра пройти какъ?—спросилъ онъ, вставая.

— Тутъ недалеко. Я проведу васъ, если позволите.

Пошли вмѣстѣ. По дорогѣ Пестель опять вычитывалъ ему изъ *«Утѣхъ меланхолії»*:

— «Среди октябрьскихъ непогодъ въ дико-густѣйшей мглѣ, при порывистыхъ вихряхъ, привѣтствуемый мерца ниемъ дружественной Цинеї... Что такое Цинеїа? Изъ миѳологіи, что ли? А дальше не помню...

— Какъ вы и этс-то запомнили?—разсмѣялся Голицынъ.

— Съ матушкой читалъ, давно еще, мальчикомъ, а потомъ съ сестрой. Бывало, въ осеннія сумерки, все ходимъ по березовой аллѣ иадъ озеромъ,—у насъ большое озеро въ паркѣ, оттуда видъ прекрасный,—желтые листья подъ ногами шуршать, и читаемъ Ламартина; Шатобріана или вотъ эту самую меланхолію.

— Вы и стихи любите?

— Нѣтъ, стиховъ не люблю... впрочемъ, не знаю, мало читалъ, только вотъ съ сестрою. Одному некогда и скучно.

— А Пушкина?

— И Пушкина мало знаю.

— Вы, кажется, встрѣчались?

— Да, въ Кишиневѣ разъ, давно. Всю ночь проговорили о политикѣ и о бессмертіи души.

— Ну и что же?

— Ничего. Какъ всегда, каждый при своемъ остался. Онъ доказывалъ, что Бога и бессмертія нѣтъ, а я ему, что этого доказать нельзя; тутъ все надвое: по сердцу—Бога нѣтъ, а по разуму—есть. *Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y r  fue...*

— Наоборотъ, казалось бы?—удивился Голицынъ.

— Нѣтъ, у меня такъ,—немного нахмурился Пестель, и въ глазахъ его появилось выраженіе, которое и раньше замѣтилъ Голицынъ, какъ будто передъ носомъ любопытнаго гостя захлопнулась дверь во внутреннія комнаты хозяина; и тотчасъ заговорилъ о другомъ, рассказалъ, какъ Пушкинъ хотѣлъ къ нимъ въ Общество, да его нельзя—ненадеженъ.

По новому Адмиралтейскому бульвару вышли на Сенатскую площадь, къ памятнику Петра.

Пестель обошелъ его, разглядывая съ простодушнымъ любопытствомъ, потомъ остановился, приложилъ лицо къ рѣшеткѣ и, глядя въ лицо изваянія, какъ въ лицо живого человѣка, долго молчалъ, словно забылъ о собесѣдникѣ; наконецъ сказалъ, по-французски, шепотомъ:

— А вѣдь тутъ пропасть: если конь опустить копыто, всадникъ полетитъ къ чорту...

— Да, костей не собереть.

— И мы съ нимъ?
— Развѣ мы—съ нимъ?
— А гдѣ же?
— Вотъ змѣя подъ копытами лошади,—крамола, революція...

— Вы думаете? А Пушкинъ говоритъ, что съ него-то,—кинулъ Пестель на памятникъ,—съ него и началась революція въ Россіи...

— И самодержавіе съ него же,—замѣтилъ Голицынъ.

— Да, крайности сходятся... Ну, такъ какъ же: мы-то съ нимъ или противъ него?—опять помолчавъ, спросилъ Пестель?

— Не знаю,—усмѣхнулся Голицынъ,—не знаю, какъ мы, Павелъ Ивановичъ, а вы, навѣрное, съ нимъ.

— Почему я?..—проговорилъ Пестель, но ужъ опять разсѣянно, какъ будто о другомъ думая,—дверь во внутреннія комнаты захлопнулась,—и не дожидаясь отвѣта, внезапно простился, кликнулъ извозчика и уѣхалъ.

Голицынъ, оставшись одинъ, долго еще вглядывался съ тѣмъ же вопросомъ въ лицо Мѣднаго Всадника: противъ него или съ нимъ?

Отвѣта не было, и, наконецъ, рѣшилъ: «а все-таки надо начать—съ нимъ или противъ».

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Фотій въ гробу полеживалъ съ пріятністю.

Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской на Дворцовой набережной, гдѣ гостили по цѣлымъ мѣсяцамъ, онъ устроилъ себѣ подземную келью. Въ темный подвалъ, освѣщаемый только огнями неугасимыхъ лампадъ, вела узкая лѣстница; полъ ураморный, черными и бѣлыми шашками; иконостасъ, блистающій золотомъ и драгоцѣнными каменями. Онъ любилъ ихъ: въ дѣтской простотѣ, не зная цѣны деньгамъ, принималъ въ подарокъ отъ Анны блюдо рубиновъ или яхонтовъ, какъ блюдо земляники. По серединѣ кельи—гробъ. Фотій спалъ въ немъ ночью, а иногда и днемъ отдыхалъ.

Анна сперва ужасалась, а потомъ привыкла, и гробъ сталъ ей казаться диваномъ, тѣмъ болѣе, что надѣвшую черную обивку замѣнилъ онъ свѣтлою, серебрянымъ газетомъ снаружи и бѣлымъ атласомъ внутри, «дабы гробъ свѣтель былъ и пріятенъ». Когда въ одѣяніи подобно скимническому, нарочно сшитомъ по его заказу, какъ святые на иконахъ пишутся, лежалъ онъ въ этомъ веселомъ гробу, Анна любовалась на него съ умиленіемъ:

— Ахъ, отецъ, отецъ, какъ онъ милъ!

Весь день провелъ Фотій въ хлопотахъ и разѣздахъ по дѣлу Голицына; усталъ, измучился; вернувшись домой, завалился въ гробъ отдыхать. Выпить бы горячаго укропника,—укропникъ пилъ вместо чая, зелья бѣсовскаго. Но

никто, кроме Анны, не умелъ варить, а ея дома не было, уѣхала съ визитами.

Фотій сердился, ругалъ ее въ строгости, помыкалъ, какъ послѣднею дворовою дѣвкою. А все-таки съ пріятностью полеживалъ въ гробу своеемъ, благодушествовалъ, вспоминая послѣднее свиданіе митрополита съ Аракчеевымъ

Аракчеевъ исполнилъ обѣщаніе, данное государю: поѣхалъ къ митрополиту и сдѣлалъ попытку помирить его съ княземъ Голицынымъ, но ничего не вышло. Снявъ съ головы бѣлый клобукъ, митрополитъ бросилъ его на столъ:

— Графъ, донеси царю, что видишь и слышишь. Вотъ ему клобукъ мой. Я болѣе митрополитомъ быть не хочу, съ княземъ Голицынымъ не могу служить, какъ явнымъ врагомъ церкви, престола и отечества!

«Аракчеевъ смотрѣлъ на сіе, какъ на вещь рѣдкую», вспоминалъ впослѣствіи Фотій. Воистину, рѣдкая вещь въ Россіи послѣ Петра I,—бѣлый клобукъ, вѣнецъ православія, спорящій съ вѣнцомъ самодержавія.

Митрополита Серафима Фотій называлъ «мокрою курицею». Однажды, готовясь произнести проповѣдь, въ присутствіи императора Павла, преосвященный такъ оробѣлъ, что не могъ произнести ни слова и долженъ былъ удалиться въ алтарь. А намедни, собираясь въ Зимній дворецъ, подѣлу Голицына, трижды входилъ и трижды выходилъ изъ кареты; наконецъ Фотій захлопнулъ дверцы и крикнулъ кучеру: «ступай!» А Магницкій поѣхалъ сзади на дрожкахъ, и когда замѣчалъ, что кучерь, по приказанію владыки, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя щать прямо во дворецъ. Вернулся владыка домой, весь мокрый отъ пота, «какъ бы изъ водопада былъ облитъ,—по слову Фотія:—такой у него былъ потъ отъ страха царева».

Мокрой курицѣ не бывать орломъ, митрополиту Серафиму—Никономъ. «Отъ Фотія потрясется весь градъ св. Петра», было пророчество. Не оно ли исполняется? Не потрясется ли Россія, вселенная отъ патріарха Фотія?

Приступался къ стуку подъѣзжавшей карсты. Не разѣваясь, въ салопѣ, шляпкѣ и вуали, запыхавшаяся, испущенная, вѣжала въ подземную келью графиня Анна.

Лицо плоское, круглое, красное, веснушчатое, какъ у еревенской дѣвушки. Росту большого,—grenaderъ въ юбкѣ. Іѣть подъ сорокъ, а умомъ ребенокъ. «Мозги птичыи», оваривалъ Фотій. Но въ глазахъ чистыхъ, какъ вода ключевая, сквозь глупость ума, умъ сердца свѣтился. Готовилась къ тайному постригу; носила власяницу подъ шелковымъ рѣйлинскимъ платьемъ; всю жизнь замаливала грѣхъ тца, графа Алексѣя Орлова, злодѣяніе Ропшинское—бѣство Петра III.

Ходили слухи о блудномъ сожительствѣ Фотія съ Анной, о это была клевета.

«Я, въ мірѣ пребывая, ни единажды не коснулся плоти єенской, не позналъ сласти,—говорилъ Фотій:—чадо мое

Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости. Самъ осподь зинѣ ее въ невѣсты нескверныя даль».

— Не моя вина, батюшка,—запепетала Анна безтолково растерянно, вѣгая въ келью:—княгиня Софья Сергѣевна изъ чая отпустить не хотѣла, о патерѣ Госнерѣ сказывала. Ахъ, отецъ, отецъ, если бы вы знали, какія новости!..

Княгиня Софья Мещерская, одна изъ духовныхъ дочекъ Фотія—большая сплетница, а патерь Госнеръ—зажій «проповѣдникъ Антихриста, сатана-человѣкъ, — по нѣнію Фотія,—публично изрыгавшій хулу на Богородицу». Ири помощи Магницкаго и оберь-полицеймейстера Гладова, заговорщики выкрали изъ-подъ станка листы печавшейся книги Госнера, и Фотій сочинялъ по нимъ доность, желая приплести это дѣло къ дѣлу Голицына. Въ другое ремя о новостяхъ разспросилъ бы съ жадностью, но теперь ропустилъ мимо ушей: очень сердился.

Долго лежалъ, не открывая глазъ, не двигаясь, точно окойникъ въ гробу; наконецъ посмотрѣль на Анну въ поръ и спросилъ:

— Гдѣ пропадала, подоль трепала, чортова дѣвка? Іа гульбищѣ, небось?

— Да,—потупилась Анна, краснѣя; лгать не умѣла.—
Одинъ только разокъ прошлась...

Весеннее гулянье въ Лѣтнемъ саду, куда изрѣдка щѣзжал
Анна тайкомъ отъ Фотія, называлъ онъ сатанинскимъ гул
бищемъ.

— Женишка не подцѣпила ли? Много ихъ нынче там
по веснѣ-то, кобелей безстыжихъ, военныхъ да штатских
за вашей сестрой, сухою, задравши хвосты, бѣгаешь.

— Ну что вы, батюшка! У меня и въ мысляхъ нѣт
сами знаете...

— Знаю, что знаю. А ты бы хоть то разсудила, что уж
не молода и красоты не имѣешь плотской; то богатст
токмо ради женихи-то подманиваютъ, а денежки вытрясуть
и поминай, какъ звали.

Поднялъ ногу изъ гроба, и съ привычною ловкостью
Анна стащила съ нея смазной, подбитый гвоздями, мужич
сапогъ.

— Охъ, мозоли, мозолюшки! Ноютъ что-то, вѣрн
къ дождику,—кряхтѣль онъ, подымая другую ногу

На свѣтлыхъ перчаткахъ у Анны—второпяхъ не успѣ
ихъ снять—отъ смазныхъ голенищъ остались пятна дегтя

— Думаешь, не знаю, дѣвонька, что у тебя на умѣ?
усмѣхнулся вдругъ Фотій язвительно:—знаю, голубушк
все вижу насквозь; вотъ, молъ, какая особа, миллионщиц
Орлова-Чесменского дочь, графиня свѣтлѣйшая, ручки и
волитъ марать о сапоги мужичьи поганые! А только мнѣ
графство твое наплевать и на миллионы тоже. Тридцать ми
лионовъ—тридцать сребренниковъ—пѣна крови. Знаешь, чѣ
кровь? Грѣхъ отца знаешь? Ну, чего молчишь? Говор
знаешь?

— Знаю,—прошептала Анна, блѣднѣя и опуская г
лову.

— А коли знаешь—кажися, отца духовнаго слуша
Аль отца по плоти взлюбила больше, чѣмъ отца духовнаго.
Послушаніе паче поста и молитвы. Вотъ скажу тебѣ: «Анн
скажу, обругай отца!» Ты и обругать должна...

Она отвернулась и молча горько заплакала. Готова была терпеть все; но чтобы онъ надъ памятью отца ея рулся—не могла вынести.

— Ну, чего юни распустила, дура? Любя, говорю.

— Простите, батюшка!—сказала она, припадая къ рукѣ го и уже забывъ обиду.

— Богъ проститъ. Ступай, завари-ка укропничку. Послышался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Его сіятельство, князь Александръ Николаевичъ олицынъ,—должилъ келейникъ.

Анна заторопилась, хотѣла бѣжать навстрѣчу гостю.

— Стой! Куда?—удержалъ ее Фотій:—ничего, подождеть, велика птица. Давай сапоги.

Надѣль ихъ опять съ помощью Анны, всталъ изъ гроба, подошелъ къ аналою, зажегъ свѣчу, положилъ Евангеліе, оставилъ чашу съ Дарами, ваялъ въ руки крестъ, дѣлая се нарочно медленно; иаконецъ велѣлъ позвать Голицына. Анна побѣжала за нимъ.

«Входить князь и образомъ, яко звѣрь-рысь, является», разсказывалъ впослѣдствіи Фотій.

— Благословите, отче!

Въ богохульной и нечестивой книжицѣ, *Таинство Креста* именуемой, подъ твоимъ надзоромъ, княже, опубликовано: «духовенство есть звѣрь». А понеже и азъ, грѣшный, зъ числа онаго есмь, то благословить тебя не хочу, да ебѣ и не надобно.

— Ну, что жъ,—сразу вспыхнулъ Голицынъ,—пожалуй, лучше такъ:—война—такъ война! Довольно хитостей, овольно лжи...

— Какая ложь? Какая война? О чёмъ говоришь, князь, е рузумъю.

— Не разумѣете? Ну, такъ я вамъ скажу, извольте! Я знаю все, о. Фотій: знаю, какъ съ негодяемъ Аркачевымъ вступили вы въ союзъ; какъ государю на меня клещете; одной рукой обнимаете, а другой точите ножъ; редасте лобзаніемъ іудиинъ; говорите: «Христосъ посреди

насъ»,—а посреди насъ діаволъ, отецъ лжи. Листы печатные изъ-подъ станка выкрали,—да вѣдь это мошенничество. Какъ вамъ не стыдно, отецъ? Погодите, ужо обо всемъ дложу государю. Посмотримъ, кто кого!

Фотій молчалъ. Оба хитрые, хищные, стояли они другъ противъ друга, два маленькихъ звѣрка готовые сѣпиться въ смертномъ боѣ,—рысь и хорекъ.

— Убойся Бога, князь,—заговорилъ, наконецъ, Фотій:—за что на меня злобствуешь? Отъ личности твоей чистъ, зла на тебя не имѣю, Господь съ тобою...

— Не лгите, хоть теперь-то не лгите! Во второй разъ не обманете. Дуракъ я вамъ дался, что ли? Говорите лучше прямо: что вамъ отъ меня нужно?

— Покайся, останови книги богопротивныя, въ коихъ съется развратъ и революція,—началъ было Фотій.

— Да сколько же разъ мнѣ вамъ повторять: не moi я ничего остановить! Не меня обвиняйте, а государя.

— Ну, такъ поди къ царю, стань передъ нимъ на колѣ и скажи что самъ дѣлалъ худо и его...

— Какъ вы смѣете,—вдругъ закричалъ Голицынъ затопаль ногами,—какъ вы смѣете говорить такъ о государимператорѣ? Въ революціи другихъ обвиняете, а самже—революціонистъ отъявленный...

— Азъ есмь рабъ Господа моего, Иисуса Христа, посланъ тебя обличить, да покаешься!—закричалъ и Фотій:—горе тебѣ, княже! горе, нечестивче! горе, богохульнич Предстану съ тобою на Страшномъ судѣ, обличу, сокрушу осужу въ геенну огненную!

Оба кричали. Анна слушала изъ-за дверей въ ужас: «охъ, подерутся!»

— Ну, съ вами, отецъ, не сговоришь,—попятился Голицынъ къ лѣстницѣ, думая уже только о томъ, какъ бы уйт отъ грѣха.—Нога моя здѣсь больше не будетъ, такъ и дложу государю. Честь имѣю кланяться...

— Стой, погоди! Такъ не уйдешь, не отвертишься! Сазъ простираю руку мою...

— Пустите же, пустите! — кричалъ Голицынъ въ испугѣ, стараясь вырвать руку, но Фотій не пускалъ: одной рукой держалъ князя, другою поднялъ крестъ, и такъ страшило было лицо его, что вдругъ показалось Голицыну, что онъ сейчасъ ударить его крестомъ, какъ ножомъ, — убьетъ.

— Се, азъ руку мою простираю къ небу, и судъ Божій изрекаю на тя и на всѣхъ! Много ли васъ? Тымы ли темъ безчисленныя? Выходите всѣ! Да поразить васъ всѣхъ Господь! Отлучаю! Извергаю! Проклинаю! Анаѳема!

Голицынъ поблѣднѣлъ. «Сумасшедшій!» промелькнуло въ головѣ его, точно такъ же какъ намедни у государя. Послѣднимъ отчаяннымъ усилиемъ вырвалъ онъ руку и пустился бѣжать; вверхъ по лѣстницѣ и черезъ всѣ покой дома бѣжалъ такъ быстро, что на груди его орденская звѣзда прыгала и фрачные фалды развѣвались.

Фотій гнался за нимъ: лицо искаженное, глаза горящіе, волосы дыбомъ — хорекъ бѣшеный.

Келейникъ разинулъ ротъ и присѣлъ отъ ужаса. Синодскій чиновникъ Степановъ, похожій на стараго соха (это онъ корректурные листы Госнеровой книги выкралъ), осталъ-бенѣль и глаза выпучилъ. А когда бѣжали они черезъ большую парадную залу съ портретами царскихъ особъ, токазалось, что и они всѣ, — отъ Петра I, который началъ, до Павла I, который завершилъ пѣнѣ церкви властью мірской, — смотрѣли съ удивленіемъ на невиданное зрѣлище: какъ оберь-прокуроръ Синода, око царево, отъ церкви отлучается.

— Анаѳема! — гремѣлъ Фотій вслѣдъ убѣгавшему. — Будь ты проклятъ! Бога не узишь, сnidешь во адъ! И всѣ съ тобою, всѣ прокляты! Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема всѣмъ!

Анна бѣжала за Фотіемъ и ловила его за полы.

— Отецъ! Отецъ!

Уже Голицынъ добѣжалъ до сѣней. Фотій не отставалъ: казалось, готовъ былъ выскочить на улицу. Но Анна успѣла его догнать, охватила руками, повисла у него на шеѣ.

Въ послѣдній разъ закричалъ, завизжалъ онъ осипшимъ голосомъ: «анаѳема!», и повалился на руки подскочившихъ

слугъ, которые перенесли его въ залу и усадили въ кресло, бьющагося въ припадкѣ, рыдающаго и хохочущаго.

Совершилось пророчество; отъ Фотія потрясся весь градъ св. Петра: анаема Голицыну, оберъ-прокурору Синода, тридцатилѣтнему другу цареву,—анаема самому царю.

Всѣ ожидали что-то будетъ? Ходили слухи, что царь гнѣвенъ. Аннѣ казалось, что вотъ-вотъ схватятъ Фотія и сошлютъ въ Сибирь. Заболѣла отъ страха.

— Небось, Аннушка! Что мнѣ оберъ-прокуроръ? Блоха, ее же убиваетъ песь трясениемъ ушей. Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Кто противъ насъ?—храбрился Фотій, но тоже робѣлъ.

Мая 15-го, въ день Вознесенія, сидѣлъ онъ у постели больной Анны и утѣшалъ ее, совѣтовалъ, не прибѣгая къ помощи медиковъ, нѣмцевъ поганыхъ, натереть съ молитвою все тѣло оподельдокомъ:

— Помни, въ зеленыхъ банкахъ худой, а самый лучшій—въ бѣлыхъ. Натрешься — все какъ рукой сниметъ.

Говорилъ также, чтобы развлечь ее, о колоколѣ большомъ, въ 2000 пудъ вѣсомъ, во имя Купины Неопалимой, который собирался отлить для Юрьевской обители изъ дешевой, краденой мѣди.

— Сколь пріятенъ будетъ звонъ и утѣшителенъ!

Но Анна не слушала, думала все объ одномъ: какъ придутъ схватятъ и увезутъ батюшку.

Постучался келейникъ у двери и подалъ письмо,

— Отъ кого?—спросила Анна.

— Отъ митрополита,—отвѣтилъ Фотій, распечатывая дрожащими пальцами.

У Анны сердце захолонуло: ужъ не о ссылкѣ ли указъ?

Вдругъ Фотій вскочилъ, захлопалъ въ ладоши и запѣлъ по-церковному.

— Аллилуїа! Аллилуїа! Аллилуїа! Слава Тебѣ, Христе Боже нашъ, слава Тебѣ! Адъ сокрушенъ, сатана побѣженъ! Пало мірское владычество надъ церквью! Министръ нашъ единъ—Іисусъ Христосъ! Слава Фотію! Слава Господу! Слава Аракчееву!

Анна смотрѣла и не вѣрила глазамъ своимъ: батюшка поднялъ рясу и притопывалъ, какъ будто собираясь плясать.

— Возстань, дщерь,—воскликнулъ онъ, схвативъ ее за руку:—ничего, небось, поясница пройдетъ и оподельдока не надобно,—вотъ оподельдокъ нашъ божественный!—махаль письмо.—Возстань съ одра, пой, пляши, дѣвоинка!

— Что вы, что вы, отецъ! Я же не одѣта...

— Богъ проститъ, не стыдись, пляши во славу Господа!

— Да что, что такое, батюшка миленький, что съ вами?—говорила, блѣднѣя отъ ужаса, Анна: ей казалось, что онъ сошелъ съ ума.

— А вотъ что,—бросилъ ей Фотій письмо:—читай!

Митрополитъ извѣщалъ его о только что подписанномъ указѣ: оберъ-прокуроръ Св. Синода, князь Голицынъ, отставленъ отъ должности; министерство духовныхъ дѣлъ уничтожено; Синоду быть попрежнему.

И опять все затаило дыханіе, притихло, пришипилось. Отъ государя ни слуху, ни духу, какъ будто забылъ онъ о Фотіи.

Наконецъ 13 іюня, поздно вечеромъ, пришло въ Лавру высочайшее повелѣніе явиться Фотію на слѣдующій день въ Зимній дворецъ.

Не зналъ онъ, что ожидаетъ его—въ архіереи ли посвятить, или въ Сибирь сошлють; на всякий случай исповѣдался и причастился.

Такъ же, какъ въ первый разъ, взошелъ Фотій съ камердинеромъ Мельниковымъ потайною Зубовской лѣстницей, днемъ съ огнемъ, такъ же, идучи по ней, крестился и крестилъ всѣ углы, переходы, двери и стѣны дворца, помышляя, что «тымы здѣсь живутъ силь вражьихъ». А, войдя въ кабинетъ государевъ, сначала медленно, истово перекрестился и потомъ уже взглянуль на государя. Государь принялъ благословеніе и усадилъ Фотія за свой письмений столъ. Но тутъ уже пошло все по-иному. Взглянувъ на лицо государя, Фотій сразу понялъ, что дѣло плохо, и какъ началъ дрожать мелкою дрожью, такъ уже не переставалъ до конца свиданія.

Рассказывалъ впослѣдствіи, будто бы на тѣлѣ его, во время этой бессѣды, выступилъ кровавый потъ.

— Я пригласилъ васъ, отецъ, для того, чтобы узнать, правда ли, что вы князя Александра Николаевича Голицына предали анаемѣ?

— Ваше величество, не я, а Самъ Господь съ небесе рече...

— Извольте отвѣтить, о чёмъ спрашиваютъ!—прикрикнулъ на него государь, и въ голосѣ его послышались тѣ же визгливые звуки, какъ у императора Павла, когда онъ гнѣвался.—Правда или неправда? Отвѣчайте!

— Правда.

— Какою же властью вы это сдѣлали?

Фотій молчалъ, дрожалъ, смотрѣлъ въ окно и крестился маленьными, частыми крестиками.

Лицо государя было гнѣвно; сперва хотѣлъ онъ только постращать его, но потомъ увлекся,—какъ актеръ, вошелъ въ свою роль и заговорилъ почти искренно.

— Какою властью вы это сдѣлали?—повторилъ, возвышая голосъ.—Кто васъ поставилъ судить между мной и церковью, между мной и Богомъ? И за что вы всѣ напали на Голицына? Изъ-за чего бунтуете? Чего хотите? Свободы церкви отъ власти мірской? Да не вы ли сами поработились мірскому владычеству? Много мы, государи, всякой низости видимъ, но такой, какъ у васъ, господа духовные, Богомъ свидѣтельствуюсь, я никогда не видывалъ. Когда главою церкви, вместо Христа, объявили самодержца Россійскаго, человѣка сдѣлали Богомъ,—кощунство изъ кощунствъ, мерзость изъ мерзостей!—гдѣ вы были тогда, гдѣ была свобода ваша? Все предали, всему измѣнили, надругаться дали надъ святынею. Не всѣ ли вы, отъ первого до послѣдняго, пастыри церкви Россійской, припадали къ ногамъ моимъ, кричали: «Осанна!» какъ Самому Христу Господню? Не я ли долженъ былъ повелѣвать указами, чтобы не было сего, чтобы съ Богомъ меня не равняли, Благословеннымъ, Бессмертнымъ не называли? Вспомнить, выговорить стыдно и страшно, но у васъ, отцы, давно уже ни страха, ни стыда

въ глазахъ... А туда же, бунтовать вздумали! О свободѣ церкви говорить смытете... Ну, что жъ, не захотѣли Голицына,—будетъ вамъ Аракчеевъ. А вы, отецъ Фотій,—я думалъ, что вы лучше другихъ, повѣрилъ вамъ,—и вотъ чѣмъ отплатили вы! Богъ вамъ судія. Но понимаете ли, понимаете ли, что вы сдѣлали?..

Всталъ и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ. Какъ всегда въ гнѣвѣ, не все лицо его, а только лобъ краснѣлъ; и онъ закрывалъ его платкомъ, какъ будто вытираль потъ.

А Фотій попрежнему глядѣлъ въ окно на небо, молчалъ, дрожалъ и крестился.

— Понимаете ли?—повторилъ государь, остановившись передъ нимъ, и, вглядѣвшись въ лицо его, увидѣлъ, что онъ ничего не понимаетъ и никогда не пойметъ: все—какъ горохъ обѣ стѣну.

Государь опустился въ кресло и вдругъ почувствовалъ, что весь гнѣвъ его потухъ.

— Ну, что же вы молчите? Говорите, отвѣчайте же.

— Что мнѣ тебѣ сказать, государь?—робко взглянуль на него Фотій.—Аще бы не токмо князь Голицынъ, но ангель, сшедъ съ небесе, глаголаль ученію церкви противное и о царѣ злое, я сказалъ бы: анаема!

— И мнѣ сказалъ бы?

Фотій молчалъ.

— Ну, ничего, говорите, говорите, я слушаю,—усмѣхнулся государь едва уловимой, презгливой усмѣшкой.

— Что дѣлать мнѣ дано было свыше, яко послалъ меня Богъ возвѣстить правду царю моему, то я и сдѣлалъ,—уже смѣлѣе взглянуль на него Фотій.—Видя, что вся святыня испровергается, едина злоба возвѣщается, ужели я молчать долженъ, повѣривъ, что все сіе зло ты, царь, сотворилъ, чему вѣрить Голицынъ, да и меня хотѣлъ научить вѣровать? Св. Николай Чудотворецъ на вселенскомъ соборѣ заушилъ нечестиваго Арія...

Подалъ государю выдрунинъ изъ житія листокъ—рассказъ о томъ, какъ отцы Никейскаго собора за пощечину Арію присудили св. Николая архіерейскаго сана лишить.

— Вотъ видите, что со св. Николаемъ сдѣлали,—прозищесь государь, не дочитавъ листка:

— Неправильно сдѣлали.

— Какъ неправильно?

— Чти до конца: отцы осудили угодника Божьяго, Господь же, явившись Самъ, подалъ ему св. Евангеліе, а Матерь Божья—омофоръ, во знаменіе, что свыше сила небесная защитить его имѣеть всегда...

Долго еще говорилъ Фотій, постепенно возвышая голосъ, и, наконецъ, такъ же какъ въ первое свиданіе, закричалъ, завопилъ, занеистовствовалъ, началъ вытаскивать безчисленные листки изъ-за рукавовъ, изъ-за голенищъ, изъ-за пазухи—весь былъ обложенъ ими, какъ воинъ доспѣхами.

Государь слушалъ молча, со скучою.

Доставая одинъ изъ листковъ, Фотій распахнулъ рясу; хотѣлъ закрыть, но государь не далъ ему; наклонился, раздвинулъ складки и увидѣлъ подъ желѣзными веригами, на голой груди его; страшную, желѣзомъ натертую, до костей зияющую рану:

— Что дивишься, царь?—воскликнулъ Фотій:—гляди, когда хочешь, и знай, что, себя не жалѣючи, никого не пожалѣю ради Господа!

Государь отвернулся; лицо его болѣзненно сморщилось. Жалко было Фотія, но и себя жалко; жалко и стыдно. Вспомнилъ, какъ въ первое свиданье поклонился ему въ ноги, готовъ былъ видѣть въ немъ своего избавителя, посланника Божьяго. Не то одержимый не то, помѣшанный,—вотъ за кого ухватился, какъ утопающій. Быть смѣшнымъ боялся больше всего на свѣтѣ, а съ Фотіемъ былъ смѣшонъ; этого никому никогда не прощалъ,—не простила и ему.

А тотъ продолжалъ неистовствовать.

Государь всталъ, налилъ стаканъ воды и подалъ ему.

— Успокойтесь, отецъ, выпейте. Я зла противъ васъ не имѣю: что сказалъ, то сказалъ, и больше ничего не будетъ. Я всегда радъ васъ видѣть, а теперь прошу меня извинить,—дѣла неотложныя.

И позвонилъ Мельникова.

То было послѣднее свиданіе государя съ Фотіемъ.

Торжество его, впрочемъ, какъ будто продолжалось. Патеръ Госнеръ, по высочайшему повелѣнію, высланъ былъ за границу, и книга его сожжена въ печахъ кирпичнаго завода Александро-Невской лавры; жгли три часа, въ двадцати печахъ, и при этомъ присутствовалъ Фотій, возглаша анаѳему. Аракчеевъ исходатайствовалъ ему панагію «за торжество православія».

«Порадуйся, старче преподобный,—писалъ Фотій симоновскому архимандриту Герасиму:—нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ; общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ—Господь Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца, аминь.—Молись объ Аракчеевѣ: онъ явился, рабъ Божій, за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ».

Но этимъ торжество и кончилось. Внезапно, точно сговорившись, всѣ отшатнулись отъ Фотія. Долго не понималъ онъ, за что; когда же понялъ, что милостямъ царскимъ—конецъ, то паль духомъ, заболѣлъ, едва не умеръ и, только что оправился, уѣхалъ изъ Петербурга, «бѣжалъ изъ града, яко изъ ада», въ свой новгородскій Юрьевскій монастырь добровольнымъ изгнаникомъ, вмѣстѣ съ Анною.

Министромъ же духовныхъ дѣлъ оказался не Іисусъ Христосъ, а графъ Аракчеевъ. Всѣ доклады по дѣламъ Св. Синода представлялись государю черезъ него. Сразу ввелъ онъ порядокъ военной въ духовномъ вѣдомствѣ: святые отцы при немъ пикнуть не смѣли, стали тише воды, ниже травы. И пожалѣли о Голицынѣ.

Въ Андреевскомъ соборѣ села Грузина появился въ дни новый образъ — Спаситель, держащий на десницаѣ Евангеліе; образъ покрытъ былъ литою серебряною ризою; ежели открыть стеклянную раму, то можно увидѣть, что одинъ изъ серебряныхъ листовъ Евангелія на едва замѣтномъ шарнире отгибается, и подъ этимъ листомъ—другой образокъ: Аракчеевъ—въ парадномъ генеральскомъ мундирѣ, со всѣми орденами, сидящій на облакахъ, какъ бы грядущій со славою судить живыхъ и мертвыхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Государь похожъ на того спартанскаго мальчика, который, спрятавъ подъ плащомъ лисицу, сидѣлъ въ школѣ и, когда звѣрь грызъ ему внутренности, терпѣлъ и молчалъ, пока не умеръ».

Такъ думалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, когда въ бесѣдахъ съ нимъ государь бывалъ откровененъ и, казалось, вотъ-вотъ заговоритъ о главномъ, единственномъ, для чего, можетъ-быть, и начиналъ разговоръ,— о лисицѣ, грызущей ему внутренности — о Тайномъ Обществѣ; но вдругъ умолкалъ, и собесѣдникъ чувствовалъ, что если бы онъ заговорилъ о томъ первый, — это ему никогда не простились бы, и тридцатилѣтней дружбѣ наступилъ бы конецъ.

— Ты на меня не сердишься, Голицынъ?

— За что же, ваше величество? Сами знать изволите, я ужъ давно собирался въ отставку...

— Правда, не сердишься? Ни капельки, ни чуточки? — допытывался государь съ той милой улыбкой, за которую нѣкогда Сперанскій назвалъ его «сущимъ прельстителемъ».

— Ну, право же, ни чуточки! — невольно улыбнулся и Голицынъ.

Если въ тайнѣ сердца былъ обиженъ, то не отставкой, не анаемой Фотія и даже не тѣмъ, что предали его, тридцатилѣтняго друга, негодяю Аракчееву, а тѣмъ, что лукавятъ съ нимъ и не вѣрятъ ему.

— Богъ лучше нашего знаетъ, что для насъ нужно; предадимся же волѣ Его и будемъ надѣяться, что все къ

лучшему, — произнесъ Голицынъ тѣмъ пустымъ голосомъ, которымъ подобныя изречения всегда произносятся.

— Да, все къ лучшему, все къ лучшему, — согласился государь съ такою безнадежностью, что Голицынъ, ужъ забывъ обиду, взглянулъ на него, какъ добрая няня на болѣнаго ребенка. — Что ты на меня такъ смотришь? Что тумаешь?

— Позволите быть откровеннымъ, ваше величество?

— Прошу тебя.

— Думаю, какъ многіе, должно-быть, глядя на ваше величество, думаютъ: не стоитъ ли онъ на высотѣ могущества? Спаситель Россіи, освободитель Европы, Агамемнонъ между царями:—

Александръ, о ангелъ импра!
Щедрый даръ благихъ небесъ,
Щитъ царей — твоя порфира
Мечъ — орудіе чудесъ, —

какъ пѣли мы иѣкогда, встрѣчая Благословенаго. Чего же ему еще надобно? Что съ нимъ? О чемъ онъ грустить?..

Бесѣда эта происходила въ министерскомъ домѣ, на Фон-гансѣ, противъ Михайловскаго замка, въ маленькой комнаткѣ, рядомъ съ домовою церковью Духа Св. Единственное окно закладено было наглухо, такъ что ни одинъ лучъ дневной не проникалъ сюда и ни одинъ звукъ, кроме церковнаго пѣнія; а когда службы не было, — тишина могильная. Надъ плащаницею, передъ большими деревянными крестомъ, вмѣсто лампады, висѣло огромное сердце изъ темно-краснаго стекла, съ огнемъ внутри, какъ бы истекающее кровью.

— Я и самъ не знаю, что это, — продолжалъ государь постѣ молчанія. — Когда астрономіи учила насъ Бабушка, то давала смотрѣть на солнце сквозь стекло закопченое. Такъ вотъ и теперь какъ сквозь темное стекло гляжу на все tout a une teinte lugubre autour de moi, — точно затменіе. Знаешь молитву: не отверже мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене. Кажется, молитва моя не исполнилась: Онъ отвергъ меня...

— Не говорите такъ, ваше величество, не искушайте Господа!

Государь взглянулъ на Голицына: угодливая ласкость въ мягкихъ морщинахъ, какъ у доброй няни или старой сводни; не камень, на который можно опереться, а подушка, въ которую можно плаакать, кричать отъ боли, — никто не услышитъ.

— Я не ропшу, Голицынъ, сохрани меня Боже! Мнѣ ли забыть о милостяхъ Его неизреченныхъ? «Ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ», — помнишь, какъ мы загадали и намъ открылся этотъ псаломъ, когда Наполеонъ переступалъ черезъ Нѣманъ? Исполнилось пророчество: ангель понесли меня на рукахъ своихъ, и было мнѣ такъ спокойно среди страховъ и ужасовъ, какъ младенцу на рукахъ матери. Господь шелъ впереди насть; Онъ побѣждалъ враговъ а не мы. И какія побѣды, отъ Москвы до Парижа! Какая слава, — не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи! Когда на площади Согласья служили мы молебенъ, очищая кровавое мѣсто, гдѣ казненъ Людовикъ XVI, и вмѣстѣ съ нами преклонила колѣни вся Европа, — я далъ обѣтъ довершить дѣло Божье: призвать всѣ народы къ повиновенію Евангелію; законъ божественный поставить выше всѣхъ законовъ человѣческихъ; сложить всѣ скипетры и вѣнцы къ ногамъ единаго Царя царей и Господа господствующихъ, — вотъ чего я хотѣлъ, вотъ для чего заключилъ Священный Союзъ..

Говорилъ, спѣша и волнуясь; всталъ и ходилъ по комнатѣ. Несмотря на красный свѣтъ лампады, видно было какъ лицо его блѣдно. Потомъ опять сѣлъ и, упершись локтями въ колѣни, опустилъ голову на руки.

— Въ чемъ же вина моя? Ищу, вспоминаю, думаю: что я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ? за что меня покинулъ Богъ?.

Голицынъ хотѣлъ что-то сказать, но почувствовалъ что говорить не надо, нельзя утѣшать; только тихонько, взявъ руку его, поцѣловалъ ее и заплакалъ.

Оба — грѣшники, оба — мытари; но правда Божья была въ томъ, что грѣшникъ надъ грѣшникомъ, мытарь надъ мытаремъ сжалился.

— Спасибо, Голицынъ! Я знаю, ты любишь меня, — проговорилъ государь сквозь слезы, цѣлуя склоненную лысую голову.

— Не я, не я одинъ, ваше величество: вся Россія, пятьдесятъ миллионовъ вѣриоподданныхъ вашихъ...

— Ну, вѣриоподданныхъ лучше оставимъ, — поморщился государь съ брезгливостью. — Чего стоитъ ихъ любовь, я знаю. Въ Москвѣ, во время коронаціи, толпа мыла стѣснила такъ, что лошади негдѣ было ступить; люди кидались ей подъ ноги, цѣловали платье мое, сапоги, лошадь; крестились на меня, какъ на икону. «Берегитесь, — кричу, — чтобы лошадь кого не зашибла!» А они: «Государь батюшка, красное солнышко, мы и тебя, и лошадь твою на плечахъ понесемъ, — намъ подъ тобою легко!» А въ двѣнадцатомъ году, въ Петербургѣ, въ день коронаціи, когда пришла вѣсть о пожарѣ Москвы, — съ минуты на минуту ждали бунта. Въ Казанскій соборъ къ обѣднѣ надо былоѣхать; и вотъ, какъ сейчасъ помню: всходили мы съ императрицами по ступенямъ собора между двумя стѣнами толпы, и такая тишина сдѣлалась, что слышенъ былъ только звукъ нашихъ шаговъ. Я не трусь, Голицынъ, ты знаешь, — но страшно было тогда. Какіе взоры! Какія лица! Никогда не забуду... А потомъ, при первой же удачѣ, опять: «Государь батюшка, красное солнышко!» Но я уже зналъ, чего любовь ихъ стоитъ. Люди подлы, и народы иногда бываютъ такъ же подлы, какъ люди...

— Не будьте несправедливы, ваше величество: слава ваша — слава Россіи. Не встала ли она, какъ одинъ человѣкъ, въ годину бѣдствія?

— И медвѣдица на заднія лапы встаетъ, когда выгоняютъ ее изъ берлоги, — сказалъ государь, пожимая плечами опять съ тою же брезгливостью. — Ну, да что обѣ этомъ? Имъ подо мною легко, да мнѣ-то надѣ ними тяжко — тяжко презирать свое отечество. Вѣришь ли, другъ, такія бываютъ минуты, что разбить бы голову обѣ стѣну!

Что-то промелькнуло въ глазахъ его, отъ чего опять показалось Голицыну, что вотъ-вотъ заговоритъ онъ о звѣрѣ,

грызущимъ ему внутренности; но промелькнуло — пропало и заговорилъ о другомъ.

— Помнишь, что я тебѣ сказалъ, когда подписывалъ актъ о престолонаследіи?

— Помню, ваше величество.

— Ну, такъ понимаешь, къ чему веду?

Манифестъ объ отреченіи Константина Павловича отъ престола и о назначеніи Николая наследникомъ подписанъ былъ осенью въ Царскомъ Селѣ. На запечатанномъ конвертѣ государь сдѣлалъ надпись: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины открыть прежде всякаго другого дѣйствія». Знали о томъ только три человѣка въ Россіи: писавшій этотъ манифестъ, Голицынъ, Аракчеевъ и Филаретъ, архіепископъ московскій. Тогда же произнесъ государь нѣсколько загадочныхъ словъ о «воемъ собственномъ возможномъ отреченіи отъ престола». Голицынъ удивился, испугался и понялъ, что слова на конвертѣ: «до моего востребованія», означаютъ это именно возможное отреченіе самого императора Александра Павловича.

— Понимаешь, къ чему веду? — повторилъ государь.

— Боюсь понять, ваше величество...

— Чего же бояться? Солдату за двадцать пять лѣтъ отставку даютъ. Пора и мнѣ. О душѣ подумать надо...

Голицынъ смотрѣлъ на него съ тѣмъ же испугомъ, какъ тогда, въ Царскомъ Селѣ: отреченіе отъ престола казалось ему сумасшествіемъ.

— Давно уже хотѣлъ я тебѣ сказать объ этомъ, — продолжалъ государь: — ты такъ хорошо написалъ тогда; попробуй, можетъ, и теперь удастся?

— Увольте, — пролепеталъ Голицынъ въ смятеніи.— Могу ли я? Подымется ли у меня рука на это? И кто повѣритъ? Кто согласится? Да если только, Боже сохрани, народъ узнаетъ о томъ, подумайте, ваше величество, какія могутъ быть послѣдствія...

— А вѣдь и вправду, пожалуй, — усмѣхнулся государь такъ, что морозъ пробѣжалъ по спинѣ у Голицына:

вспомнилась ему усмѣшка императора Павла, когда онъ сходилъ съ ума. — Не повѣрять, не согласятся, не отпустятъ живого... Какъ же быть, а? Мертвымъ притвориться, что ли? Или нищимъ странникомъ уйти, какъ тѣ, что по большимъ дорогамъ ходятъ, — сколько разъ я имъ завидовалъ? Или бѣжать, какъ юноша тотъ въ Геѳсиманской саду, оставивъ покрывало воинамъ, бѣжалъ нагимъ? Такъ, что ли? Такъ, что ли? А?..

Говорилъ тихо, какъ будто про себя, забывъ о Голицинѣ; вдругъ взглянуль на него и провелъ рукой по лицу.

— Ну, что? Испугался, думаешь, съ ума сошелъ? Полно, небось, пошутилъ; мертвымъ не прикинусь, голымъ не убѣгу... А обѣ отреченія подумай. Да не сейчасъ, не сейчасъ, не бойся, можетъ, еще и не скоро. А все же подумай... И спасибо, что выслушалъ. Некому было сказать, а вотъ сказать, — и легче. Спасибо, другъ! Я тебѣ никогда не забуду.

Всталъ, обнялъ его и что-то шепнулъ ему на ухо. Голицинъ отперъ потайной шкапикъ въ подножки креста, вынулъ золотой сосудецъ, наподобіе дароносицы, и плать изъ золотошелка, наподобіе антиминса. Разложилъ его на плацаницѣ и поставилъ на него дароносицу.

Поцѣловались трижды съ тѣми словами, которые произносятъ въ алтарѣ священнослужители, приступая къ совершенію таинства.

— Христосъ посреди нась.

— И есть, и будетъ.

Опустились на колѣни, сотворили земные поклоны и тали читать молитвы церковныя, а также иныя, сокровенные. Читали и пѣли голосами неумѣлыми, но привычными:

Ты путь мой, Господи, направиши,
Меня отъ гибели избавиши,
Спасешь созданіе свое, —

юбимую молитву государя, стихи масонской пѣсни, начертанные на образкѣ, который носиль онъ всегда на груди воей; пѣли странио-уныло и жалобно, точно старинный романсь.

— Не отверже мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго ие отъими отъ мене!—воскликнулъ государь дрожащимъ голосомъ, и слезы потекли по лицу его, въ аломъ сіяны лампады, точно кровавыя.— Не отъими, ие отъими!— по вторялъ, стуча лбомъ объ полъ съ глухимъ рыданіемъ, въ которомъ что-то послышалось, отъ чего вдругъ опять морозъ пробѣжалъ по спинѣ у Голицына.

Голицынъ всталъ и благословилъ чашу со словами которыхъ возглашалъ іерей во время литургіи, при освященіи Даровъ:

— Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимос.. И причастилъ государя; потомъ у него причастился. Если бы въ эту минуту увидѣль ихъ Фотій, то понялъ бы, что не даромъ изрекъ имъ анаѳему.

Священникъ изъ города Балты, уроженецъ села Корытнаго, о. Феодосій Левицкій, представилъ государю сочи неніе о близости царствія Божьяго. Государь пожелалъ видѣть о. Федоса. На фельдъегерской телѣжкѣ привезли его изъ Балты въ Петербургъ, прямо въ Зимній дворецъ. Онъ-то и научилъ государя этому сокровенному таинству внутренней церкви вселенской, обладающему большею силой, нежели евхаристія, во внѣшнихъ помѣстныхъ церквахъ совершаемая. И государь предпочиталъ, особенно теперь, послѣ анаѳемы Фотія, это сокровенное таинство- явному, церковному.

Причастившись, прочли молитву, которой научилъ ихъ тоже о. Федосъ, о спасеніи всего рода человѣческаго, исполненіи царства Божьяго на землѣ, какъ на небѣ, соединеніи всѣхъ церквей во единой церкви вселенской.

— Спаси, Господи, міръ погибающей! — заключалось каждое изъ этихъ прощеній.

Поцѣловавшись трижды поцѣлуемъ пасхальнымъ: «Христосъ воскресе!»—«Вопстину воскресе!»—заперли въ шкафикъ дароносицу съ антиминсомъ и вышли въ кабинетъ.

Холодный свѣтъ дневной ослѣплялъ послѣ алого теплого сумрака, какъ будто перешли они изъ того міра въ

этотъ. И лица измѣнились: вместо таинственныхъ братьевъ церкви невидимой опять—царь и царедворецъ.

Заговорили о дѣлахъ житейскихъ.

— А кстати, Голицынъ, просить я намедни Марью Антоновну не принимать князя Валерьяна, племянника твоего. Не знаю, о чемъ они говорятъ съ Софьей, но бесѣды эти волнуютъ ее, а ей покой нуженъ. Скажи ему, извинись какъ-нибудь, чтобы не обидѣлся.

— Помилуйте, ваше величество! Смѣеть ли онъ?

— Нѣтъ, отчего же?.. Кажется, добрый малый и неглупый; а только съ этимъ нынѣшимъ вольнымъ душкомъ, а?

— Охъ, ужъ не говорите, государь! Наградилъ меня Богъ племянничкомъ. Сущій карбонаръ. Волосы дыбомъ встаютъ, какъ этихъ господъ постулашь. Вы себѣ представить не можете, на что они способны. Въ Сибирь ихъ мало!

— Ну, полно, за что въ Сибирь? Жалѣть надо. Наши же дѣти, и съ насъ, отцовъ, за нихъ взыщется...

Опять промелькнуло что-то въ глазахъ его; опять показалось Голицыну, — вотъ-вотъ заговорить онъ о главномъ, единственномъ, для чего, можетъ-быть, и весь разговоръ этотъ началъ.

Но промелькнуло — пропало, и Голицынъ понялъ, что никогда ничего не скажетъ онъ, хотя бы страшный звѣрь загрызъ его до смерти, — будетъ терпѣть и молчать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ передалъ племяннику своему, князю Валерьяну волю государя о томъ, чтобы онъ пересталъ бывать у Нарышкиныхъ. Но Марья Антоновна, узнавъ объ этомъ, объявила, что не хочетъ лишать свою больную, можетъ-быть, умирающую дочь послѣдней радости, и просила князя бывать у нихъ попрежнему, обѣщая взять на себя передъ государемъ всю отвѣтственность. Съ женихомъ Софыи, графомъ Шуваловымъ, поссорилась и говорила, что если бы даже Софья выздоровѣла, то государь какъ себѣ хочетъ, а она ни за что не выдастъ дочь за этого «проходимца»: во враждѣ своей была столь же внезапна и неудержима, какъ въ любви.

Такъ рѣшила Марья Антоновна, такъ и сдѣлалось, князь Валерьянъ продолжалъ посѣщать Софью, стараясь только не встрѣчаться съ государемъ. Избѣгая этихъ встрѣчъ, уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ проводилъ большую часть времени съ новымъ другомъ своимъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ; изъ членовъ Тайного Общества сошелся съ нимъ ближе всѣхъ.

Двадцатилѣтній корнетъ, красавецъ — розы на щекахъ, легкіе пепельные, точно сѣдые, кудри, голубые глаза, всегда немножко прищуренные съ улыбкою, — «красная дѣвица», говорили о немъ въ полку. Казалось бы, ему не заговорщикомъ быть, а въ пятнашки играть и бабочекъ ловить съ такими же дѣтьми, какъ онъ.

— Я отъ природы беспеченъ, вѣтренъ и лѣнивъ, — говорилъ самъ о себѣ: — никогда никакого не имѣлъ неудовольствія въ жизни; я слишкомъ счастливъ.

Сорвемъ цветы украдкой
Подъ лезвеемъ косы,
И лѣнию — жизніи краткой
Продлимъ, продлимъ часы,

— это о такихъ, какъ я, сказано.

Среди пламенныхъ споровъ о судьбахъ Россіи, о вольности, о «будущемъ усовершеніи человѣчества» молчалъ, усмѣхался, потомъ вдругъ вскакивалъ, хваталъ свой киверъ съ бѣлымъ султаномъ. — «Куда ты?» — «На Невскій». И гремѣлъ по тротуару саблею съ такимъ легкомысленнымъ видомъ, какъ будто, кромѣ гуляній да парадовъ, ничего для него не существуетъ. Или сладкими пирожками обѣдался въ кондитерской, какъ убѣжавшій съ урока школьнікъ.

Но подъ этой дѣтскойствомъ горѣлъ въ немъ тихій пламень чувства.

Мать любилъ такъ, что когда она умерла, едва выжилъ. «Матушка была для меня вторымъ Богомъ, — писалъ брату. — Я перенесъ все отъ слабости; я былъ слабъ—слабѣе, нежели самый слабый младенецъ». Она снилась ему часто, какъ будто звала къ себѣ, и онъ этотъ зовъ слышалъ: иногда вдругъ, въ самыя веселыя минуты, загрустить, и уже иная пѣсня вспоминается:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убийственнымъ жицѣ...

Постъ матери больше всего на свѣтѣ любилъ музыку.

— Всѣ слова лгутъ, одна только музыка никогда не обманываетъ.

И рѣчи о вольности для него были музыкой. Всякая ложь въ нихъ оскорбляла его, какъ фальшивая нота, оставляла смутный стѣдъ на душѣ, какъ дыханье на зеркалѣ.

— Вы стремитесь къ высокому, я тоже: будемъ друзьями! предложилъ онъ Голицыну чуть ли не на второй день знакомства.

Тотъ усмѣхнулся, но протянулъ ему руку. Съ тѣхъ поръ, когда находили на Голицына сомнѣнья въ себѣ, въ другихъ, въ общемъ дѣлѣ, — стоило вспомнить ему о миломъ Сашѣ, о тихомъ мальчикѣ, — и становилось легче, вѣрилось опять.

Друзья вели бесѣды безконечныя; начинали ихъ дома и продолжали на улицѣ или за городомъ, гдѣ-нибудь на островахъ.

На Крестовскомъ, по аллеѣ, усыпанной желтымъ пескомъ, съ бѣлыми, новою краскою пахнущими тумбами, прохаживались чинно молоденькие коллежскіе секретари съ тросточками и старые статскіе совѣтники съ женами и дочками въ соломенныхъ шляпкахъ и блондовыхъ чепчикахъ. Слушали роговую, церковному органу подобную, музыку съ великолѣпной дачи «Монь-Плезиръ» на Аптекарскомъ островѣ и наслаждались «балльзамическимъ воздухомъ». Тутъ же на травѣ, подъ вечернее кваканье лягушекъ въ болотныхъ канавахъ и уныло-веселые звуки: «ехъ, мейнъ -либеръ Аугустинъ, Аугустинъ», нѣмецкіе мастеровые выплясывали грессфатера. Пахло свѣжей травою, смолистыми елками изъ лѣсу и жареными сосисками, жженымъ цикоріемъ изъ «Новой Ресторациі», гдѣ пиликали скрипки, визжали цыганки и гвардейскіе офицеры, подвыпивъ, боянили. На Крестовскомъ островѣ царствовала вольность нравовъ, какъ въ золотомъ вѣкѣ Астreeовомъ: даже курить можно было везде, тогда какъ на петербургскихъ улицахъ забирала полиція курильщиковъ на сѣзжую. Гостинодворскіе купчики катались по Малой Невкѣ на яликахъ, заѣзжали на тони, варили уху, орали пѣсни и спорили объ игрѣ актера Яковлева въ Дмитріи Донскомъ. А старые купцы со своими купчихами, сидя на прибрежныхъ кочкиахъ, поросшихъ мхомъ и брусликою, попивали чай съ блюдечекъ, за самоварами, такими же, какъ сами они, толстопузыми, мѣдно-красными на заходящемъ солнцѣ.

Въ сосновыхъ рощахъ сдавались въ наемъ избы чухонцевъ и строились рѣдкія дачки, карточные домики, гдѣ любители сельской природы могли утѣшаться колокольчиками стада и берестовымъ рожкомъ пастуха на туманныхъ зоряхъ: «совсѣмъ какъ въ Швейцаріи».

Здѣсь, въ «Новой Ресторациі», за шаткимъ столикомъ съ бутылкою пива или сантуринскаго, два друга вели бесѣды о такихъ предметахъ, что если бы кто и подслушалъ, — не

понялъ бы. Голицынъ разсказывалъ Одоевскому о своихъ парижскихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ и подъ уныло-веселые звуки «Аугустинъ» шепталъ ему на ухо тѣ слова молитвы Господней, которыми суждено было, какъ вѣрилъ Чаадаевъ, сдѣлаться осаний грядущей свободной Россіи: *Adveniat regnum tuum*, — такъ не по-русски о русской вольности звучали эти слова для самого учителя.

Больше всего занимала Одоевского мысль Чаадаева о томъ, что безъ Бога нѣтъ свободы, безъ церкви вселенской нѣтъ для Россіи спасенія.

— Да, это главное, главное! — повторялъ тихій мальчикъ, весь волнуясь и краснѣя отъ стыдливой радости: — это главнѣе всего! А вѣдь никто не пойметъ...

— А ты понялъ? — вдругъ спросилъ Голицынъ, взглянувъ на него съ тою внезапною усмѣшкою, которой немного побаивался Одоевскій; сходство съ Грибоѣдовымъ, тоже другомъ его, именно въ этой, всегда внезапной и какъ будто недоброй, усмѣшкѣ, давно замѣтилъ онъ въ Голицынѣ, и оно не нравилось ему, но почему-то никогда не говорилъ онъ объ этомъ сходствѣ, только смутно чувствовалъ въ немъ что-то жуткое. — А ты понялъ?

— Не знаю, можетъ-быть, и не понялъ, — покраснѣлъ Одоевскій и застыдился еще больше: — я насчетъ философіи плохъ, умомъ не понимаю многаго, ну, да вѣдь не все же однимъ умомъ...

— Нѣтъ, Саша, тутъ и умомъ надо, тутъ одинъ волосокъ отдѣляетъ истину отъ лжи, вольность отъ рабства. Две пропасти: сорвешься въ одну — не удержишься, до дна докатишься. Надо выбрать одно изъ двухъ. Ты выбралъ? Понялъ? А можетъ-быть, и понялъ, да не такъ?

— Не такъ, какъ кто?

— Какъ я, какъ мы съ Чаадаевымъ.

— А можетъ-быть, и вы не такъ?

— Ну, значитъ, мы самихъ себя не поняли...

— А ты что думаешь? Иногда и себя самого не поймешь.

Въ тотъ же день на Елагиномъ островѣ съ государемъ встрѣтились.

Опъ ъхалъ верхомъ одинъ — только дежурный флигель-адъютантъ слѣдоваль издали — по лѣсной аллеѣ - просѣкѣ отъ новаго Елагинскаго дворца ко взморью. Остановились. Камеръ-юнкеръ снялъ шляпу, офицеръ отдалъ честь. Государь поклонился имъ съ той милостивой улыбкой, съ которой онъ одинъ умѣлъ кланяться, — для всѣхъ одинаковой и для каждого особенной, единственной.

— Что ты? — спросилъ Голицынъ Одоевскаго, который смотрѣлъ вслѣдъ государю, съ лицомъ сияющимъ отъ радости.

— Ничего... такъ... — какъ будто опомнился тотъ и опять покраснѣлъ, застыдился. — Самъ не знаю, что со мною дѣлается, когда вижу его... Какъ посмотрѣлъ-то на насъ, улыбнулся!

— Такъ любишь его?

Одоевскій молчалъ, все больше краснѣя

«Зачѣмъ же ты въ Тайномъ Обществѣ?» хотѣлъ было спросить Голицынъ, но тотъ самъ, безъ вопроса, отвѣтилъ.

— Если бы онъ только зналъ, чего мы хотимъ, то первый бы съ нами былъ...

— Какъ же съ нами? Противъ себя самого?

— Ну, да. Не пожалѣлъ бы и себя для блага отечества, отдалъ бы все за счастье, за вольность Россіи. Ежели царь — отецъ, то какъ можетъ онъ желать, чтобы народъ, дѣти его, были рабами. Помнишь въ Писаніи: сыны суть свободны...

— Да вѣдь это не о царѣ, а о Богѣ.

— Все равно.

— Нѣтъ, не все равно...

Замолчали и посмотрѣли другъ на друга съ тѣмъ удивленiemъ, которое слишкомъ поспѣшной дружбѣ свойственно, какъ будто впервые другъ друга увидѣли.

— За что же мы его убить хотимъ? — вдругъ усмѣхнулся Голицынъ опять давешней жуткой усмѣшкой.

— Убить? — воскликнулъ Одоевскій. — Эхъ, душа моя, мало мы, что ли, вздору мслемъ, сами на себя времъ? Да если кто и вправду пойдетъ на убийство, то увидитъ лицо его, глаза, улыбку, — вотъ какъ давеча намъ улыбнулся, — и рука не подымется, сердце откажетъ! Изверга такого нѣть,

чтобъ не полюбилъ его и не былъ бы радъ самъ за него умереть. Сказать не умѣю, а только знаешь, какъ простой народъ говоритъ: «государь батюшка, красное солнышко!» У кого этого иѣть, тотъ не русскій. А вѣдь мы русскіе; у насъ у всѣхъ это есть, да забыли, а вспомнимъ когда-нибудь.

— Кто любить арбузъ, а кто свиной хрящикъ; одинъ — царя, другой — вольность, — разсмѣялся Голицынъ: — но нельзя же царя и вольность выѣстѣ любить...

— Отчего нельзя?

— Ну, вотъ видишь, не даромъ я спрашивалъ давеча, такъ ли ты понялъ.

— Не то, не то...

— Иѣть, Саша, то самое.

Опять посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ и, какъ часто бываетъ въ дружбѣ, почувствовали, что любятъ, но не знаютъ другъ друга. Да ужъ полно, любятъ ли? Не поторопились ли дружбой.

Вернулись на Крестовскій, наняли лодку и выѣхали на взморье.

Была бѣлая ночь, свѣтло какъ днемъ, но краски всѣ полиняли, выцвѣли; осталось только два цвѣта — бѣлый да черный, какъ на рисункѣ углемъ: бѣлая вода, бѣлое небо, пустое — одна лишь послѣдняя, прозрачная, съ востока на западъ тянущаяся гряда перламутровыхъ тучекъ; и черная полоска земли, какъ будто раздавленная, расплощенная между двумя бѣлизнами — воды и воздуха; черная тоня, избушка на куриныхъ ножкахъ; черные тростники на отмеляхъ, а дальше — все плоско-плоско, бѣло-бѣло, не отличить воды отъ воздуха. Тишина мертвая. Рыба всплеснетъ вблизи; вдали на баркѣ топоръ застучитъ; пироскафъ Берда, идущій въ Кронштадтъ, первый и единственный пароходъ въ Россіи, по водѣ, невидимый, зашелепаетъ колесами, — и тишина еще безпредѣльна.

Бросили весла; лодка, какъ люлька, качаясь, баюкала Разговоръ зашелъ о Грибоѣдовѣ.

— Когда графъ Завадовскій дрался съ Шереметевымъ изъ-за танцовщицы Истоминой, Грибоѣдовъ былъ секундантомъ, —

рассказывалъ Одоевскій: — безъ него и дуэли бы не было; оба шли на мировую, да Грибоѣдовъ опять ихъ стравилъ. «Для чего, — говоритъ, — и самъ не знаю, чортъ меня дернулъ!» Шереметевъ упалъ, раненый на смерть, и заметался по снѣгу, а другой секундантъ, гусаръ Каверинъ, пьяница, но добрый малый, подбѣжалъ къ нему, присѣль на корточки, хлопнулъ себя руками по ляжкамъ и закричалъ: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!» Когда Грибоѣдовъ обѣ этомъ рассказывалъ, то смѣялся, знаешь, какъ всегда онъ смѣется, точно сухія кости изъ мѣшка сыплются, а на самомъ лица пѣтъ. Тоска, говорить, на него нашла ужасная, мѣста себѣ не найдетъ: все передъ нимъ раненый по снѣгу мечется, и кровь на снѣгу...

Одоевскій умолкъ, какъ будто задумался. Потомъ вдругъ спросилъ, глядя на Голицына въ упоръ:

— А что, князь, подумалъ ты давеча, какъ о царѣ говорили, что подлецомъ могу я сдѣлаться, предателемъ?

— Нѣтъ, Саша, не за тебя я боюсь, а за насъ всѣхъ. Мечтатели мы, романтики...

— «Любители того, чѣмъ отъ самовара пахнетъ», это онъ же, Грибоѣдовъ, сказалъ о романтикахъ, — разсмѣялся Одоевскій. — А вѣдь хорошо сказано?

— Да, хорошо. Отъ угары-то этого когда-нибудь насъ всѣхъ стонитъ—вотъ чего я боюсь... Правда твоя, что много времъ лишняго, болтаемъ зря. Ну, вотъ, поболтаемъ помечтаемъ, а какъ до дѣла дойдетъ, — въ лужу и сядемъ. А можетъ, и то правда, что все еще любимъ царя, вѣримъ, что отъ Бога царь. «Благочестивѣйшаго, самодержавиѣйшаго»... съ этимъ и Крови Господней причащаемся, это и въ крови у насъ у всѣхъ. Куда уйдешь? Сами того не знаемъ, забыли, а какъ вспомнимъ, тутъ-то вотъ подлецами и окажемся, ослабѣемъ, перетрусимъ, какъ малыя дѣти, нюни распустимъ: «государь батюшка, красное солнышко!» — и въ ножки бухъ. Отъ всего отречемся, во всемъ покаемся, все предадимъ. Унизимъ великую мысль. И никогда, никогда это намъ не простится! Будемъ и мы по кровавому снѣгу метаться, прокричить и надѣть нами чортъ отходную: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!»

— Охъ, страшно, какъ страшно ты это сказалъ, Валерьянъ! Сохрани, Боже, Матерь Пресчистая! — проговорилъ Одоевскій и перекрестился набожно.

И опять замолчалъ, какъ будто задумался. Обоимъ хотѣлось еще что-то сказать, но тишина заглушала слова; только подъ корюю струйки звенѣли, звенѣла въ ушахъ тишина. Лодка качалась, какъ лялька, — баюкала. Одоевскій легъ на дно и, закинувъ руки за голову, смотрѣлъ въ небо.

— А знаешь, какой мнѣ на мѣдни сонъ приснился удивительный, — вдругъ улыбнулся дѣтски-радостно: — сижу, будто зилюю, рано, когда еще темно на дворѣ, въ деревнѣ у брата Володи, а онъ у окна, при лампѣ, книгу какую-то нѣмецкую читаетъ, философа Шеллинга, что ли. «Ну, говорю, будетъ глаза слѣпить, а скажи-ка лучше, въ Бога Шеллингъ твой вѣруетъ?» — «Вѣруетъ». — «И въ Матерь Божью?» — «И въ Нее, говоритъ, вѣруетъ». — «А что же, говорю, такое, по-вашему, Пречистой Матери Покровъ?» Перелисталъ книгу, отыскалъ страницу, строку и пальцемъ указываетъ: «читай», говоритъ. Я и прочелъ: «Es herrscht eine allweise Gute über die Welt. Премудрая Благость надъ міромъ царствуетъ». — «Это, говоритъ, по-нѣмецки, а по-русски: Пречистой Матери Покровъ. Понялъ?» — «Понялъ». И свѣтло-свѣтло вдругъ сдѣлалось, будто отъ солнца, — отъ чашечекъ зеленыхъ съ ободками золотыми: дѣтьми, бывало, молоко изъ нихъ пили, въ деревнѣ, у матушки на антресоляхъ съ полукруглыми окнами прямо въ рощу березовую, всегда я эти чашечки въ счастливыхъ снахъ вижу: золотые, зеленые, какъ солнце сквозь листъ березовый. И свѣтло-свѣтло отъ нихъ, какъ отъ солнца. И будто уже не Володя, а какая-то музыка или матушкинъ голосъ шепчетъ мнѣ на ухо: «вѣрь, Саша, будсть все, чего вы хотите, — и правда, и счастье, и вольность, — только вѣрь, что надъ вами, надо всѣми — Пречистой Матери Покровъ». Тутъ я и приснулся...

Послѣднія струйки подъ корюю отзвенѣли; послѣднія тучки въ небѣ растаяли — и пусто-пусто въ немъ, бѣлѣ-бѣлѣ, какъ будто и неба вовсе иѣть, ни земли, ни воды, ни воздуха, ничего иѣть — пустота, бѣлизна безпредѣльная. Только

тамъ, гдѣ Петербургъ, свѣтлѣетъ игла Петропавловской крѣпости, да чериѣютъ какія-то точечки, какъ щепочки, что на отмель водой нанесло, водой унесетъ. Пустота, бѣлизна остеклѣвшая, какъ незакрытый глазъ покойника. И тихо-тихо, душно-душно, какъ подъ смертнымъ саваномъ. Это ли Пречистой Матери Покровъ?

— Саша, а Саша! — позвалъ Голицынъ, только бы услышать чей-нибудь голосъ.

Но тотъ не отвѣтилъ, — уснулъ. Можетъ-быть, опять синились ему золотыя, зеленые чашечки и мама, и музыка.

А Голицыну страшно стало; хотѣлось крикнуть, какъ давеча, но голоса не было, а если бъ и крикнулъ, то, кажется, не онъ самъ, а изъ него — ночной, пустой, бѣлый чортъ: «вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!»

Вернувшись въ городъ, нашелъ у себя на квартирѣ посланаго съ письмомъ отъ Мары Антоновны: она писала ему, что Софья худо, и просила его прѣхать немедленно.

Онъ понялъ, что она умираетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Что Софья умираетъ, государь зналъ; и что съ этою смертью порвется для него послѣдняя связь съ жизнью—тоже зналъ. Но, по обыкновенію, скрывалъ свое горе отъ всѣхъ. Никому не жаловался, не оставлялъ занятій, не измѣнялъ привычекъ. Жилъ, какъ всегда въ лѣтніе мѣсяцы, то на Камснемъ островѣ, то въ Царскомъ и Красномъ, гдѣ гостовились большия маневры, на которыхъ онъ долженъ быть присутствовать. Но гдѣ бы ни былъ, два-три раза въ день фельдшегери привозили ему известія о больной, и самъ онъѣзжалъ къ ней почти каждый день.

Большую частью сидѣлъ у ея постели молча или читалъ, все равно что, — она почти не слушала, лежала безъ движенія, закинувъ голову, закрывъ глаза, вся вытянувшись и вытянувъ худыя руки, прозрачно-блѣдныя, съ голубыми килками. Одѣяло сбрасывала (все казалось ея тяжелымъ, какъ это бываетъ передъ концомъ у чахоточныхъ), и лежала тодѣ одной простыней, такъ что отъ маленькихъ ножекъ до ѣда обозначенной дѣтски-дѣвичьей груди видно было все тѣло, облитое бѣлою тканью, какъ будто обнаженное, изваниое, тонкое, острое, стройное, стремительно-недвижное — трѣла на тетивѣ, слишкомъ натянутой.

Иногда открывала глаза и смотрѣла на него подолгу, все такъ же молча; и тогда казалось ему, что онъ въ чемъ-товиноватъ передъ нею и что надо сказать, сдѣлать что-то, чтобы искупить вину, пока не поздно; казалось также, что она уходить отъ него въ недосягаемую даль, погружается въ глубину бездонную, — и вдругъ исчезала боль, — уже

не страшно, не жалко, только завидно: хотѣлось туда же за нею.

Въ серединѣ юня дни стояли жаркіе, съ грозовыми бѣлы ми тучами, съ темно- яркою, влажною, точно мышьяковою зеленью травъ, съ душною, пахнущею мѣхомъ, болотной сыростью, съ тихимъ, соннымъ ворчаніемъ грома и безсон нымъ трепетаньемъ зарницъ по ночамъ.

Однажды, въ послѣполуденный часъ, когда онъ читал ей вслухъ Евангеліе, она открыла глаза, и по лицу ея онъ понялъ, что она хочетъ что-то сказать. Наклонился, подстас вилъ правое, лучше слышавшее ухо къ самымъ губамъ ея и она прошептала чуть слышнымъ шопотомъ, подобнымъ шелесту сухихъ ночныхъ былинокъ:

— Сѣнокосъ, папа?

— Да, какъ бы только не пропало сѣно — все дожди

— Хорошо теперь въ полѣ, — шептала она: — лечь въ траву, съ головой укрыться, уснуть. Хорошо, свѣжо. А здѣси жарко, душно, нечѣмъ дышать... а по ночамъ Атька...

— Какая Атька?

— Обезьянка. Развѣ не помнишь?

— Ахъ, да, какъ же, помню...

Говорили, думая о другомъ, только бы сказать что-нибудь прервать молчаніе, слишкомъ тяжелое.

— А маменька тоже больна?

Маменькою называла она императрицу Елизавету Алексѣевну, онъ къ этому привыкъ и самъ при ней называлъ ее такъ.

— Скажи ей, что снилось мнѣ намедни, будто вмѣстѣ живемъ гдѣ-то далеко, у моря, въ Крыму, что ли... — сказала Софья.

Онъ часто говорилъ съ ней о томъ, какъ, отрекшись отъ престола, выйдя въ отставку, купить Ореанду, свое любимое мѣстечко на Южномъ берегу, построить маленький домикъ у самого моря, въ лѣсу, и тамъ будетъ жить съ нею и съ маменькой.

— Въ Крыму? — удивился онъ: — а вѣдь и маменька тоже снилось намедни, будто вмѣстѣ живемъ въ Ореандѣ

Но Софья ис удивилась.

— Да, вмѣстѣ скоро... — проговорила такъ тихо, что онъ ис разслышалъ.

Продолжалъ читать Евангеліе:

«Кто бо отъ васъ, хотяй столпъ создати, не прежде ли сѣдъ разчтетъ имѣніе, аще имать, еже есть на совершеніе, да и когда положить основаніе и не возможстъ совершити, вси видящіе начнутъ ругатися ему, глаголюще: сей человѣкъ начать здати и не може совершити».

Остановился, посмотрѣль на нее: лежала, закрывъ глаза, какъ будто спала.

Задумался, вспомнилъ давешній разговоръ свой съ Голицинымъ объ отречениіи отъ престола. Не о такихъ ли, какъ онъ, это сказано? Не началъ ли онъ строить башню, положилъ основаніе и не могъ совершить? Не вся ли жизнь его — развалина недостроеннааго зданія? Мечталъ о великихъ дѣлахъ — о Священномъ Союзѣ, о царствіи Божьемъ на землѣ, какъ на небѣ, а единственное малое, что могъ бы сдѣлать — дать счастье хоть одному человѣку, вотъ ей, Софье, — не сдѣлалъ. Зачѣмъ ее родилъ? Даль ненужную муку, непонятную жизнь, непонятную смерть? Чѣмъ искупить? Что сказать, что сдѣлать, пока еще не поздно? Или ужъ поздно?

Софья открыла глаза, посмотрѣла на него молча, пристально, какъ смотрѣла всѣ эти дни, и вдругъ показалось ему, что она о томъ же думаетъ, — все видитъ, все обличаетъ, — судить его, какъ равная равнаго.

— Не надо, папенька, милый, — опять зашептала, когда наклонился онъ къ ней: — не думай, не бойся. Все хорошо будетъ, все къ лучшему, ты же самъ всегда говоришь: все къ лучшему...

Въ недосягаемо-далекой, чуждой улыбкѣ была ясность и мудрость, какъ будто насмѣшка надъ нимъ: если бы надъ грѣшными людьми смеялись ангелы, у нихъ была бы такая улыбка.

Что-то еще шептали, шелестѣли сухія губы, сухія иочныя былинки, — но онъ уже не слышалъ, хотя слушалъ съ уси-

ліемъ, нагнувъ свою лысую голову, вытянувъ шею, такъ что жилы вздулись на ней и выпучились блѣдно-голубые близорукіе глаза.

«Смѣшные глазки, совсѣмъ, какъ у теленочка!» вдругъ вспомнилось ей, какъ смѣялась она маленькой дѣвочкой, ласкаясь, шаля и цѣлуя эти блѣдно-голубые глаза съ бѣлокурыми рѣсницами; вспомнилась также подслушанная въ разговорѣ старшихъ давнишняя шутка Сперанскаго, который однажды въ письмѣ къ пріятелю, перехваченномъ тайной полиціей, назвалъ государя «бѣлымъ теленкомъ»: «нашъ Вобанъ — нашъ Вобланъ». Вобанъ — знаменитый французскій инженеръ, строитель крѣпостей (государь въ то время осматривалъ крѣпости); а Вобланъ, по-французски: *veau blanc*, бѣлый теленокъ. Государь за эту шутку такъ разгневался, что въ первую минуту хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго. Софья не поняла тогда, за что: «ну, да, бѣлобрысенькій, лысенкій, розовенкій весь, прехорошенкій теленочекъ. Что же тутъ обиднаго?» Ей казалось иногда, что отъ него и пахнетъ молочнымъ теленочкомъ. Видѣла разъ въ церкви Покровской, на падугѣ свода, херувима золотого, шестикрылаго, съ лицомъ Тельца; онъ былъ похожъ на папеньку: такое же въ обоихъ — кроткое, тихое, тяжкое, подъяремное.

Все это промелькнуло теперь въ улыбкѣ ея, полной нездѣшней ясностью, нездѣшней мудростью, когда шептала она дѣтскую ласку предсмертнымъ шопотомъ:

— Теленочекъ бѣленкій!

Словъ не разслышалъ онъ, но понялъ, и сердце заныло отъ жалости; чтобы не заплакать, вышелъ изъ комнаты.

На площадкѣ лѣстницы увидѣлъ Дмитрія Львовича Нарышкина. Часто стоялъ онъ такъ, въ темномъ углу, у двери, не смѣя войти, прислушиваясь, и тихонько плакалъ. Обманутый мужъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, любилъ чужое дитя, какъ свое.

Увидѣвъ государя, сдѣлалъ лицо спокойное.

— Ну, что? Какъ? — спросилъ шопотомъ, но не выдержалъ, высунулъ языкъ и всхлипнулъ дѣтски-безпомощно.

Государь обнялъ его, и оба заплакали.

Два дия не пріѣзжалъ онъ къ Софьѣ: много было неотложныхъ дѣлъ. 18-го іюня назначены маневры. Наканунѣ весь день провелъ на дачѣ Нарышкиныхъ. Пріѣхавъ, узналъ, что больная причащалась; испугался, подумалъ, что ко нецъ. Но нѣтъ, все попрежнему; только очень слаба; почти не говорила, не открывала глазъ, лежала въ забытьи. Когда наклонялся онъ къ ней, спрашивала:

— Ты здѣсь? Не уѣхалъ? Не уѣзжай, не простилишись. Если буду спать, разбуди...

Видно было, что ей страшно чего-то; и ему сдѣлалось страшно. Каждый разъ, уходя, думалъ: что, если пріѣдетъ завтра и не застанетъ ея въ живыхъ? Сегодня страшнѣе, чѣмъ когда-либо. Ужъ не останется ли? Не отложить ли маневровъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ? Остаться совсѣмъ, подождать конца, — вѣдь ужъ недолго?

Но стыдъ, который столько разъ въ жизни дѣлалъ его, любящаго, страдающаго, наружно безчувственнымъ, — нашелъ на него и теперь: неодолимый стыдъ, отвращеніе, нежеланіе выставлять горе свое на показъ людямъ; чувство почти животное, которое заставляетъ больного звѣря уходить въ берлогу, чтобы никто не видѣлъ, какъ онъ умираетъ. И чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ стыдъ неодолимѣе.

Рѣшилъ уѣхать и вернуться завтра, точась потслѣ маневровъ; утѣшалъ себя тѣмъ, что такие же припадки слабости бывали у нея и раньше, но проходили: дастъ Богъ, и этотъ пройдетъ.

Только что рѣшилъ, больная затревожилась, зашевелилась, проснулась, подозвала его взглядомъ, спросила:

— Который часъ?

— Девятый.

— Поздно. Поѣзжай скорѣе. Вставать рано, — устанешь. Чѣтъ, погоди. Что я хотѣла? Все забываю... Да, вотъ что.

Онъ приподнялъ голову ея и положилъ къ себѣ на плечо, чтобы ей легче было говорить ему на ухо.

— Вы князя Валерьяна очень не любите? — заговорила ю-французски, какъ всегда о важныхъ дѣлахъ.

— Нѣтъ, отчего же? За что мнѣ его не любить?.. — началъ онъ и не кончилъ; по тому, какъ спрашивала, почувствовалъ, что нельзя лгать.

— Я его мало знаю, — прибавилъ, помолчавъ: — но, кажется, не я его, а онъ меня не любить...

— Неправда! Если меня, то и вѣсъ любить, будетъ любить, — проговорила, глядя ему въ глаза тѣмъ взглядомъ, который, казалось ему, видѣлъ въ немъ все и все обличалъ.

— А ты что о немъ вспомнила?

— Хотѣла просить: позовите его, поговорите съ нимъ.

— Сейчасъ?

— Нѣтъ, потомъ...

Онъ понялъ, что «потомъ» значитъ: «когда умру».

— Сдѣлайте это для меня, обѣщайте, что сдѣлаете.

— О чёмъ же намъ съ нимъ говорить?

— Спросите, узнайте все, что онъ думаетъ, чего хочетъ... чего они хотятъ для блага Россіи... Вѣдь и вы того же хотите?

— Кто они?

— Ты знаешь, — кончила по-русски: — не спрашивай, а если не хочешь, не надо, прости...

Да, онъ зналъ, кто они. Какая низость! Возстановлять дочь противъ отца, ребенка больного, умирающаго дѣлать орудіемъ злодѣйскихъ замысловъ. Вотъ каковы они всѣ! Ни стыда, ни совѣсти. Травятъ его, какъ псы добычу, окружаютъ, настигаютъ даже здѣсь, въ послѣдней любви, въ послѣднемъ убѣжищѣ.

А она все еще смотрѣла ему въ глаза тѣмъ же свѣтлымъ, всевидящимъ взоромъ; и вдругъ почувствовалъ онъ, что наступила минута что-то сказать, сдѣлать, чтобы искупить вину свою, — теперь, сейчасъ или уже никогда — поздно будетъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, блѣднѣя: — поговорю съ нимъ и все, что могу, сдѣлаю.

Радость блеснула въ глазахъ ея, живая, земная, здѣшняя, какъ будто изъ недосягаемой дали, куда уходила, она вернулась къ нему на одно мгновеніе.

— Обѣщаешь?

— Даю тебе слово.

— Спасибо! Ну, теперь все, кажется, все. Ступай...

Въ изнеможеніи опустилась на подушки, вздохнула чуть слышнымъ вздохомъ:

— Перекрести.

— Господь съ тобою, дружокъ, спи съ Богомъ! — поцѣловалъ онъ ее въ закрытые глаза и почувствовалъ, какъ подъ губами его рѣсницы ея слабо шевелятся — два крыла засыпающей бабочки.

Подождалъ, посмотрѣль, — дышитъ ровно, спитъ, — пошелъ къ двери, остановился на порогѣ, оглянулся: почудилось, что она зоветъ. Но не звала, а только смотрѣла ему вслѣдъ молча, широко раскрытыми глазами, полными ужаса; и ужасомъ дрогнуло сердце его. Не остаться ли?

Вернулся.

— Еще разъ... обними... вотъ такъ! — прильнула губами къ губамъ его, какъ будто хотѣла въ этомъ подѣлуть отдать ему душу свою.

— Ну, ступай, ступай! — оторвалась, оттолкнула его. — Не надо, полно, не бойся... скоро вмѣстѣ, скоро...

Не договорила или не разслышалъ онъ, только часто потомъ вспоминаль эти слова и угадывалъ ихъ недосказанный смыслъ.

Выходя изъ комнаты, велѣлъ Дмитрію Львовичу, если что случится ночью, послать за нимъ фельдъегера. Сѣлъ въ коляску, давно у крыльца ожидающую, и уѣхалъ въ Красное.

На слѣдующее утро приснулся поздно. Посмотрѣль на часы: половина восьмого, а маневры въ девять. Позвонилъ камердинера, спросилъ, не было ли за ночь фельдъегера. Не было. Успокоился. Напился чаю въ постели. Торопливо умылся, одѣлся, вышелъ въ уборную, гдѣ ожидали бывшій начальникъ главнаго штаба, многолѣтній другъ и спутникъ его во всѣхъ путешествіяхъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, старшій лейбъ-медикъ, баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, родомъ шотландецъ, и лейбъ-хирургъ Дмитрій Клементьевичъ Тарасовъ, который приступилъ къ обычной перевязкѣ больной ноги государевой.

Вглядываясь украдкою въ лица, государь тотчасъ додался, что отъ него скрываютъ что-то.

— Quomodo vales? — заговорилъ онъ съ Тарасовымъ поплатыни, шутливо, какъ всегда это дѣлалъ во время перевязки.

— Bene valeo, autocrator, — отвѣтилъ тотъ.

— А на дворѣ, кажется, вѣтрено? — продолжалъ государь съ тою же притворною безпечностью, переводя взоръ съ лица на лицо, все тревожнѣе, все торопливѣе.

— Къ дождику, ваше величество!

— Дай Богъ. Посвѣжѣтъ—людямъ легче будетъ.

И, быстро обернувшись къ Волконскому, который стоялъ у двери, опустивъ голову, потупивъ глаза, спросилъ его тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Какія новости, Петръ Михайловичъ?

Тотъ ничего не отвѣтилъ и еще ниже опустилъ голову.

Вилліе странно-внезапно и неуклюже засуетился, подошелъ къ государю, осмотрѣлъ ногу его и сказалъ по-англійски:

— Прекрасно, прекрасно! Скоро совсѣмъ здоровы будете, ваше величество!

— До свадьбы заживеть? — усмѣхнулся государь, вдругъ поблѣднѣлъ и, все больше блѣднѣя, посмотрѣлъ на Вилліе въ упоръ.

— Что такое? Что такое? Да говорите же...

Но и Вилліе также не отвѣтилъ, какъ Волконскій. Въ это время Тарасовъ надѣвалъ осторожно ботфорть на большую забинтованную ногу государя. Государь оттолкнулъ его, самъ натянулъ сапогъ, вскочилъ, схватилъ Вилліе за руку и тихо вскрикнулъ:

— Фельдзегерь?

— Точно такъ, ваше величество, только что прибылъ...

И съ рѣшительнымъ видомъ, съ какимъ во время операций вонзалъ ножъ, подтвердилъ то, что уже прозвучало въ бенамолвії:

— Все кончено: ея не существуетъ.

Государь закрылъ лицо руками. Тарасовъ перекрестился. Волконскій, отвернувшись въ уголъ, всхлипывалъ.

— Ступайте,—проговорилъ государь, не открывая лица. Всѣ вышли. Думали, маневры отмѣнить. Но черезъ четверть часа послышался звонокъ изъ уборной. Туда и назадъ и опять туда пробѣжалъ камердинеръ Мельниковъ, неся государеву шпагу, перчатки и высокую треугольную шляпу съ бѣлымъ султаномъ.

Минуту спустя, государь вышелъ въ пріемную, гдѣ ожидали всѣ штабные генералы, начальники дивизій, баталіонные командиры, чтобы сопровождать его на военное поле. Вступивъ съ ними въ бесѣду, онъ предлагалъ вопросы и пояснялъ отвѣты съ обычною любезностью.

«Я наблюдалъ лицо его внимательно,—вспоминалъ впослѣдствіи Тарасовъ,—и, къ моему удивленію, не увидѣлъ въ немъ не единой черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной души его: онъ до того сохранялъ присутствіе духа, что, кроюясь на сѣрии троихъ, бывшихъ въ уборной, никто ничего не замѣтилъ».

Въ двѣнадцатомъ году въ Вильнѣ, когда государь танцевалъ на балу, уже зная, что Наполеонъ переступилъ черезъ Нѣманъ, было у него такое же лицо; совершенно спокойное, неподвижное, непроницаемое, напоминавшее маску или Торвальдсеновъ мраморъ, ту холодную бѣлую куклу, которую маленькая Софья когда-то согрѣвала поцѣлуйми.

На часахъ было девять, когда онъ сошелъ съ крыльца и сѣлъ на лошадь.

Начались маневры. Обычныи бравыи голосомъ, отъ котораго солдатамъ становилось весело, выкрикивалъ команду: «тоссы!» («къ стрѣльбѣ изготовься!»); съ обычныи вниманиемъ замѣчалъ всѣ фронтовыя оплошности: качку въ тѣлѣ, шевеленіе подъ ружьемъ, неравенство въ плечахъ, и версты за двѣ, въ подзорную трубку,—султаны не довольно прямые; у одного штабъ-офицера — уздечку недостающую, у другого — оголовіе на лошади неформченное. Но вообще остался доволенъ и милостиво всѣхъ благодарилъ.

Когда маневры кончились, вернулся во дворецъ, отказался отъ полдника, переодѣлся насконо, сѣлъ въ коляску, запряженную четверней по-загородному, и поскакалъ на дачу Нарышкиныхъ.

Кучеръ Илья, все время понукаемый, гналь такъ, что одна лошадь пала на серединѣ дороги, и въ концѣ, при выѣздѣ на Петергофское шоссе, — другая.

Что произошло на дачѣ Нарышкиныхъ, государь не могъ потомъ вспомнить съ ясностью.

Темный свѣтъ, какъ во снѣ, и незнакомо-знакомыя лица, какъ призраки. Онъ узнавалъ среди нихъ то Марью Антоновну, которая бросалась къ нему на шею съ театрально-неестественнымъ воплемъ: «Alexandre!» и съ давнишнимъ запахомъ духовъ противно - приторныхъ; то Дмитрія Львовича, который хотѣлъ плакать и не могъ, только высывалъ языкъ иенитово; то старую няню Василису Прокофьевну, которая твердила все одинъ и тотъ же коротенький разсказъ о кончинѣ Софьи: умерла такъ тихо, что никто не видѣлъ, не слышалъ; рано утромъ, чуть свѣтъ, подошла къ ней Прокофьевна, видитъ, — спитъ, и отойти хотѣла, да что-то жутко стало; наклонилась, позвала: «Софенька!» — за руку взяла, а рука какъ ледъ; побѣжала, закричала: «доктора!» Докторъ пришелъ, поглядѣлъ, пощупалъ: часа два, говоритъ, какъ скончалась.

Въ комнатѣ, обитой бѣлымъ атласомъ съ алыми гвоздичками, открыта дверь на балконъ. Пахнетъ послѣ дождя грозовыми цветами, земляною сыростью и скошенными травами. Вдали, освѣщенные солнцемъ бѣлые, на черносиней тучѣ, паруса. Отъ вѣтра колеблется красное пламя дневныхъ свѣчей, и легкая прядь волосъ, изъ-подъ вѣнчика вьющихся, на лбу покойницы шевелится. Въ подвѣнечномъ платьѣ, томъ самомъ, котораго не хотѣла примѣривать, лежала она въ гробу, вся тонкая, острая, стройная, стремительная, какъ стрѣла летящая.

Онъ прикоснулся губами къ холоднымъ губамъ, увидѣлъ на груди ея маленький портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, изъ золотого медальона вынутый, — нельзя

ласть золота въ гробъ, — и глаза его встрѣтились съ глазами князя Валерьяна Михайловича Голицына, стоявшаго гроба съ другой стороны: Софья была между ними, какъ утко сосдиняла ихъ — любимаго съ возлюбленныи.

Но темный свѣтъ еще потемнѣлъ, дневные огни закружились зелено-красными пятнами, и захрапѣла, какъ на орогѣ давеча, уткинувшаяся въ пыль лошадиная морда съ кровавою пѣною на удилахъ и съ глазами такими же роткими, какъ у императрицы Елизаветы Алексѣевны.

— Ничего, ничего, маленький отливъ крови, сейчасъ ройдеть, — услышалъ государь голосъ лейбъ-медика Риана, одного изъ двухъ докторовъ, лѣчившихъ Софью; другой — лейбъ-медикъ Миллеръ — подавалъ ему рюмку съ водою, мутною отъ капель.

Зубы стучали о стекло, и съ виноватою улыбкою старался онъ поймать губами воду.

И опять ёдетъ. Туда или оттуда? Впередъ или назадъ? И все, что было, не было ли сномъ? Опять равнина безконечная, ни холмика, ни кустика, только однообразныя кочки торянныхъ болотъ, да на самомъ краю неба, гдѣ тучи ровно, какъ ожницаи, срѣзаны,—заря мѣдно-желтая. И, кажется, онъ деть такъ уже давно-давно и никогда никуда не пріѣдѣтъ.

— Тпру, тпру! — кричалъ Илья, натягивая вожжи. Коляска накренилась, едва не опрокинулась. Одна изъ двухъ ошадей, загианныхъ давеча, лежала на дорогѣ. Живыя спугались мертвой, взвились на дыбы, шаражались, пялились. Каркая, поднялась стая вороновъ съ падали и поетѣла, черная, къ желтой зарѣ.

Илья, соскочивъ съ козель, налаживалъ сбрую и выаскивалъ колесо изъ рытвины. Заглянулъ въ коляску: о государя не видно, не слышно. Спитъ?

Нѣтъ, не спитъ: откинулся въ темный уголъ; лицо полѣднѣло, исказилось отъ ужаса, и широко раскрытыми глазами смотрить на дорогу, гдѣ нѣтъ никого.

Вернулся не въ Красное, а въ Царскос. Не вѣтель о воемъ пріѣздѣ докладывать, хотя зналъ, что государыня щетъ и тревожится, потому что онъ обѣщалъ пріѣхать.

Прошелъ къ себѣ въ спальню; вспомнивъ, что не ълъ съ утра, почувствовалъ тошноту отъ голода; велѣль податъ чаю. Спать хотѣлось такъ, что едва стоялъ на ногахъ, и легъ не сразу, а написалъ два письма. Одно — къ императрицѣ (часто переписывался съ нею изъ комнаты въ коридорѣ). Записочка въ одну строку, по-французски:

«*Elle est morte. Je reçois le châtiment de tous mes égarements.* — Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

Другое письмо къ Аракчееву:

«Не беспокойся обо мнѣ, любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ. Воля Божья, — и я умѣю покоряться еї. Съ терпѣніемъ переношу мое сокрушеніе и прошу Бога чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Ожидая удовольствія съ тобою видѣться завтра и надѣюсь, что поѣзда моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣятъ сколько печальныя мои мысли.

«Навѣкъ тебя искренно любящій Александръ».

Легъ. Уже засыпалъ — вдругъ, какъ отъ внезапнаго толчка, проснулся. Вспомнилъ о томъ, что видѣлъ на дорогѣ давеча, когда стая вороновъ, каркая, летѣла, черная, к желтой зарѣ.

Старичокъ, похожій на тѣхъ нищихъ странниковъ, что ходятъ по большимъ дорогамъ, собираютъ на построеніи церквей. Лысенкій, сѣденкій, съ голубыми глазками, — «бѣдненькие глазки, совсѣмъ какъ у теленочка», — какъ него самого въ зеркалѣ. Онъ уже видѣлъ его разъ, вскорѣ послѣ смерти отца, когдаказалось, что сходить съ ума не узналъ тогда, теперь знаетъ: это онъ самъ, государь отъ престола отрекшійся и сдѣлавшійся нищимъ-странникомъ.

Видѣть себя — къ смерти. «Ну, что жъ, — подумалъ, — вѣдь смерть тоже отреченіе, и, можетъ-быть, лучшее. Всѣ къ лучшему!» — усмѣхнулся съ неожиданной легкостью и повернулся на привычный лѣвый бокъ, положилъ щеку на руку и тотчасъ же заснулъ.

На слѣдующій день отправился осматривать военные поселенія вмѣстѣ съ Аракчеевымъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Российское воинство подвигами своими не только отечество, но и всю Европу спасло и удивило: да вкусить же ладкую награду», — сказано было въ манифестѣ объ окончаніи войны двѣнадцатаго года; этою сладкою наградою были военные поселенія.

Мечты о грядущемъ Іерусалимѣ, о єеократическомъ правлениі, о царствѣ Божіемъ на землѣ, какъ на небѣ, привелиъ Священному Союзу въ Европѣ и къ военнымъ поселеніямъ въ Россіи.

«Государь иногда дѣлаетъ зло, но всегда желаетъ добра», казалъ о немъ кто-то. И, учреждая поселенія, желалъ онъ обра. Если ошибался, то не онъ одинъ. Сперанскій сочинилъ книгу: «О выгодахъ и пользахъ военныхъ поселеній»; Камазинъ полагалъ, что «оныя суть одно изъ важнѣйшихъ чрежденій нынѣшняго славнаго для Россіи царствованія»; енераль Чернышевъ писалъ Аракчееву: «всѣ торжественно оворять, что совершенства поселеній превосходятъ всякое выражение. Иностранные не опомняются отъ зрелища для ихъ столь невиданнаго».

И государь этому вѣрилъ. Когда же доносился до него лачъ народа: «зашти, государь, крещеный народъ отъ Аракчеева!» — недоумѣвалъ и рѣшалъ дѣлать до конца добро людямъ, не ожидая отъ нихъ благодарности. «Мы, государи, знаемъ, — говорилъ, — что такъ же рѣдка на вѣтѣ благодарность, какъ бѣлый воронъ».

Выѣхавъ изъ Царскаго, провѣстъ девять дней въ осмотрѣ поселеній, расположенныхъ по берегамъ Волхова.

Но въ первые дни путешествія поглощенъ былъ горем и старался только оглушить себя быстрымъ движенiemъ что оно успокаиваетъ, зналъ по давнему опыту.

Отрадна была ему также близость къ Аракчееву. Как всегда въ горѣ, искалъ у него помощи, жался къ нему точно испуганное дитя къ матери.

Бдучи съ нимъ въ одной коляскѣ, оправлялъ на нем шинель: только что повѣеть холодкомъ или сыростьк укутывалъ его, застегивалъ; отъ комаровъ и мошекъ обмѣхивалъ вѣткою.

На девятый день утромъ перебѣхали на поромѣ через Волховъ. Отсюда начиналась Грузинская вотчина. Мужики крѣпостные Аракчеева, поднесли государю хлѣбъ-соль.

— Здравствуйте, мужички!

— Здравія желаемъ, ваше величество! — крикнули т по-военному, становясь во фронтъ.

— Нигдѣ я не видывалъ такихъ здоровыхъ лицъ и тако военной выпрѣвки, — замѣтилъ государь по-французск спутникамъ. «Чудесныя красоты поселеній» начинали и него оказывать свое обычное дѣйствіе.

— По всему видно, что поселяне блаженствуютъ, — согласился генералъ Дибичъ, новый начальникъ главнаг штаба.

Дорога шла высокою дамбою, обсаженною березами слѣва — плоская равнина, справа — мутный Волховъ. Ден пасмурный, тихій и теплый. Небо съ тѣсными рядами сѣренъкихъ тучъ, какъ будто деревянное, изъ ветхихъ бревен сколоченное, подобно стѣнамъ новгородскихъ избъ. Вдали — бѣлыя башни Грузина. Шоссе великотѣпное: колеса по песк едва шуршали.

— А что, братъ, какова дорожка?

— Не дорога, а масло, ваше величество! Вездѣ бы такі дороги — и умирать не надо! — проговорилъ кучерь Илья оборачиваясь къ государю и лукаво усмѣхаясь въ бороду зналъ, чѣмъ угодить; зналъ также, что по этой чудесно дорогѣ никто не смѣлъ ѿздить: чугунными воротами запиралась она, отъ которыхъ ключи хранились у сторожа въ

рузинъ; а рядомъ — боковая, общая, съ ухабами и грязью
и вытазной.

Продолжали осмотръ поселеній Грузинской вотчины второй и третій девизаін grenadierского корпуса. Тутъ порядокъ еще совершеннѣе; такая правильность, тождественность, «единообразіе» во всемъ, что трудно отличить одно селеніе отъ другого.

Однаковые розовые домики вытянулись ровно, какъ солдаты въ строю, на двѣ, на три версты, такъ что улица казалась безконечною; одинаковыя аллеи тощихъ березокъ, но убрѣкъ стриженыхъ; одинаковыя крылечки красныя, чостики зеленые, тузыбочки бѣлые. Все чисто, гладко, глянцевито, точно лакировано.

Правила точнѣйшія на все: о метелкахъ, коими подметаются улицы; о стеклахъ оконныхъ—«битыхъ отиудь бы не было, понеже безобразіе дѣлаютъ, а съ трещинкой дозволяется»; о свиньяхъ: «свиней не держать, потому что животныя сіи роютъ землю и, слѣдовательно, беспорядокъ дѣлаютъ; если же кто просить будеть позволенія держать свиней съ тѣмъ правиломъ, что оныя никогда не будутъ ходить по улицѣ, а будутъ всегда содержаться во дворѣ, таковыиъ выдавать билеты; а если у такого крестьянина свинья выйдетъ на улицу, то брать опую въ госпиталь и записать виновнаго въ штрафную книгу».

Всѣ работы земледѣльческія — тоже по правиламъ: мужики по ротамъ расписаны, острижены, обриты, одѣты въ мундиры; и въ мундирахъ, подъ звукъ барабана, выходять пахать; подъ команду капрала идутъ за сохою, вытянувшись, какъ будто маршируютъ; маршируютъ и на гуинахъ, гдѣ происходятъ каждый день военные ученія.

«Обмундированіе дѣтей съ шестилѣтняго возраста, — доносилъ Аракчеевъ государю, — по распоряженію моему, началось въ одинъ день, въ шесть часовъ утра, при ротныхъ командирахъ, въ четырехъ мѣстахъ вдругъ; и продолжалось, такимъ образомъ, къ центру, изъ одной деревни въ другую, при чемъ ни малѣйшихъ непріятностей не было, кромѣ некоторыхъ старухъ, которые плакали. Касательно же

обмундированныхъ дѣтей, то я на нихъ любовался: они стараются поскорѣе окончить работы, а, возвратясь домой, умывшись, вычистивъ и подтянувъ мундиры, немедленно гуляютъ кучами, изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся сами во фронтъ».

Такъ и теперь, завидѣвъ государя, маленькие солдатики вытягивались во фронтъ и тоненькими голосками выкрикивали:

— Здравія желаемъ, ваше величество!

— Ангелочки! — умилялся Дибичъ.

На улицахъ тишина мертвая: кабаки закрыты, пѣсни запрещены; дозволялось пѣть лишь канты духовныя.

Внутри домовъ — такое же единообразіе во всемъ: одинаковое расположение комнатъ, одинаковая мебель, крашеная въ дикую краску; на окошкѣ за номеромъ четвертымъ — занавѣска бѣлая коленкоровая, задерживаемая на то время, пока дѣти женскаго пола одѣваются.

Здѣсь тоже правила на все: въ какіе часы открывать и закрывать форточки, мести комнаты, топить печки и готовить кушанье; какъ растить, кормить и обмывать младенца — 36 параграфовъ. Параграфъ 25-й: «когда мать разсердится, то отнюдь не должна давать грудей младенцу»; 36-й: «старшина во время хожденія по избамъ осматриваетъ колыбельки и рожки. Правила сіи должны быть хранимы у образной кіоты, дабы всегда ихъ можно было видѣть».

Для совершенія браковъ выстраивались двѣ шеренги, одна — жениховъ, другая — невѣсть; опускались въ одну шапку билетики съ именами жениховъ, въ другую — невѣсть и вынимались по жребію, пара за парою. А если кто заупрямится, то резолюція: «согласить».

— У меня всякая баба должна каждый годъ рожать, — говорилъ Аракчеевъ: — если родится дочь, а не сынъ, — штрафъ, и если баба выкинетъ, тоже штрафъ, а въ какой годъ не родить, представь 10 аршинъ холста.

Государь и спутники его восхищались всѣмъ.

— Ахъ, ваше сіятельство, избалуете вы мужичковъ! — всплеснуль руками Дибичъ, увидѣвъ на печныхъ заслонкахъ

тугунныхъ амуровъ, вѣнчавшихъ себя розами и пускавшихъ
ыльные пузыри.

Къ обѣду во всѣхъ домахъ подали такія жириныя щи
и кашу такую румянную, что генераль-майоръ Угрюмовъ,
отвѣдавъ, объявилъ торжественно:

— Нектаръ и амброзія!

Когда же появился поросенокъ жареный, то всѣ убѣ-
лились окончательно, что поселяне блаженствуютъ.

— Чего имъ еще надобно?

— Не житъе, а масленица!

— Вѣкъ золотой!

— Царствіе Божіе!

Слезы навернулись на глазахъ у генерала Шкурина,
деревянное лицо Клейниихеля такъ преобразилось, какъ
будто созерцалъ онъ не деревню Собачин-Горбы, а Іерусалимъ
Небесный.

Осмотрѣли военный госпиталь. Здѣсь прекраснѣйшаго
стройства ватеръ-клозеты изумили лейбъ-хирурга Тара-
кова.

— Отхожія мѣста истинно царскія! — доложилъ онъ
государю не совсѣмъ ловко.

— Иначе здѣсь и быть не можетъ, — замѣтилъ тотъ
и безъ гордости и объяснилъ, что англійское изобрѣтеніе
же введено въ Россіи впервые именно здѣсь, въ поселеніяхъ.

Аракчеевъ на минуту вышелъ. Въ это время одинъ изъ
больныхъ потихоньку всталъ съ койки, подошелъ къ госу-
дарю и упалъ ему въ ноги.

Это былъ молодой человѣкъ съ полуу碌ыми глазами
и застывшимъ испугомъ въ лицѣ, какъ у маленькихъ дѣтей
и родимчикѣ; опущенные вѣки и раздвоенный подбородокъ
и ямочкой придавали ему сходство съ Аракчеевымъ.

— Встань, — приказалъ государь, не терпѣвшій, чтобы
занялись ему въ ноги. — Кто ты? О чемъ просишь?

— Капитонъ Алилуевъ, графа Аракчеева дворовый че-
ловѣкъ, живописецъ. Защиши, спаси, помилуй, государь
батюшка! — завопилъ онъ отчаяннымъ голосомъ; потомъ
затихъ, боязливо оглянулся на дверь, въ которую вышелъ

Аракчеевъ, и залепеталъ что-то непонятнос, подобное бреду, объ иконѣ Божіей Матери, въ подобіи великой блудницы, прескверной дѣвки, Настьки Минкиной, и о другой иконѣ самого графа Аракчеева; о бѣсахъ, которые ходятъ за нимъ, Капитономъ, мучаютъ его и не далъе, какъ въ эту ночь задерутъ его до смерти; о тайныхъ злодѣйствахъ Аракчеева. «сатаны въ образѣ человѣческомъ», котораго, однако, называлъ онъ почему-то «папашенькой».

Государь замѣтилъ, что отъ него пахнетъ водкою; какт достаютъ водку въ больницахъ, не полюбопытствовалъ только поморщился. И всѣ немнога сконфузились, какт будто пробѣжала тѣнь по золотому вѣку Сабачихъ-Горбовъ.

Вошелъ Аракчеевъ и, увидѣвъ Капитона Алилуева тоже какт будто сконфузился, но сдѣлалъ знакъ, и больного схватили, потащили въ другую палату. Отбиваясь, кричалъ онъ дикимъ голосомъ:

— Черти! Черти! Черти вѣсь всѣхъ задерутъ! И тебя папашенька!

Государю объяснили, что это пьяница въ бѣлой горячкѣ Онъ велѣль Тарасову осмотрѣть больного и оказать ему врачебную помощь.

Самъ изъ простого званія, сынъ бѣднаго сельскаго священника, Дмитрій Клементьевъ Тарасовъ зналъ и любилъ простыхъ людей. Они тоже вѣрили ему, чувствовали, что онъ свой человѣкъ, и охотно отвѣчали на его разспросы.

Оставшись въ больницѣ, по отъѣздѣ государя, узналъ онъ вещи удивительныя.

Капитонъ Алилусевъ, пріемышъ и воспитанникъ грузинскаго протоіерея, о. Федора Малиновскаго, по слухамъ несанкционный сынъ Аракчеева, взять былъ въ графскую дворню, обучался мастерству живописному, а также снимкѣ плановъ и черченію картъ у военнаго инженера Батенкова. Писалъ одновременно, по заказу Аракчеева, святых иконы въ соборѣ и испристойныя картины въ одномъ изъ павильоновъ грузинскаго парка. Былъ набоженъ, съ дѣтства со-бирався въ монахи. Кощунственные образа считалъ грѣхомъ

смертины. Совѣсть его замучила; началъ пить и допился до бѣлой горячки. Хотѣль утопиться; вытащили, высѣкли. Пуще запить и одиажды въ изступленіи бросился на икону Божіей Матери, написанную имъ, Капитономъ, съ лицомъ Настасы Минкиной, чтобы изрѣзать ее ножомъ; а когда схватили его, объявилъ, что и живую Настыку зарѣжетъ. «Высѣчь хорошенъко и показать», велѣть Аракчеевъ. Это значило: показать спину, хорошо ли высѣченъ. Палачи сжалились, облили ему спину кровью зарѣзанной курицы, какъ это иногда дѣлали въ подобныхъ случаяхъ, и этимъ спасли его отъ смерти. Но все же полумертваго послѣ экзекуціи, отправили въ госпиталь.

Узналъ Тарасовъ кое-что и о военныхъ поселеніяхъ.

Больницы прекрасныя, а всюду въ деревняхъ — горячки повальная, цыпса, кровавый поносъ, и люди мрутъ, какъ мухи; полы паркетные, но больные не смѣютъ по нимъходить, чтобы не запачкать, и прыгаютъ съ постели прямо въ окна; ученыя бабки, родильныя ванны, а беременную женщину высѣкли такъ, что она выкинула и скончалась подъ розгами; тридцать шесть правилъ для воспитанія дѣтей, а мать убила дитя свое: если, говорила, отнимаютъ дитя у матери, то пусть лучше вовсе не будетъ его на свѣтѣ.

Чистота въ домахъ изумительная, но чтобы пріучить къ ней, истребляются воза шпицрутеновъ. Мужики метутъ аллеи, а въ полѣ рожь сыплется; стригутъ деревца по мѣркѣ, а сѣно гниетъ. Печныя заслонки съ амурами, а топить нечѣмъ. Къ обѣду поросенокъ жареный, а есть нечего; однѣшалуны изъ флигель-адъютантовъ государевыхъ отрѣзали одиажды поросенку ухо въ первой избѣ и приставилъ на то же мѣсто въ пятой: пока государь переходилъ изъ дома въ домъ по улицѣ, жаркое переносилось по задворкамъ. Кабаки закрыты, а посуду съ виномъ провозятъ въ хвостахъ лошадиныхъ. Всѣ пьютъ мертвую, а кто не пить, — мѣшаются въ умѣ или руки на себя накладываетъ. Цѣлые семейства уходятъ въ болота, во мхи, чтобы тамъ заморить себя голодомъ.

«Спаси, государь, крещеный народъ отъ Аракчеева!» готовъ былъ воскликнуть Тарасовъ, слушая эти рассказы. Любилъ царя, зналъ доброе сердце его и не понималъ, какъ можетъ онъ обманываться такъ. Или правъ Капитонъ, что тутъ наважденіе бѣсовское?

А государь вѣхалъ въ Грузино съ тѣмъ чувствомъ, которое всегда испытывалъ въ этихъ мѣстахъ: какъ будто усталый путникъ возвращался на родину; вотъ гдѣ все позабыть, отъ всего отдохнуть, успокоиться. «Я у тебя, какъ у Христа за пазухой!» говоривалъ хозяину.

Было и другое чувство еще болѣе сладостное: вспоминая, «рай земной» военныхъ поселеній, вкушалъ отраду единственную, которая оставалась ему въ жизни,—будучи самому несчастнымъ, дѣлать другихъ счастливыми.

Съ этой отрадой въ душѣ уснулъ такъ спокойно въ ту ночь, какъ уже давно не спалъ.

У Аракчеева бывали бессонницы: ляжетъ, потушить свѣчу, закроетъ глаза, но вмѣсто того, чтобы заснуть, начнетъ думать о смерти и почувствуетъ тоску, сердцебиеніе, разстройство нервовъ и совершенную бессонницу.

Такой припадокъ случился съ нимъ и въ эту ночь. Долго съ боку на бокъ ворочался; принялъ миндалево-анисовыхъ капель съ пырейнымъ экстрактомъ, — не помогло. Всталъ, надѣлъ сѣрый длиннополый сюртукъ, въ родѣ шлафрока, который всегда носилъ въ Грузинѣ — щегольства не любилъ, и пошелъ бродить по комнатамъ.

Искалъ, чѣмъ бы заняться, чтобы разсѣять скуку. Пробѣрялъ висѣвшіе на стѣнахъ инвентари вещей въ каждой комнатѣ, съ предостерегающей надписью: «глазами гляди, а рукамъ воли не давай». Осматривалъ, все ли въ порядкѣ, разставлены ли вещи, какъ слѣдуетъ, не пропало ли что, нѣть ли гдѣ изъяна — паутины, грязи, пыли; мочилъ слюною платокъ, ложился на полъ, подлѣзъ подъ мебель и пробовалъ, чисто ли выметенъ полъ, не потемнѣеть ли платокъ отъ пыли. Но пыли не было. Кряхтя и охая, подымался опять на ноги и начиналъ бродить.

Уставалъ, присаживалъ, перебиралъ лежавшіе на столахъ презенты и сувениры; нашелъ стихи поэта Олина къ портрету графа Аракчеева:

Какъ русскій Цинциннатъ, въ душѣ своей спокоенъ,
Вѣнокъ гражданскій свой повѣсила онъ на плугъ.

Другъ Александра, правды другъ, .

Нелестныи патріотъ, онъ вѣчныхъ бронзъ достоенъ.

Стихи не утѣшили. Просматривалъ счетныя книги, въ которыхъ мельчайшимъ почеркомъ заносились домашніе расходы: когда сахарная голова куплена и на куски изрублена; сколько вышло бутылокъ вина, ложекъ постнаго масла въ тертую рѣдьку людямъ на ужинъ, миткалю дворовымъ дѣвкамъ на косынки, пестряди кучерамъ на рубахи. Расходы непомѣрные: этакъ и разориться не долго! Лучше не думать, а то еще больше разстроишься.

Принялся читать *винные книжки*, въ которыхъ вины и штрафы записаны: кому за какую вину сколько розогъ. Вспомнилъ у дежурного мальчика незавитые волосы; записалъ и началъ воображаемый выговоръ воображаемому дворецкому: «предписываю тебѣ строгое за онымъ смотрѣніе имѣть, а то спина твоя долго заживать не будетъ...»

Начавъ говорить, не могъ остановиться: ровнымъ, гну-
савымъ и тягучимъ голосомъ выматывалъ душу незримому слушателю:

— Люди должны дѣлать все, что нужно, а если дурно будуть дѣлать, то на оное розги есть. Миѣ очень мудрено кажется, будто людей нельзя содержать такъ, чтобы все аккуратно дѣлали...

То хныкалъ жалобно:

— Огорчилъ ты меня, старика, а всякое огорченіе меня убиваетъ и приближаетъ къ концу дней моихъ, къ чему и готовлюсь. Знаешь мой мнительный характеръ, что со мною нужно обходитья ласково...

То гнѣвно покрикивалъ:

— Въ Сибирь не сошли, а лучше самъ забью!

И повторялъ много разъ тихимъ, замирающимъ, какъ будто ласковымъ, шопотомъ:

— Высѣчъ хорошенечко! Высѣчъ хорошенечко!

Опомнился, оглянулся, увидѣлъ, что никого нѣтъ, ма-
нуль рукою безнадежно и опять пошелъ бродить; не нахо-
дилъ себѣ мѣста: такая скука, что хоть плачь; стональ
и охалъ отъ скуки, какъ отъ боли. Не зайди ли къ Настенькѣ? Нѣтъ, не хочется. Кваску бы — въ горлѣ что-то смякло? Нѣтъ, и кваску не хочется. Ничего не хочется. Скука смер-
тная, пустота зіяющая, которой ничѣмъ не наполнить. Съ ума
сойти можно. Испугался, опять принялъ капель, опять не
помогло.

Самъ не помнилъ, какъ очутился внизу, въ библіотекѣ;
тутъ же арсеналъ и застѣнокъ; кадки съ разсоломъ, въ ко-
торомъ мокнуть свѣжія розги. Попробовалъ на языкѣ одну,
солона ли, какъ слѣдуетъ.

Взглянулъ на корешки любимыхъ книгъ, на особую
полку отставленныхъ, единственныхъ, которыя читалъ: «Мо-
лодой дикій или опасное стремленіе первыхъ страстей». —
«Дикій человѣкъ, смѣющійся учености и нравамъ нынѣш-
няго свѣта». — «Нѣжныя объятья въ бракѣ и потѣхи съ лю-
бовницами». — «Великопостный конфектъ». — «Путь къ
бессмертному сожитію ангеловъ». — «Египетскій оракулъ,
или полный и новѣйший гадательный способъ». — «Опытъ
употребленія времени и самого себя».

Попробовалъ читать «Опытъ». Нѣтъ, скучно, да и темно.
Заглянулъ въ рисунки шлагбаумовъ и будокъ; на минуту
заняло; но сдѣлалось душно, запахло отъ книгъ мышами
и сыростью, отъ моченыхъ розогъ — баннымъ вѣникомъ. За-
хотѣлось на свѣжій воздухъ: не полегчаетъ ли хоть тамъ?

Надѣль вязаный шарфъ и кожаные калоши; носиль
ихъ даже въ сухую погоду: неровенъ часъ, дождикъ пойдетъ,
ноги промочишь, простудишься, горячку схватишь, — много
ли человѣку надо?

Проходя въ передней мимо зеркала, увидѣлъ нечаянно
лицо свое, — испугался еще больше: худъ, блѣденъ, зелень —
«шкелетъ шкелетомъ». Отвернулся и плунулъ съ досадою.

Вышелъ въ садъ. Бѣлая, жаркая, душная ночь. Ти-
шина — только комары жужжатъ да лягушки квакаютъ.

Сърая, въ сѣромъ свѣтѣ, зелень, какъ пепель. Туманъ, какъ банный паръ. Березовымъ вѣнкомъ пахнетъ и здѣсь, какъ моченою розгою. Дышать нечѣмъ. И нельзя понять, есть ли тучи на небѣ, — такое оно ровное, бѣлое, пустое: кажется, и тамъ, въ небѣ, какъ въ немъ, пустота зіяющая, скуча бездонная.

Осмотривалъ дорожки, чисто ли выметены. Чистоты въ саду требовалъ такой же, какъ въ комнатахъ: кто бы ни прошелъ по аллѣѣ, — дежурный садовникъ заметалъ слѣдъ метлою.

Множество памятниковъ, надгробныхъ плить: «Милой Діанкѣ», «Вѣрному Жучку», «Сынъ въ память родителямъ». Похоже на кладбище, и самъ онъ, какъ могильный выходецъ: можетъ-быть умеръ давно, встаетъ изъ гроба, ходить по кладбищу и будетъ ходить такъ до скончанія вѣка.

Вернулся къ дому. На крыльцѣ у бокового флигеля кто-то сидѣлъ. Мѣсто глухое; тутъ и днемъ рѣдко ходятъ: слѣва — дремучіе кусты акаціи, справа — стѣна нежилого флигеля. Кто это? Сѣрий, страшный, похожій на призракъ. Капитонъ Алилуевъ, сумасшедшій. Въ сѣромъ больничномъ халатѣ и бѣломъ колпакѣ, сидить на завалинкѣ, высматриваетъ, какъ будто ждетъ кого-то. Ужъ не его ли? «Зарѣжетъ», подумалъ Аракчеевъ и хотѣлъ шмыгнуть въ кусты, но было поздно: тотъ увидѣлъ его и закивалъ головою, поманилъ пальцемъ. Безъ голоса, только по движенію губъ, видно было, шепчетъ:

— Папашенька! Папашенька!

И тихо смеется.

За угломъ флигеля парадное крыльцо; тамъ часовые подъ окнами спальни государевой. Закричать бы, да голоса нѣть; побѣжать бы, да ноги не слушаютъ. А тотъ все манитъ да манитъ, какъ будто знаетъ, что онъ отъ него не уйдетъ. И вдругъ потянуло къ нему Аракчеева. Подошелъ, опустился рядомъ на завалинку. Капитонъ молча глядѣлъ на него, смеясь, кивалъ головою,—и на бѣломъ колпакѣ качалась кисточка.

— Что ты, что ты здѣсь, Капитона, дѣлаешь, а? — произнесъ Аракчеевъ осторожно, хитро и ласково.

— Государя жду, — подмигнулъ ему сумасшедшій съ такимъ лукавствомъ, что видно было, перехитрить его не такъ-то легко.

— А зачѣмъ тебѣ государь?

— Доносъ имѣю.

— На кого?

— На васъ, папашенька!

— А какъ ты сюда изъ больницы пришелъ?

— Черти принесли; все черти носятъ, а скоро и совсѣмъ унесутъ, задерутъ до смерти.

— Охъ, Капитоша, миленькій, не говори лучше о нихъ на ночь, не накликай!

— Чего накликать? И такъ всегда съ вами. Виши, ихъ сколько! Бѣсь Колотунъ на плечѣ, бѣсь Щекотунъ на пупѣ, бѣсь Болтунъ на языкѣ, — три большихъ, а десять маленькихъ, Свербѣй Свербѣичей, на каждомъ пальчикѣ...

Аракчеевъ хотѣлъ перекреститься, но рука не поднялась.

— А за что же они тебя задерутъ, Капитошенька?

— За иконы бѣсовскія: дѣвки поганой Настыки во образѣ Владычицы да Аракчеева изверга во образѣ Спасителя. Только вы не думайте, папашенька: не меня одного—и васъ. Вмѣстѣ на судъ предстанемъ!

Опять помолчали, глядя другъ на друга такъ, что казалось, уже не одинъ, а два сумасшедшихъ.

— За что же ты на меня государю жаловаться хочешь?

— Будто не знаете? За кровь неповинную! За утопленныхъ, удавленныхъ, разстрѣлянныхъ, запоротыхъ, за дѣтей, за женъ, за стариковъ, за весь народъ православный, за всю Россію! И за самого государя! И за мою, за мою кровь!..

Послышался стукъ барабана, бившаго зорю вдали, на гауптвахтѣ, и вблизи, по дорогѣ, шаги часовыхъ.

— Карапулъ! — хотѣлъ крикнуть Аракчеевъ, но крикъ его былъ слабымъ шепотомъ.

Въ послѣдній разъ погрозилъ ему сумасшедшій кулакомъ и вдругъ пустился бѣжать, — замелькали только полы сѣраго халата въ сѣромъ сумракѣ.

— Карапуль! — закричал Аракчеевъ уже во весь голосъ. — Лови! Лови! Лови!

Прибѣжали часовые; долго не могли понять, что случилось. Наконецъ растолковалъ онъ кое-какъ. Начали искать; обыскали, обшарили все и никого не нашли. Алилуевъ исчезъ; какъ будто сквозь землю провалился или, въ самомъ дѣлѣ, черти его унесли.

Вернувшись домой, Аракчеевъ вошелъ въ спальню, легъ не раздѣваясь и погрузился не то въ сонъ, не то въ обморокъ.

Всталъ поутру больной, разбитый; но никому не говорилъ о томъ, что было ночью, — должно-быть, стыдился.

Послѣ утренняго чая повелъ государя въ садъ показывать новыя затѣи — цвѣтники, дорожки, бесѣдки.

Увидѣвъ кошку, подозвалъ дежурнаго мальчика-садовника: велѣно кошечкѣ въ саду ловить и вѣшать, чтобы соловьевъ не пугали; Аракчеевъ былъ такъ чувствителенъ къ соловыиному пѣнію, что иногда, слушая, плакалъ. Въ другое время высѣкъ бы мальчика, но при гостяхъ совѣстно; только взялъ его за ухо, ушипнулъ и спросилъ:

— Кошечка?

— Виноватъ, ваше сіятельство!

— А знаешь, какая разница между трутомъ и мальчикомъ?

— Не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, дусенька: трутъ прежде высѣкнуть, а потомъ положать, а мальчика сперва положать, а потомъ высѣкнуть. Помни!

Спустились къ пруду, сѣли въ лодку и переправились на островокъ съ бесѣдкою-храмомъ, посвященнымъ памяти генераль-отъ-артиллеріи Мелессино, у которого графъ началъ свою карьеру. Въ бесѣдкѣ находились непристойныя картины, писанныя Капитономъ Алилуевымъ, скрыты подъ зеркалами, которые открывались на потайныхъ пружинахъ.

Хозяинъ, первый, вошелъ посмотреть, все ли въ порядкѣ.

— Онъ! Онъ! Онъ! Не входите! Зарѣжетъ! — закричалъ онъ, выбѣгая, въ ужасѣ и повалился на руки государю, ючи безъ памяти.

Гости бросились въ бесѣдку. Въ ней было темно отъ высокихъ деревьевъ, заслонявшихъ окна. Въ самомъ темномъ углу, между двухъ зеркалъ, стоялъ кто-то; не видно было, что онъ тамъ дѣлаетъ.

Дибичъ подошелъ, увидѣлъ посинѣвшее лицо, выпущеные глаза и высунутый языкъ; протянулъ руку, дотронулся и тотчасъ отдернулъ ее; стоявшій качнулся, какъ будто хотѣлъ на него упасть.

— Удавился кто-то, — сказалъ Дибичъ.

— Выньте же изъ петли скорѣе! — велѣлъ государь входя въ бесѣдку. — Осмотрѣ-ка, Тарасовъ, нельзя ли въ чувство привести.

Самоубійцу сняли съ петли, — онъ висѣлъ такъ низко что согнутыя ноги почти касались пола, — и положили на полъ. Государь наклонился и узналъ Капитона Алилуева

— Умеръ?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Тарасовъ должно-быть, еще въ ночь повѣсился.

— Что это? — указалъ государь на бумагу, которую сжималъ мертвѣцъ въ окоченѣвшей рукѣ такъ крѣпко, что Тарасовъ едва могъ вынуть ее, не разорвавъ. Запечатанный конвертъ съ надписью: «его императорскому величеству, секретно»

Тарасовъ подалъ письмо государю. Тотъ хотѣлъ передать Клейнмихелю, но подумалъ и сунулъ за обшлагъ рукава

Аракчеевъ не входилъ въ бесѣдку; сидя на крыльцаѣ стоналъ, охалъ и пилъ воду изъ ковшика, который подавали ему солдаты-гребцы. Почти на рукахъ снесли его въ лодку и отвели домой подъ руки. Отъ испуга сдѣлалось у него сильнѣйшее разстройство желудка. Государь встревожился но Тарасовъ успокаивалъ его, что болѣзнь пустячная, велѣлъ пить ромашку и поставить промывательное. Государь весь день не отходилъ отъ больного, ухаживалъ за нимъ, заваривалъ ромашку и собственными руками готовъ былъ ставить клистиръ.

Ночью, оставшись одинъ, распечаталъ письмо Алилуева но, увидѣвъ доносъ на Аракчеева, не сталъ читать, только заглянулъ въ начало и конецъ.

«Ваше императорское величество, государь всемилостивейший! Единая мысль о военных поселеняхъ наполняетъ всякую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ»...

А въ концѣ:

«Военные поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное злобастье выдумать могло»...

«Нѣть, это не онъ писалъ, куда ему, пьяницѣ, — подумалъ государь: — кто-нибудь сочинилъ для него. Ужъ не изъ нихъ ли кто?»

Они всегда и вездѣ были члены Тайного Общества.

Взялъ свѣчу, зажегъ бумагу и бросилъ въ каминъ.

Спалъ такъ же спокойно, какъ въ прошлую ночь.

На слѣдующій день назначень былъ отъѣздъ государя. Аракчееву сразу полегчало, когда доложили ему, что мертвое тѣло Алилуева, зашитое въ мѣшокъ съ камнемъ, брошено въ Волховъ. Перекрестился и началъ играть съ Клейнмихелемъ въ бостонъ по грошу: значитъ, выздоровѣлъ.

Въ центрѣ Грузинской вотчины, въ деревнѣ Любуни, на пригоркѣ, стояла башня, наподобіе каланчи пожарной. Отсюда видно было все, какъ на ладони. На верхушкѣ башни — золотое яблоко, сверкавшее, какъ огонь маяка, и Эолова арфа съ натянутыми струнами, издававшими подъ вѣтромъ жалобный звукъ. Поселяне, проходя мимо подъ вечеръ, шептали въ страхѣ:

— Съ нами сила крестная!

На башню эту пригласилъ хозяинъ гостей своихъ въ день отъѣзда, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Грузинскимъ.

Поднялись на вышку, уставили подзорную трубку и начали обозрѣвать съ высоты птичьего полета селенья: Хотитово, Модню, Мотылье, Катовицу, Выю, Графскую слободку. Не сельскій видъ, а геометрическій чертежъ: правильно, какъ по линейкѣ и циркулю, расположенные поля, луга, сѣнокосы, пашни, — каждый участокъ за номеромъ; прямые шоссе, прямые канавы, прямые просѣки и уходящія въ даль безконечными прямymi линіями сажени

дровъ — каждая сажень тоже за номеромъ. Тамъ, гдѣ росли когда-то сосны мачтовыя, теперь и трава не растетъ, все вырублено, выравнено, вычищено, какъ будто надо всѣмъ пронесся вихрь опустошающій. На лицѣ земли — неземная скуча, такая же какъ на лицѣ Аракчеева.

Вспомнился Тарасову слышанный въ больницѣ разсказъ о томъ, какъ производится военная нивелировка мѣстности: солдаты сносятъ цѣлые селенья, разрушаютъ церкви, срываютъ кладбища и воющихъ старухъ стаскиваютъ съ могиль замертво, а старики шепчутъ другу другу на ухо: «свѣто-преставленіе, антихристъ пришелъ!»

Но, кромѣ Тарасова, всѣ восхищались, а государь больше всѣхъ. Онъ готовъ былъ вѣрить въ давнюю мечту свою — распространить на всю Россію военные поселенія: одинаковыя повсюду деревни-казармы, одинаковые розовые домики, бѣлые тумбочки, зеленые мостики; прямые аллеи, прямые канавы, прямые просѣки; и вездѣ мужики въ мундирахъ, за сохой марширующіе; вездѣ къ обѣду поросенокъ жареный; на заслонкахъ амуры чугунные, ватерь-клозеты «истинно-царскіе». Никакихъ революцій, никакихъ Тайныхъ Обществъ. Рай земной, Царствіе Божіе, Грядущій Сіонъ. По Писанію: всякий доль да наполнится, всякая гора и холмъ да понизятся; кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими.

— Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ, — сказалъ государь, обнимая Аракчеева, — благодарю тебя за всѣ твои труды.

— Радъ стараться, ваше величество! Все для васъ, все для васъ, батюшка, — всхлипнулъ Аракчеевъ и упалъ на грудь государя. — Повелѣть извольте — и всю Россію военнымъ поселеніемъ сдѣляемъ...

А на Эоловой арфѣ струны гудѣли жалобно и, казалось, плачетъ въ нихъ душа Капитона Алилуева вмѣстѣ съ душами всѣхъ замученныхъ:

— Антихристъ пришелъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Записки князя Валерьяна Михайловича Голицына.

1824 года, генваря 1. «Государи Россійскіе суть главою церкви». Изреченіе сіе находится въ актѣ о престолонаследіи, читанномъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, при восшествіи на престолъ императора Павла Перваго. Разговоръ о томъ съ Чаадаевымъ весьма примѣчательный. Поставленіе царя земного главою церкви на мѣсто Христа, Царя Небеснаго, не только есть кощунство крайнєе, но и совершенное отъ Христа отпаденіе, пріобщеніе же къ иному, о коемъ сказано: «иной пріидетъ во имя свое: его примете».

1824 года, іюля 2. Болѣе года, какъ записки сіи въ Парижъ начаты и оставлены. Тотъ разговоръ съ Чаадаевымъ послѣдній. Пріѣхавши въ Россію, не до записокъ было.

Теперь опять пишу на досугѣ; болѣзнь досужимъ дѣлаетъ. Боленъ, а чѣмъ — не знаю. Полковой штабъ-лѣкарь Коссовичъ, старичокъ добренъкій, сущая божья коровка, который пользуетъ меня, говоритъ надвое: то ли меланхолія отъ разстройства печени, то ли скрытая горячка нервическая.

— Вамъ, — говоритъ, — надобно пьявки поставить.

— Ну что жъ, — говорю, — ставьте, будуть пьявки на пьявку...

Испугался онъ, думаетъ, брежу.

— Какъ это, — говоритъ, — пьявки на пьявку?

— Да вы же, докторъ, сами говорили давеча, что люди, одно худое во всемъ видящіе, цырюльничимъ пьявкамъ

подобны, сосущимъ кровь негодную. Въ этомъ и болѣзнь моя. Помогите, если можете..

— Нѣть, — говоритъ, — лѣкарства наши отъ этого не пользуютъ: тутъ иное потребно лѣченіе, духовное.

— Философія, что ли?

— Зачѣмъ философія? Свѣтильникъ оной въ бурѣ бѣдствій человѣческихъ озаряетъ менѣе, чѣмъ одна малая лампада передъ образомъ Дѣвы Святой...

— Благодарю покорно, съ меня и дядюшкиныхъ лампадокъ довольно: нынче постное масло дешево. Лучше ужъ пьявки!

Разсмѣялся я; преглупый и прегадкій смѣхъ, а не могу удержаться: иной разъ плакать хочу, а смѣюсь.

А старичокъ мой разсердился и сдѣлался похожъ на сердитую божью коровку. Тоже вѣдь мистикъ, тоже членъ Тайного Общества (не мы одни на свѣтѣ), Филадельфійской церкви госпожи статской совѣтницы Татариновой.

Іюля 3. Третья недѣля съ кончны Софы. Если бы я плакать могъ, — и пьявокъ не надо бы, да вотъ не могу.

Софына няня, Василиса Прокофьевна, на панихидахъ все чашку съ водою на подоконникъ ставила: «чтобъ душенькѣ омыться было въ чемъ», — говорила съ такоюувѣренностью, какъ бы живой умыться давала. А для насъ, дряхлаго дѣдушки Вольтера дряхлыхъ внучковъ, «мнѣнія о безсмертіи души — не безъ нѣкотораго мрака», какъ родной мой дѣдушка, вольтерьянинъ, сказывалъ. «Увидимся, если не сшалимъ», — онъ же говоривалъ: сшалить, значитъ умереть. А мы, дѣдушкины внучки, и сшалить не умѣемъ какъ слѣдуетъ.

Не даромъ, видно, Софья остерегала, что оный поганый смѣшокъ и уменя къ старости будетъ. А, чай, и теперь уже есть?

Не въ Примудрую Благость, которая надъ міромъ царствуетъ, по Шеллингу, а въ Обезьяну, по Гольбаховой системѣ, вѣруемъ. «Представь себѣ судьбу въ видѣ огромной обезьяны. Кто ее посадитъ на цѣпь? Ни ты, ни я. Значитъ, дѣлать нечего и говорить нечего», писалъ Пушкинъ Вяземскому, когда у того ребенокъ умеръ. Дѣлать нечего и плакать нечего. А

мъяться можно; видѣть во всемъ дурное, смѣшное и наливаться, какъ пьявка, черною кровью.

Сумасшедшіе сами съ собой разговариваютъ: кажется, записки сіи — такой разговоръ сумасшедшаго.

Юля 4. Письмо отъ тетушки; въ деревню зоветъ. Нѣтъ, не юѣду. Миѣ и здѣсь хорошо, въ пустой квартирѣ, въ старомъ Зауеровомъ домѣ, у Прачешнаго моста. Окна мѣломъ замазаны; зеркала и мѣбли въ чехлахъ; пустыя комнаты, по которымъ ходить можно взадъ¹ и впередъ, а когда устанешь — о Кульминской битвѣ реляціи читать на пожелтѣвшемъ листкѣ Сенатскихъ Вѣдомостей, — ваза въ нихъ, на столикѣ въ углу, завернута; или, на диванѣ лежа, уткнуться носомъ въ заплатку старого чехла: столько, глядючи на нее, передумано, что заплатка сія будетъ мнѣ памятна. А если жарко, — окно открыть; тогда изъ Фонтанки тухлою рыбюю пахнетъ, дегтемъ съ торцовой мостовой, которую чинятъ, и сосновыми дровами, что барочники возятъ въ тачкахъ по узенькимъ доскамъ на набережной. А иногда вдругъ изъ Лѣтняго сада повѣтъ иедовою свѣжестью липъ, и старые липы покровскія вспомнятся, у пруда, за теплицами, гдѣ читали мы съ Софьей Людмилу Жуковскаго.

Конченъ, конченъ путь, Людмила!
Намъ постель — темна могила,
Завѣсь — саванъ гробовой.
Сладко спать въ землѣ сырой...

Сладко спать — если бы только не страшные сны. Все Алька мартышка снится, въ видѣ той Обезьяны, о которой писалъ Пушкинъ Вяземскому; на лицо мнѣ мохнатою шерстью навалится, душитъ; а тутъ же гдѣ-то, точно комарикъ, жужжитъ мнѣ на ухо мой милый Саша, мой тихій мальчикъ: «Премудрая Благость надъ міромъ царствуетъ».

И я смѣюсь, я и во снѣ смѣюсь; кажется, и умирать буду съ этими поганымъ смѣхомъ.

Юля 8. Сочинитель Грибоѣдовъ живеть у Одоевскаго. Они — друзья. А я не люблю Грибоѣдова. Иные — но-

жомъ, иные — пулей, иные — петлей, а онъ смѣхомъ себя убиваетъ.

Я, говорять, на него похожъ. Не дай Богъ! Неужели и у меня такой же смѣхъ, — точно мертвяя кости изъ мѣшка сыплются?

Намедни читалъ онъ *Горе отъ ума* въ большомъ обществѣ. Сѣлъ за столъ, положилъ рукопись. А Василій Михайловичъ Федоровъ, старичокъ простенькій, плохой сочинитель плохой драмы *Лиза или слѣдствіе обольщенія и гордости*, подошелъ, взялъ рукопись и взвѣсилъ ее на рукѣ.

— Ого, — говоритъ, — тяжеленька: стоитъ моей *Лизы*!

Грибоѣдовъ поглядѣлъ на него изъ-подъ очковъ и проѣдилъ сквозь зубы.

— Я не пишу пошлостей.

Федоровъ сконфузился.

— Никто въ этомъ не сомнѣвается, Александръ Сергеевичъ. Я не только не хотѣлъ васъ обидѣть сравненіемъ со мной, но, право, готовъ первый смѣяться...

— Вы надъ собой смѣяться можете, а я никому не повзолю.

— Ну, право же, я вовсе не думалъ...

— О, я увѣренъ, что вы сказали не подумавши!

Хозяинъ видѣлъ, что дѣло плохо; подошелъ къ Федорову и взялъ его за плечи.

— А вотъ мы въ наказаніе Василія Михайловича въ задній рядъ кресель посадимъ.

— Сажайте, куда угодно, но я при немъ читать не буду,— объявилъ Грибоѣдовъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ, куря сигарку.

Федоровъ краснѣ блѣднѣлъ, чуть не плакалъ, бѣдненький; наконецъ взялъ шляпу.

— Очень жалѣю, Александръ Сергеевичъ, что невинная шутка моя была причиной такой непріятности, но чтобы не лишать хозяина и гостей удовольствія слышать вашу комедію, я ухожу.

Одоевскій говоритъ: «узнать Грибоѣдова, значитъ полюбить». Можетъ-быть, я не люблю его, потому что себя не люблю, боюсь его какъ двойника своего.

Іюлл 9. У Одоевского завтракалъ. Голова разболѣлась. Хозяинъ уложилъ меня въ своей кабинетъ, опустилъ шторы и обвязалъ мнѣ голову полотенцемъ съ уксусомъ. Задремалъ я. Проснулся отъ разговора въ соседней комнатѣ.

— Сочинитель Фамусова и Скалезуба, слѣдовательно, веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! Да мнѣ вовсе не весело, скучно, несносно, отвратительно. Завиваюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ. А время летить; въ душѣ горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли. Отчего же я нѣмъ, нѣмъ какъ гробъ? Гожусь ли я на что-нибудь, умѣю ли писать,—право, для меня все еще загадка. Душа черствѣеть, разсудокъ затмевается; впереди темно, тоска неизвѣстная... Воля твоя, если это еще долго меня промучить, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ, — пусть оно останется добродѣтелью тяглого скота... Саша, Саша, голубчикъ, ну, помоги, ради Христа, скажи, что мнѣ дѣлать, чѣмъ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди...

«Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!» вспомнилось мнѣ словцо секунданта Каверина надъ убитымъ Шереметевымъ.

Жутко стало, какъ будто подслушалъ я двойника своего, который мнѣ же обо мнѣ рассказывалъ.

Одоевскій утѣшалъ Грибоѣдова, но тотъ, уже не слушая, сѣлъ за клавесинъ и началъ играть. Играли долго. Такъ цѣлыми часами можетъ импровизировать забывъ обо всемъ. Кажется иногда, что настоящее призваніе его не литература, а музыка.

Я опять задремалъ и не слышалъ, какъ собрались наши. Говорили, должно-быть, о дѣлахъ Тайного Общества. Проснулся отъ того, что музыка умолкла, и мертвые кости изъ мѣшка посыпались: Грибоѣдовъ смѣялся.

- Ну, полно, господа, вздоръ молоть!
- Почему вздоръ?
- Сто человѣкъ прaporщиковъ хотятъ въ Россії сдѣлать революцію!
- Не сто человѣкъ, а весь народъ...
- Ну, народъ лучше оставьте.

Я вошелъ въ комнату. Грибоѣдовъ сжалъ свои тонкія губы, посмотрѣлъ изъ-подъ очковъ и прибавилъ уже безъ смѣха, съ неизъяснимою горечью:

— Народу до нась дѣла нѣть. Онъ разозненъ съ нами навѣки. Господа и крестьяне въ Россіи — двухъ разныхъ племенъ. И какимъ чернымъ волшебствомъ это сдѣлалось, что мы чужие между своими? Изверги, шуты гороховые, хуже, чѣмъ нѣмцы. Петрушкины дѣти...

— Какой Петрушка?

— Да онъ же, любимчикъ вашъ, Петръ Великій, чтобы ему...

Выругался, засмѣялся опять и забренчалъ однимъ пальцемъ по клавишамъ рыльевскую пѣсенку:

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ тринъ-трава,
Братцы?

— Ну, право же, господа, поѣдемте-ка лучше въ Шустерь-клубъ. Сколько тамъ портеру и какъ дешево! Зададимъ триккену и къ чорту политику!

Идучи домой съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, напомнилъ я ему, какъ намедни Грибоѣдовъ звалъ нась въ церковь: «въ храмахъ Божихъ,—говорить,—собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Мы — русскіе только въ церкви».

Пущинъ задумался.

— Что жъ, — говорить, — а вѣдь это, пожалуй, и правда?

— Какая правда? Вы-то сами, — говорю, — въ церковь ходите?

— Хожу.

— И за царя молитесь?

— Нѣтъ; да вѣдь это не главное.

— Какъ же не главное, когда царь — глава церкви?

— Не царь, а Христосъ.

— У кого Христосъ, а у нась царь.

— Почему у нась?

— А потому, что государи россійскіе суть главою церкви.

— Вы это откуда?
Я сказалъ, откуда. Удивился онъ.
— Чудно. Какъ же этого никто не знаетъ?
— Да, — говорю, — самодержавіе свергаемъ, а на чёмъ оно стоитъ, не знаемъ.

Помолчали.

— Такъ-то, — говорю, — Иванъ Ивановичъ. Ужъ лучшс въ Шустерь-клубъ, чѣмъ въ церковь. А то вѣдь—кощунство: что для народа — святыня, то для нась — трынъ-трава, по рылѣевской пѣсенкѣ...

— Или сухая курица, — усмѣхнулся Пущинъ.

— Какъ это, — говорю, — сухая курица?

— А въ Москвѣ, — объясняетъ, — такой человѣкъ былъ: нарочно єздилъ въ Кіевъ, чтобы отвѣдать моши, и на вопросъ, какого онѣ вкуса, отвѣчалъ: «точно сухая курица, — ни соха, ни вкуса»...

Я не понялъ было, а потомъ разсмѣялся такъ, что задохся, а Пущинъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вотъ именно, святая моши, какъ сухую курицу, жуемъ!

Июля 11. Булгаринъ и Гречъ — издатели подлѣйшихъ «Литературныхъ Листковъ». Объ этой парочкѣ въ «Сумасшедшемъ дому» Воеикова:

Тутъ кто? Гречева собака
Забѣжала вѣстѣ съ нимъ:
То Булгаринъ забіяка
Съ рыломъ мосичью свою.

Собаки — оба, Гречъ и Булгаринъ: гадять при всѣхъ и глядятъ на всѣхъ невинными глазами.

— Правда, что Гречъ служить въ тайной полиції? — спросилъ намедни Рылѣевъ.

— Вздоръ! Онъ предлагалъ себѧ, да его не взяли, — отвѣтилъ Булгаринъ.

А подвыпивъ, началъ обнимать и цѣловать Гречу.

— Гречикъ мой, Гречишечка моя, я вѣдь понимаю, что ты, какъ вѣрноподданный, обязанъ доносить обо всемъ; но

мнѣ, старому другу, признайся, чтобы я могъ принять свои мѣры...

— Когда будетъ революція, мы тебѣ, Булгаринъ, на твоихъ «Литературныхъ Листкахъ» отрубимъ голову! — пугаетъ его Рыльевъ.

— Помилуйте, господа, за что же? «Вѣдь я либераль, не хуже васъ. Отецъ мой — республиканецъ, по прозванію, Шальной, сосланъ въ Сибирь за польское возстаніе, а я ѡаддеемъ названъ въ честь Костюшки...

— И все-то ты врешь, ѡаддей!

— Клянусь же сѣдинами матери!

— А вчера говорилъ, что мать твоя умерла?

— Ну, все равно, тѣнью матери!

Грибоѣдовъ называетъ Булгарина своимъ Калибаномъ и ласкаетъ его съ нѣжностью.

— Я вѣдь знаю, душа моя, что ты каналья, но люблю тебя за то, что ты умница.

Помираетъ со смѣху, когда «великій сочинитель» разсказываетъ, какъ онъ спасъ Наполеона при переправѣ черезъ Березину.

Намедни у Булгарина за ужиномъ, нагрузившись Клико подъ звѣдочкой, пѣли мы сначала похабныя, а потомъ революціонныя пѣсни. Квартира въ нижнемъ этажѣ, на Офицерской, недалеко отъ сѣзжей. Булгаринъ то и дѣло выбѣгалъ въсосѣднюю комнату посмотретьъ, не взобрался ли на балконъ квартальный подслушивать.

— Я не трусъ, коханые, я доказалъ это подъ Лейпцигомъ, гдѣ раненъ былъ...

— Куда?

— Въ грудь.

— А не въ задъ?

— Нѣтъ, въ грудь, клянусь сѣдинами матери! Я не трусъ, а только двухъ вещей на свѣтѣ боюсь: синей куртки жандармской да тантиной красной юбки...

«Танта», не то теща, не то женина тетка, старая сводня, бѣть его такъ, что синія очки приходится ему частенько носить на подбитыхъ глазахъ.

Съ этими двумя негодяями у насъ такая дружба, что одой не разольешь. Одного не хватаетъ, чтобы и они вступили въ Тайное Общество.

И какъ только втерлись къ намъ? И за что мы ихъ полюсли? Пущинъ говорить, что это особое русское свойство — любовь къ свинству.

Когда одинъ пріятель мой сходилъ съ ума, то все казалось ту, что дурно пахнетъ; такъ и мнѣ кажется все, что пахетъ Булгаринымъ.

Сорокъ тысячъ Булгариныхъ не разубѣдятъ меня въ томъ, то есть у насъ правда; но мы унижаемъ ее, себя унижая.

Грибоѣдовъ, въ дни юности, служа въ гусарахъ въ Брестъ-штадскомъ, забрался однажды въ іезуитскій костель на кры. Собрались монахи, началась обѣдня. Онъ сѣлъ къ органу, — ноты были раскрыты, — заигралъ; игралъ чудесно. Вдругъ смолкли священные звуки и съ хоровъ зазвучала камаринская.

Какъ бы и намъ, начавъ обѣдней, не кончить камаринской?

Шли на кровь, а попали въ грязь.

Іюля 12. А изъ грязи — опять въ кровь.

Вчера собраніе у Пущина. Рыльевъ представлялъ намъ юнштадскихъ моряковъ, молоденькихъ лейтенантовъ и чмановъ. У нихъ образовалось, будто бы, свое Тайное Общество, независимо отъ нашего.

Сущіе ребята, птенцы желторотые; всѣ на одно лицо — Ісенька, Коленька, Петенька, Митенька.

— Какъ легко, — говорить Митенька, — произвести въ Россіи революцію: стоитъ только разослать печатные указы Сената...

— Ежели, — говоритъ Коленька, — взять большую книгу съ токою печатью, написать на ней крупными буквами: Законъ, пронести по полкамъ, то сдѣлать можно все, что угодно...

— Не надо и книги, — говоритъ Петенька, — а съ баранымъ боемъ пройти отъ полка къ полку — и все полетить въ чорту!

По низложениі государя предлагали объявить наследникомъ малолѣтняго великаго князя Александра Николаевича съ учрежденiemъ регенціи; или поднести корону императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, — она-де, по извѣстнѣ добротѣ своей, согласится на республику; или же, наконецъ основать на Кавказѣ отдельное государство съ новой динстіей Ермоловыхъ, а потомъ завоевать Россію. Но главно не теряя времени, завести тайную типографію въ лѣсахъ фабрику фальшивыхъ ассигнацій.

Я уже хотѣлъ уйти, вспомнивъ изреченіе графа Потоцкаго когда предлагали ему удить рыбу: «предпочитаю скучать по-иному». Но Рыльевъ оживилъ собраніе, произнеся рѣчу о цареубийствѣ.

— Стыдно, — говорить, — чтобы пятьдесятъ миллионовъ страдали отъ одного человѣка и несли ярмо его...

— Вѣрно! Вѣрно! — закричали въ одинъ голосъ Кленъка, Петенька, Васенька, Митенька. — Мы всѣ таидумаемъ, всѣ пылаемъ рвениемъ! Надобно истребить зло быть свободными!

— Купить свободу кровью!

— Послѣднюю каплю крови съ веселымъ духомъ проли за отчество!

— Какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабі обречь себя на смерть!

— Господа, я за себя отвѣчаю, — выскоchилъ вдругъ самый молоденький мальчикъ; голубые глазки, какъ василькъ румяныя щечки съ пушкомъ, какъ два спѣлые персик одѣтъ съ иголочки; — видно, маменькинъ сынокъ. — Я готовъ бытъ *рэжисидомъ*, но хладнокровнымъ убійцею бытъ могу, потому что имѣю добroe сердце: возьму два пистолета изъ одного выстрѣлю въ него, а изъ другого — въ себя: э будетъ не убійство, а поединокъ на смерть обоихъ...

А другой, постарше, точно веселую игру объяснялъ такой улыбкой, которой, сто лѣтъ проживу, не забуду

— Нѣтъ, — говоритъ, — ничего легче, какъ убить государя во дворцѣ на выходѣ: сдѣлать въ рукояткѣ шпа пистолетикъ маленький и, нагнувъ шагу, выстрѣлить.

Взяль карандашикъ, бумажку и нарисовалъ рукоятку шпаги съ отверстиемъ, въ которое вкладывается пистолетикъ (грушечный, наподобие тѣхъ, что дѣтятъ на елку дарять).

— Пулька тоже маленькая, но можно хорошенько приѣлиться, прямо въ глазъ, либо въ високъ; а то сильныиъ домъ отравить пульку, — тогда и царапины довольно, тобы ранить на смерть.

И опять заговорили всѣ вмѣстѣ: убить одного государя (ало, — надо всѣхъ).

— Всѣхъ изгубить, не щадя ни пола, ни возраста!

— Уничтожить всѣхъ безъ остатка!

— И самый прахъ развѣять по вѣтру!

— Славные ребята! — началъ хвастать Рылѣевъ, когда ни ушли. — Вотъ бы изъ кого составить *обреченную короту*...

— Задравъ рубашонки, розгой бы ихъ, какъ слѣдуетъ! — роворчалъ Каховскій: — молоко на губахъ не обсохло, а же о крови мечтаютъ...

— А вы что думаете, князь? — спросилъ меня Рылѣевъ.

— Знаете, — говорю, — какъ называется то, что мы Ѳлаемъ?

— Какъ?

— Раствѣніе дѣтей.

Онъ, кажется, не понялъ; по уходѣ моемъ, спрашивалъ сѣхъ, за что я на него сердитъ.

Да, растворѣніе дѣтей. Убивать гнусно, а говорить объ бѣйствѣ, зная, что не убьешь, еще гнуснѣе.

Убить государя ничего не стоитъ: въ Царскомъ Селѣ, на азводахъ, на выходахъ, на улицѣ — всегда одинъ, безъ араула; пожалуй, и вправду, изъ игрушечнаго пистолетика бить можно, а вотъ не убьемъ: «рука не подымется, сердце ткажеть».

Трусы, что ли? Нѣтъ, не трусы. Въ полку у насъ былъ рабрый капитанъ: подъ картечью и ядрами — какъ за шахматной партіей, а въ спальнѣ полотенце убиралъ на ночь, тобы мертвца не увидѣть. Такъ вотъ и мы съ цaremъ: не заезжъ, полотенце или привидѣніе?

И Софьинъ страшный сонъ вспоминается мнѣ, какъ бросился я съ ножомъ убить мертваго. И лицо *его*, надъ гробомъ я, — живое, но мертвѣе мертваго.

Выйти изъ Общества — подло, а оставаться въ немъ с такими мыслями — еще подлѣе. Я не хочу святыя мои какъ сухую курицу жевать; не хочу растлѣвать дѣтей не хочу обѣдню съ камаринской, кровь съ грязью смѣшиватъ.

Июля 13. Объявилъ Рылѣеву, что выхожу изъ Общества. Онъ хотѣлъ все обратить въ щутку, а когда увидѣлъ, что шутить не намѣренъ, — вспылилъ, объясненія потребовалъ: наговорилъ дерзостей. Я уже, было, надѣялся, что кончится вызовомъ, но вмѣшался Пущинъ и уладилъ все. Да и самъ Рылѣевъ какъ-то вдругъ затихъ, присмирѣлъ, замолчалъ отошелъ отъ меня, опечаленный, точно пришибленный.

Мнѣ жаль его: видитъ, что дѣла идутъ скверно, а все бодрится, бѣдняжка. «Ежели и всѣ оставятъ Общество, — объявилъ намедни, — я не перестану полагать оное существующимъ во мнѣ одномъ».

Можетъ-быть, онъ и правъ: блаженъ, кто вѣруетъ.

Июля 14. Коссовичъ разсказывалъ мнѣ о духовномъ Союз Татариновой.

— Я, — говорить, — буду хранить въ сердцѣ моемъ ясное свидѣтельство, что пророческое слово Екатерин Филипповны есть даръ Св. Духа Утѣшителя. Господь далъ ей надо мною власть: немощи мои несетъ, питаетъ и живитворить меня. Истинно, мать моя, Богомъ данная. Чувствуя что въ отеческій домъ пришелъ, какъ дитя къ матери.

Катеринъ Филипповна былъ вѣщій сонъ обо мнѣ, грѣхомъ; велѣла передать свое благословеніе.

Онъ зоветъ меня къ ней; «одно-де маменькино слово исцѣлитъ вѣсть лучше всѣхъ лѣкарствъ».

Можетъ-быть, пойду. Не все ли равно куда, въ Англійскій клубъ, на ужинъ къ Булгарину или въ Филадельфійскій Общество?

Іюля 15. Їздили съ Коссовичемъ къ Татариновой.

На краю города, за Московской заставой, у сосноваго бора, три деревянныя дачи; ворота на запорѣ, собаки на цѣпяхъ, высокій тынъ съ острыми бревнами; не то острогъ, не то скитъ. Внутри — темные переходы и лѣсенки. Комнаты имѣютъ видъ моленныхъ: иконы, хоругви, паникадила, ставцы со свѣчами. Въ большой залѣ — изображеніе Духа Св., въ видѣ голубя, на потолкѣ, и Тайная вечеря, во всю стѣну, картина академика Боровиковскаго.

Госпожа Татаринова приняла насъ въ спальнѣ, тѣсной келійкѣ, гдѣ пахло лѣкарствами, ладаномъ и мускусомъ. Несмотря на іюль мѣсяцъ, натоплено и народу множество. Кого тутъ только не было: тайный совсѣтникъ, директоръ департамента въ бывшемъ дядюшкиномъ министерствѣ, Василій Михайловичъ Поповъ; статскій совсѣтникъ, директоръ Человѣколюбиваго Общества, Мартынъ Степановичъ Пилецкій; штабсъ-капитанъ Гагинъ; отставной поручикъ, племянникъ генераль-губернатора, мой бывшій соперникъ по танцовщицѣ Истоминой, Алеша Милорадовичъ; камандиръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, генералъ-майоръ Головинъ; и какой-то старенький приказный, Ложвицкій, въ сюртучкѣ мухояровозъ, такъ называемое кувшинное рыло; и дѣвица Пиперъ, госпожи Загряжской ключница; и прачка Лукерья; и Прасковья Убогая, должно-быть, нищенка съ церковной паперти.

Но любопытнѣе всѣхъ — Никитушка. Солдатъ, бывшій музыкантъ Перваго кадетскаго корпуса, а нынѣ титуллярный совсѣтникъ (въ сей чинъ возведенъ за пророчество), Никита Ивановичъ Федоровъ — послѣ маменьки первый у нихъ наставникъ и пророкъ; старишокъ плюгавый, въ засаленномъ фракѣ, со Станиславомъ въ петлицѣ и мѣдною серьгою въ ухѣ; похожъ на стараго будочника; малограмотенъ, буквы съ нуждою ставить, а музыкантъ отъчий: слагаетъ священные гимны на голосъ русскихъ пѣсенъ.

Никитушка сидѣлъ у маменькиныхъ ногъ на низенькой скамеечкѣ и перебиралъ тихонько струны на гуслицахъ.

Госпожа Татаринова полулежала, больная, въ спальныхъ кожаныхъ креслахъ. Лицо изможденное, сухое, смуглое;

на верхней губѣ усики; похожа не то на старую цыганку, не то на Божью Матерь Одигитрию, чей образъ тутъ же висѣлъ, въ головахъ надъ постелью. Глаза — прозрачно-желтые, — должно-быть, въ темнотѣ какъ у кошечкъ свѣтятся. Никогда я не видывалъ у женщины такихъ мужскихъ глазъ; и это мужское въ женскомъ весьма привлекательно.

Обращеніе свѣтское: урожденная баронесса Буксгевденъ, воспитаница Смольнаго; говорить по-французски лучше, чѣмъ по-русски.

— Если вамъ не понравится въ нашемъ Филадельфийскомъ Обществѣ, — сказала мнѣ съ достоинствомъ, — покорнѣйше просимъ только не рассказывать: міръ имѣеть и безъ того довольно предметовъ для осужденія.

И потомъ — на ухо, съ такимъ ласковымъ видомъ, какъ будто мы съ нею старые друзья:

— Я знаю, у васъ большое горе; но имѣйте надежду на Господа...

Я боялся, что заговорить о Софьѣ; кажется, тотчасъ же всталъ бы и ушелъ. Но, должно-быть, поняла, что нельзя объ этомъ говорить, замолчала и потомъ прибавила:

— Сердце человѣческое подобно тѣмъ древамъ, кои не прежде испускаютъ цѣлебный бальзамъ свой, пока желѣзо имъ самимъ не нанесетъ язвы...

Наконецъ спросила прямо, просто, почти грубо, — но и грубость сія мнѣ понравилась: вѣрю ли въ Бога? И когда я сказалъ, что вѣрю:

— Не знаю, — говорить, — какъ вы, князь, а я давно замѣтила, что никто не отвергаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, кому не нужно, чтобы существовалъ Онъ.

— Или, быть-можетъ, — добавилъ я, — кому нужно, чтобы не существовалъ Онъ.

— Вотъ именно, — сказала, наклонивъ голову, какъ бы въ знакъ совершенного согласія нашего.

Замѣтивъ, что я удивляюсь, какъ Никитушка съ генераломъ Головинымъ обходится вольно, а тотъ съ нимъ — почтительно, сказала по-французски, не безъ тонкой усмѣшки:

— Не надобно удивляться тому, что дѣйствія духовныя открываются въ наше время преимущественно среди изшаго класса, ибо сословія высшія, окованныя прелестью европейскаго просвѣщенія, то-есть утонченаго служенія іру и похотямъ его, не имѣютъ времени предаваться разышеніямъ душеспасительнымъ; иаконецъ, при самомъ началѣ христіанства, на комъ явились первые знаки дѣйствія Духа Божія? Не на малозначащихъ ли людяхъ, въ народѣ презрѣнномъ и порабощенномъ, минуя старѣйшинъ, учителей и первосвященниковъ?

И заключила по-русски, положивъ руку на голову Никитушки съ материнскою нѣжностью:

— Непостижимый Отецъ Свѣтовъ избралъ нѣкогда рыцарей и простыхъ людей; такъ и нынѣ изволить Онъ обити съ ними. Ты что думаешь, Никитушка?

— Точно такъ, маменька; ручку позвольте, ваше преъходительство! Немудroe избралъ Богъ, дабы постыдить удryхъ вѣка сего! Какъ и въ пѣсенкѣ нашей поется:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики,
Ровно съ медомъ бураки!
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ, —

зпѣлъ вдругъ голоскомъ тонкимъ, перебирая струны на устницахъ. И прачка Лукерья, и Прасковья Убогая, и євица Пиперъ, и приказный, кувшинное рыло, и статскій совѣтникъ Пилецкій, и тайный совѣтникъ Поповъ, и генераль-майоръ Головинъ — всѣ подпѣвали Никитушкѣ.

Вспомнились мнѣ слова Грибоѣдова о томъ, что прошой народъ разрозненъ съ наими навѣки; а вѣдь вотъ не разозненъ же тутъ? Полно, ужъ не это ли путь къ спасенію, въ соединенію несоединеннаго?

— Ну что, какъ? — спросилъ меня Коссовичъ, выходя тѣ маменьки.

— Умна, — говорю, — чрезвычайно умна!
Старичокъ покачалъ головой.

— Вы, — говоритъ, — князь, приписываете уму ^и
что проистекаетъ изъ Премудрости Божественной...

Отъ Бога ли, не знаю, а только, и впрямь, вѣщая баѣ

Іюля 19. Повадился я къ маменькѣ. Думалъ, буде смѣшно, — нѣтъ, жутко. И все еще не знаю, что это, мдрость или безуміе, святыня или бѣсовщина? А можетъ-быт то и другое вмѣстѣ! Какъ въ Никитушкиныхъ пѣсенкахъ, слова святыя, а музыка такая, что плясать бы вѣдьма на шабашѣ. А вѣдь и маменькины дѣтки пляшутъ, радютъ подъ эту музыку.

— Радѣніе есть радованіе, — говоритъ Коссовичъ: какъ бы духовный балъ, въ коемъ сердце предвкушає тотъ брачный пиръ, гдѣ ликуютъ дѣственные души. Сацарь Давидъ предъ Кивотомъ Завѣта плясалъ. Пляшет и мы, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упօенные, попирая ногами всю мудрость людскую съ ея приличіями. И вотъ что скажу вамъ, князь, какъ медикъ: свят плясанье, движеніе сie, какъ бы въ нѣкоемъ духовномъ вальсѣ, укрѣпляетъ нарочито здравіе тѣлесное, ибо произѣдить въ насъ такую транспирацію, послѣ коей чувствуешь себя, какъ дѣтки малыя, рѣзвыми и легкими...

Такъ-то все такъ, — а жутко.

Престранную запѣль намедни Никитушка пѣсенку:

На седьмомъ на небеси
Самъ Спаситель закаталъ!
Ахъ, душкѣ, душкѣ, душкѣ!
У Христа-то башмачки
Сафіяненъкіе,
Мелкостроченные!

Въ словахъ сихъ, почти безсмысленныхъ, нѣкій священій восторгъ сочетался съ кабацкою удалью. А у тайна совѣтника Василія Михайловича Попова, вижу, и руки, ноги вдругъ зашевелились, задергались,—кажется, вотъ-во пойдетъ плясать, какъ на Лысой горѣ.

И смѣхъ, и ужасъ напалъ на меня,—хладъ мраза тона какъ говорять мистики.

Юля 20. Тайный советникъ Поповъ намедни при всѣхъ объявилъ:

— Я, маменька, иду ю намѣренье сапоги чистить, чтò принимаю за совершенную волю Божью,—только стыжусь...

— Чего же ты стыдишься, дружокъ?

— А Прошка что скажетъ?

— А ты, Вася, смирись, — посовѣтовалъ Никитушка.

— Были мы въ субботу въ банкѣ съ Мартыномъ Степанычемъ, — продолжалъ Поповъ: — окатились холодною водою трижды, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. А Мартынъ Степанычъ и говорить: «дай, говорить, Вася, я тебя еще разъ окачу». Взялъ шайку и во имя Св. Дѣвы Маріи вылилъ на меня воду, и тотчасъ же какъ бы разверзлась нѣкая хлябъ изъ внутренняго неба моего и чистѣйшею рѣкою всего меня потопила. И ощутилъ я, что Матерь Господа премѣняетъ звѣздное тѣло души моей на лунное свое тѣло и въ ночи Сатурна открываетъ свѣтъ премудрости...

И Мартынъ Степановичъ Пилецкій все это подтвердилъ въ точности.

А съ приказнымъ, кувшиннымъ рыломъ, тоже на-дняхъ было чудо.

— Сижу я, — говоритъ, — у именинника, головы купеческаго, Галактіона Ивановича, и вижу, штаны у меня худы, въ дырахъ; устыдился, хотѣть закрыть, а внутренній гласъ говоритъ: «не закрывай, се слава твоя!» И внезапно пріятнымъ ужасомъ духовнымъ исполнился я, такъ что все бытіе мое трепетало...

Потомъ о новоявленныхъ мощахъ преподобнаго Щоедосія Тотемскаго заговорили.

— Вотъ, — говоритъ штабсъ-капитанъ Гагинъ, — премудрый Невтонъ, соединившій математику съ физикой, умеръ и сгнилъ, а нашъ русскій простячокъ, двѣсти лѣтъ въ землѣ лежа, не сгнилъ...

Тутъ всѣ глумиться начали надъ суетнымъ разумомъ человѣческимъ, коего свѣтъ подобенъ-де свѣту гнилушки.

А Поповъ покосился въ мою сторону. Лицо у него безкровное-блѣдное, блѣдно-голубые глаза «изыхающаго теленка»

(какъ сказала одна дама о Сперанскомъ), а огоньки вѣдьмины въ нихъ такъ и прыгаютъ.

— Многіе, — говоритъ, — нынче стали смердѣть ученоствомъ и самымъ смердѣніемъ симъ похваляться. Пяточки бы имъ поджарить, предать плоть во изможденіе, да спасется духъ...

Ужъ не заболѣлъ ли я и вправду бѣлой горячкой? Маменька — умная женщина. Какъ же терпить она? Или ей на-рукв?

Дураки вы, дураки,
Ровно съ медомъ бураки...

Должно, однако, согласиться, что есть въ меду семъ ложка дегтя.

Іюля 21. Алеша Милорадовичъ изъяснялъ мнѣ таинственное ученіе о безстрастномъ лобзаніі.

— Человѣкъ сообщаетъ въ ономъ магическую тинктуру для зачатія потомства, какъ нѣкогда Адамъ въ раю, и хотя уже нынѣ тинктура сія сообщается черезъ грубый каналъ, но въ небесной любви состояніе сверхнатуральное вновь достигается, въ коемъ дѣторожденіе происходитъ не по уставу естества, отъ плотскаго смѣщенія, а отъ лобзанія безстрастнаго...

Бѣдный Алеша! Сверхнатуральное состояніе довело его до злой чахотки.

Денщикомъ своимъ, рядовымъ Федуломъ Петровымъ, обращенъ былъ въ скопчество, влюбился въ ихнюю богородицу, дѣвку распутнаго поведенія, лебедянскую мѣщанку Катасанову, и самъ едва не оскопился

Когда узнали о томъ при дворѣ, — взбеленились наши кумушки: лейбъ-гвардіи поручикъ, генераль-губернатора племянникъ, красавецъ Алеша — скопецъ! Дѣло дошло до государя, и Кондратія Селиванова, учителя скопцовъ, изъ Петербурга выслали.

Филадельфійская церковь многое отъ нихъ заимствуетъ: сама, говорятъ, маменька была у нихъ на выучкѣ. «Господи,

если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками!» говоритъ Поповъ о Селивановѣ.

Когда кончилъ Алеша о безстрastномъ лобзаніи,

— И вы, — говорю, — во все это вѣрите?

— Вѣрю. А что? Развѣ мало и въ христіанскихъ таинствахъ уму непостижнаго?

— Да, конечно... А помните, Алеша, Истомину? Помните балы у Вяземскихъ? Какъ чудесно танцевали вы мазурку!

— Что, — говоритъ, — вспоминать безумства?

Потупился, а потомъ вдругъ поднялъ глаза, улыбнулся прежней улыбкой, и на блѣдныхъ щекахъ задѣли два алых пятнышка.

— Нѣтъ, — говоритъ, — я не жалѣю о прошломъ. Вотъ, князь, вы говорите: балы, а знаете, радѣнья лучше всѣхъ баловъ...

Бѣдный Алеша!

юля 22. Не влюблены ли и мы въ маменьку, какъ Алеша въ свою богородицу?

— Маменька! Голубица моя! Возьми меня къ себѣ! — стонетъ, какъ томная горлица, краснорожій, толстобрюхій штабсъ-капитанъ Гагинъ.

— Малюточка моя, — утѣшаетъ маменька, — жалѣю и люблю тебя, какъ только мать можетъ любить свое дитятко. Да будетъ изъ нашихъ сердецъ едино сердце Іисуса Христа!

А генералъ-майоръ Головинъ, водившій нѣкогда фанагорійцевъ въ убийственный огонь Багратіоновыхъ флеши, теперь у маменькиныхъ ногъ,—левъ, укрощенный голубкою.

Старая, больная, изнуренная, болѣе на мертвѣца, чѣмъ на живого человѣка, похожая, — а я понимаю, что въ нее влюбиться можно. Страшно и сладостно сіе утонченное кровосмѣщеніе духовное: дѣтки, влюбленные въ маменьку.

Только дай себѣ волю, — и затоскуешь о жалтенькихъ глазкахъ, какъ пьяница о рюмочкѣ.

юля 23. Хорошо сказалъ о мистикахъ мистикъ Лабзинъ: «господа сіи заходятъ къ Богу съ задняго крыльца». И еще: «отъ ихней премудрости божественной — человѣчиною пахнетъ».

Іюля 24. Никитушкѣ было пророчество:

Что же дѣлать? Какъ же быть?
Надо кровью Русь омыть.

И Прасковьѣ Убогой тоже:

Я великаго царя
Въ сырь землю уложу...

Должно-быть, замѣтилъ Коссовичъ, когда мнѣ сказывалъ о томъ, какъ я поблѣднѣлъ.

Какой царь? Какая кровь?

А что, если пророчество исполнится? Соединеніе двухъ Тайныхъ Обществъ?

Іюля 25. Говоря о гоненіяхъ, на Филадельфійскую церковь воздвигнутыхъ, генералъ-майоръ Головинъ объявилъ:

— Самъ дьяволъ поселился нынѣ въ сердцахъ всѣхъ лицъ высшаго правительства.

А у меня и ушки на макушкѣ: не даромъ, думаю, мечтали нѣкогда издатели *Сіонскаго Вѣстника* о конституціи Христовыи именемъ.

Заговорилъ я о политикѣ. Но не тутъ-то было, — ма-менька остановила меня:

— Мы, — говорить, — надежды наши простираемъ за предѣлы сего ничтожнаго міра, гдѣ бѣдствія полезнѣе радостей, а посему и не входимъ ни въ какія сужденія о дѣлахъ политическихъ...

Изъ одного Тайного Общества — въ другое: въ одномъ — люди безъ Бога, въ другомъ — Богъ безъ людей; а я между сихъ двухъ безумствъ, какъ между двухъ огней.

Опять — не соединено.

Іюля 26. Жара, пыль, вонь. Скверно въ Петербургѣ лѣтомъ. Изъ лавочекъ кислою капустою несетъ, изъ строящихся домовъ — сыростью и нужникомъ: каменщики, гдѣ строятъ, тамъ и гадятъ. Ломовые везутъ желѣзныя полосы съ оглушающимъ грохотомъ. Съ лѣсовъ бѣлая известка сыплется. А голубое небо — какъ раскаленная мѣдь.

Брожу по улицамъ, точно во снѣ; иногда очиусь и не
яю, гдѣ я, что я, куда и откуда иду; голова кружится,
эги подкашиваются—вотъ-вотъ свалюсь.

Намедни въ Шестилавочной, вижу, пьяный маляръ
исить въ люлькѣ на веревкахъ, красить стѣну, поетъ
то-то веселое, а когда опускаютъ люльку, — качается,
эртится въ ней, точно пляшетъ; гляжу на него и смѣюсь
иѣ, что прохожіе смотрятъ; вспомнился тайный совѣтникъ
оповъ, подъ Никитушкину пѣсенку пляшущій:

Ай, душкѣ, душкѣ, душкѣ!
У Христа-то башмачки
Сафіянењкіе,
Мелкостроченныѣ!

Смѣюсь, смѣюсь, а, пожалуй, и вправду досмѣюсь до
ѣлой горячки.

Іюля 27. Художникъ Боровиковскій — старый добрый
охолъ, кажется, горькій пьяница. Затащилъ меня намедни
въ ресторацио «пить съ ромомъ», то-есть чай съ ромомъ.

Подвыпивъ, доказывалъ, что «Божество есть высшая
расота», и что онъ въ художествѣ красотѣ этой служить,
и никто его не понимаетъ. На Филадельфійскихъ братъ-
зъ жаловался.

— Ни одного нѣть искренняго ко мнѣ и любящаго,
гдѣ нѣть любви, тамъ все ничто. Да вотъ хоть Мартына
тепановича взять: сей господинъ Пилецкій, какъ пилой,
илить сердце мое, отъ чего прихожу въ крайнее уныніе
безнадежность. А тайный совѣтникъ Поповъ...

Тутъ рассказалъ онъ такое, что не знаю, вѣрить ли;
вспоминаю желтенькіе глазки, что въ темнотѣ какъ у
ошки свѣтятся, — и, пожалуй, вѣрить готовъ.

Дочь Попова, Любенька, пятнадцатилѣтняя дѣвочки,
увствуетъ омерзѣніе къ Филадельфійскимъ таинствамъ
маменьку въ глаза ругаетъ старою вѣдьмою, а кроткій
зувѣръ Поповъ, полагая, что дочь его одержима бѣсами,
ля изгнанія оныхъ, истязуетъ ее, запираетъ въ чуланъ,
орить голодомъ и сѣчетъ розгами такъ, что стѣны чулана

обрызганы кровью, — того и гляди, засѣчетъ до смерт
И все это, будто бы, по приказанію маменьки, полученню
отъ Бога.

Безъ Бога—цареубійство, съ Богомъ—дѣтоубійство; о
крови ушелъ я и къ крови пришелъ. Несоединенного соед
нія, двухъ Тайныхъ Обществъ основаніе единое — кро
Нѣтъ, тутъ ужъ не человѣчиной пахнетъ.

Бѣлая горячка! Бѣлая горячка!

Полно, будетъ съ меня. Пока не поздно — бѣжать.

Іюля 28. Нельзя бѣжать, надо испить чашу до дна, п
нять чужое безуміе, хотя бы самому разсудка лишиться

Алеша Милорадовичъ повѣдалъ мнѣ ученіе скопцо
о Царѣ-Христѣ.

Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Пет
Третій; онъ же второй Христосъ, Царь надъ всѣми царями
и Богъ надъ всѣми богами; вскорѣ воцарится на россійскої
престолѣ, и весь міръ признаетъ его Сыномъ Божімъ.

Такъ вотъ что значитъ «государи россійскіе суть главы
церкви»! Вотъ кого хотѣли мы убить изъ игрушечного пист
летика! Это уже не полотенце, которое привидѣніемъ кажется
а оно само.

Что въ парижскихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ видѣли
смутно, какъ въ вѣщемъ снѣ, то наяву исполнилось; совер
шено незавершонное, досказано недосказанное, замкну
незамкнутый кругъ.

Бѣжать отъ этого — бѣжать отъ истины.

Я попросилъ Алешу сводить меня къ скопцамъ.

Іюля 31. Былъ у скопцовъ. Спасибо дядюшкѣ, Алекса
дру Николаевичу Голицыну: они считаютъ его своимъ бл
годѣтелемъ, и меня, какъ родного, приняли.

— Ну, князенька, да ты никакъ приведенъ? — сказали
мнѣ уставщикъ ихній, Гробовъ.

«Приведенъ» — значить обращенъ въ скопчество.

Когда же я отъ сей чести отказался, онъ усмѣхнулся
лукаво.

— Я сквозь тебя вижу, ваше сиятельство; вамъ ис скрыть, не стать, за спиной не скроить: вы, благодѣтели наши, того же хотите...

— Чего мы хотимъ?

— А чтобы Господь на землѣ самодержавно царствовалъ.

Августа 1. На Васильевскомъ островѣ, на углу 13-й линіи и Малаго — трактиръ купца Ананьева; въ нижнемъ этажѣ заведеніе или, попросту, кабакъ, а въ верхнемъ — горницы «чистыя», хотя тоже довольно грязныя. Въ одной изъ нихъ происходятъ бесѣды наши.

— Солнце бьетъ въ окна, мухи жужжатъ. На столѣ — самоварище; паръ такой, что запотѣло зеркало. Скопцы любятъ чай: за одну бесѣду выпиваютъ самоваровъ пол-дюжины; а когда распарятся, пахнетъ отъ нихъ потомъ, — запахъ, напоминающій выхухоль. Лица — желтые, сморщенныя, точно водянкой раздутыя. Жутко мнѣ было сначала, а потомъ ничего привыкъ. Люди какъ люди; безъ бородъ, безъ усовъ и безъ прочаго, но не безъ ума. Природные философы.

Еще большая адѣсь демокрація, чѣмъ у маменьки. Самъ хозяинъ трактира, купецъ Ананьевъ, Милютинъ, Ненастьевъ, Солодовниковъ — все миллионщики, — и тутъ же саечный разносчикъ, мѣщанинъ Курилкинъ; бѣглый солдатъ артиллерійского гарнизона, фейерверкеръ Иванъ Будылинъ; рядовой Федулъ Петровъ, тотъ самый, что обратилъ Алешу въ скопчество; и канцеляристъ Душечкинъ, во фракѣ, съ медалью 12-го года; а самая важная особа — придворный лакей Кобелевъ. Сосланъ въ Соловецкій монастырь, бѣжалъ оттуда и проживаетъ въ столицѣ по фальшивому паспорту. Старичокъ слѣпенькій, глухенькій; шамкаетъ невразумительно. Въ Ропшѣ былъ въ 1762 году и «своими глазами видѣлъ все». Свидѣтельствуетъ, что Кондратій Селивановъ есть государь императоръ Петръ Третій.

Мы съ Алешею сидимъ на диванѣ, скопцы на стульяхъ, по стѣнкѣ, а по серединѣ комнаты уставщикъ Гробовъ читаетъ наизусть, какъ дѣячокъ, *Страданій свѣта истиннаго*

государя батюшки оглашениe — повѣсть о томъ, какъ россійскій самодержецъ «пошелъ волей на страды».

Сынъ пренепорочной дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны, воспитанъ и оскопленъ въ Голштиніи. Супруга его императрица Екатерина Вторая, предавшись лъпости—похоти, задумала убить мужа, когда узнала, что онъ неспособенъ къ сожительству брачному. Но тотъ бѣжалъ изъ Ропшинскаго дворца въ платьѣ убитаго за него часоваго. Въ Москвѣ схваченъ оберъ-полицеймейстеромъ Архаровымъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу, гдѣ скованъ кандалами поножно съ разбойникомъ Иваномъ Блохою, первымъ исповѣдникомъ Сына Божіяго. Опять бѣжалъ; укрывался въ падежной ямѣ, во ржи, въ подпольѣ, въ свиномъ корытѣ. «Такъ было мнѣ, Богу Всеизыннему, небо—свиное корыто», говорить искупитель; и опять схваченъ: шейку желѣзомъ оковали, ротикъ рвали, били плетьми, окровянили рубашечку, изъ тюрьмы въ тюрьму волочили. «Я,—говорить, — сто тюремъ обошелъ и вась, дѣтушекъ, нашелъ».

— Такъ страдаль творецъ отъ твари! — заключаетъ Гробовъ, и слушатели всѣ вздыхаютъ:

— Столько-то нашъ государь-батюшка изволилъ страдать, а мы за него не хотимъ!

Отъ умиленія плачутъ и еще больше потѣютъ, — такая въ воздухѣ выхухоль, что мнѣ почти дурно.

А изъ кабака снизу пьяныхъ пѣсни доносятся. «У меня-де, отца, много дѣтушекъ еще за кабаками валяется, а мнѣ и пьяницъ-то жаль!» говорить искупитель.

Уставщикъ продолжаетъ читать Оглашеніе и открываетъ послѣднюю тайну Царя-Христа. Бѣлый Царь — значитъ *убѣленный*, оскопленный:

Какъ Христова пелена,
Наша плоть убѣлена.

«Нынѣ-де порфира царская — отъ крови алая, но кровью Агнца убѣлится паче снѣга, — тогда и будетъ Бѣлый Царь. Бѣльмъ станеть красное солнышко,—и весь міръ убѣлится».

«И тогда, — говоритъ искупитель, — соберу я всѣхъ єтушекъ подъ единый кровъ. И вся земля миѣ поклонится; ѿ цари земные повергнутъ скипетры и вѣнцы къ стопамъ оимъ, и будетъ царствіе мое на землѣ, какъ на небѣ».

Безумство, бредъ, — а что-то знакомое слышится: не ечта ли императора Александра Благословеннаго — ѿсокрая, царство Божье, монаршею волей объявленное, — Священный Союзъ?

И еще иная мечта (оъ этомъ никто не знаетъ, а я слышалъ отъ Софы) — отреченіе государя отъ престола — не є же ли *страды*? Не мечта ли всей Россіи — страдающій арь, страдающій Богъ?

Августа 2. «Въ русскомъ царѣ — самъ Богъ Саваоѳъ съ ручками, и съ ножками», говорятъ скопцы и смотрять евинно, какъ дѣти. Тоже растлѣніе дѣтей.

Кто это сдѣлалъ? Кто виноватъ?

Не всей ли Россіи вина — на малыхъ сихъ, и не дастъ и отвѣтъ за нихъ Богу вся Россія?

Августа 3. Намедни бѣглый солдатъ Иванъ Будылпинъ оказывалъ старинный серебряный рубль и полтину:

— Знаете, — говоритъ, — дѣтушки, чьи портреты?

— Знаемъ: батюшкинъ и матушкинъ.

И, крестясь, цѣловали на рублѣ изображеніе Петра ретьяго, а на полтинѣ — Елизаветы Петровны, — Хрига и Божьей Матери

Августа 4. Оскопляютъ себя, лишаютъ естества мужского, дабы пламенить любовью женственной къ Царю, Жениху циному

Августа 5. Не все у нихъ бредъ, не все сказка — есть быль.

Въ 1805 году, осенью, передъ Аустерлицкимъ походомъ, императоръ Александръ I посѣтилъ Кондратія Селиванова, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, и тотъ, будто бы предказалъ ему неудачу похода.

О свиданіи томъ въ ихнихъ пѣсняхъ поется:

Какъ во Питерѣ, во градѣ,
Чудеса тутъ претворились:
Не два солица сокатились, —
Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

«Я всего отрекся и все Алексашъ отдалъ», говорит искупитель.

У дядюшки моего, ministra, видѣлъ я секретную записку Магницкаго, поданную государю въ прошломъ 182 году: *Планъ воспитанія народнаго*. «Въ Россіи въ основнс начало народнаго воспитанія должно положить двѣ религіи—перваго и второго величества». Слова сіи тогда же, у дядюшки я выписалъ. И далъе: «вѣрный сынъ церкви православно истиннымъ помазанникомъ, Христомъ Божіимъ, не может признать никого, кромѣ Помазаннаго на царство церковы православною».

Такъ вотъ что значитъ *религія двухъ величествъ*: одн величество — Христосъ, Царь Небесный; другое — Христосъ, царь земной, самодержецъ россійскій:

Пришелъ явный государь
Ко небесному въ алтарь.

Завершено незавершонное, досказано недосказанные замкнуть незамкнутый кругъ.

Августа 6. Алеша Милорадовичъ досталъ у придворнаго лакея Кобелева проJECTъ скопца-камергера, статскаг совѣтника, Алексѣя Михайловича Еленскаго объ учреждені въ Россіи феодатического образа правленія. Въ 1804 году незадолго до свиданія «двухъ величествъ», проJECTъ по данъ государю черезъ товарища ministra юстиціи, Никола Николаевича Новосильцева.

Для успешной борьбы съ Наполеономъ камергеръ Елецкій предлагалъ учредить *Божественную Канцелярію* из православныхъ іеромонаховъ и скопцовъ-пророковъ. Іеромонахи должны быть учеными, а пророки — «простячками»

потому что «вся благодать въ простячкахъ». По одному іеромонаху съ пророкомъ на каждый военный корабль и въ каждую дивизію дѣйствующей арміи, дабы секретно пророческимъ гласомъ совѣтъ предлагать. Самъ камергеръ Еленскій съ двѣнадцатью пророками обязанъ всегда находиться при главномъ военномъ штабѣ: «а нашъ Настоятель Богодухновенный Сосудъ (Кондратій Селивановъ) — при лицѣ самого государя императора». Когда все это будетъ исполнено, то «и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдить Господь всѣхъ враговъ и защитить возлюбленную Россію Свою, да познаетъ весь міръ, яко съ нами Богъ».

Камергеръ Еленскій заточенъ въ Сузdalскую крѣпость, а черезъ десять лѣтъ проJECTъ исполненъ, учреждена, подъ видомъ Священнаго Союза, Божественная Канцелярія.

*Августа 7. Видѣлъ Рылѣева издали на улицѣ.
Какъ давно, какъ далеко, точно въ мірѣ иномъ!*

Я перешелъ на другую сторону, какъ будто испугался, застыдился. Чего же? Развѣ я въ чемъ виноватъ передъ ними и развѣ не совсѣмъ ушелъ отъ нихъ?

А какъ бы имъ надо знать то, что я теперь знаю. Если бы поняли! Да нѣтъ, не поймутъ.

Августа 8. На радѣныи у скопцовъ—съ шести часовъ зечера до шести утра. Шатаюсь, какъ пьяный; горячка, должно-быть, начинается. Ну что жъ, слава Богу! Надо же, итобъ все это чѣмъ-нибудь кончилось.

Горній Сіонъ—домъ купца Соловникова, въ Хлѣбномъ тереулкѣ, Литейной части, у Лиговки, одноэтажный, деревянный, окруженный садомъ, съ горенкой вверху, гдѣ жилъ искупитель. Надъ дверями горенки золотыми буквами: *Святый Храмъ*. Стѣны выкрашены небесно-голубою краскою; потолокъ расписанъ херувимами; на полу коверъ съ выткаными ангелами и архангелами. Высокое ложе съ кисейнымъ пологомъ и золотыми кистями. Здѣсь, на пуховикахъ, какъ на облакахъ небесныхъ, возлежалъ нѣкогда царь-батюшка,

самъ Богъ Саваоѣ. Тутъ же на стѣнѣ—портретъ его: дре-
ний стариkъ, похожій на бабу; на головѣ и бородѣ волос
тонкіе, рѣdkie; сѣдина съ желтизной; остріженъ по-крестья-
ски. Одѣтъ въ богатый левантиновый шлафрокъ. На колѣ-
няхъ бѣлый, съ голубыми и красными цвѣточками, платокъ—
«Божій покровъ». Скопцы прикладываютъ къ портрету
какъ къ образу, крестясь и приговаривая: «здравствуй, гос-
дарь-батюшка, красное солнышко!» Многіе чувствуютъ пр-
семъ теплоту, какъ отъ живого тѣла, и благоуханіе.

Радѣнье происходило внизу, въ двухъ большихъ го-
ницахъ съ гладкимъ липовымъ поломъ; одна—для мужчинъ
другая—для женщинъ. Комнаты раздѣлены узкимъ про-
домъ съ двумя широкими и низкими, почти вровень съ п-
ломъ, окнами-дверьми, одно противъ другого—въ мужскую
половину и въ женскую. Здѣсь ставилось высокое ложе ца-
сное, съ коего батюшка благословлялъ радѣющихъ.

Мужчины въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ-саванахъ; же-
щины въ бѣлыхъ сарафанахъ сидѣли на лавкахъ чинно-
въ лѣвой рукѣ—бѣлый платокъ, а въ правой—зажженнна
восковая свѣча; ноги босы.

Среди женщинъ—та самая лебедянская мѣщанка, дѣви-
ца Катасанова, матушка Акулина Ивановна, богородица
въ которую влюбленъ Алеша. Красавица, а по лицу видно
что могла сдѣлать то, что о ней говорятъ: дѣвкѣ щеки из-
ревности выжгла сосцы раскаленнымъ желѣзомъ, «до коточки».

Запѣли голосами протяжными, глухими, какъ бы дале-
кими:

Царство, ты царство, духовное царство,—
пѣсню, коей всегда начинается радѣнье.

Въ мужской половинѣ, на середину комнаты вышелъ ст-
ричокъ благообразный, на скопца непохожій, отставной со-
датъ инвалидной команды, Иванъ Плохой, вѣстникъ от-
заточенного въ Суздалѣ государя-батюшки. Всѣ всталъ
крестясь обѣими руками (птица не летаетъ обѣ одномъ крыль-
а молитва есть полетъ бѣлаго голубя); поклонились ему тр-
жды. Онъ отвѣтилъ земнымъ поклономъ и началъ раздава-

изъ кулька батюшкины гостицы: отъ царского стола корочки, сухарики, жамочки, финифтяные образки и «части живыхъ мощей»—ладанки съ волосами и обрѣзками ногтей, пузырьки съ водою, въ которой батюшка мыть ноги, и лоскутки его, государевыхъ, подштанниковъ. По тому, какъ принимаются дары сіи, видно, что онъ для нихъ воистину Богъ, «и съ ручками и съ ножками».

Потомъ громкимъ голосомъ, такъ что слышно было въ обѣихъ горницахъ, вѣстникъ проговорилъ слова, которыя велѣлъ сказать батюшка:

— «Я,—говорить отець,—весель и только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда съ вами, дѣтушки! Не оставлю васъ; вы мои послѣдніе сироты!»

Дальше стариочокъ отъ умиленія говорить не могъ—заплакалъ, и всѣ начали плакать. Плачъ перешелъ въ вопль, въ рыданіе и въ пѣсню, пронзительно-унылую, подобную тѣмъ, коими причитываютъ бабы въ деревняхъ, надъ покойникомъ:

Ахъ, ты, свѣтъ, наше красно-солнышко,
Государь ты нашъ, родимый батюшка!
Укатило наше красно-солнышко,
Ты во дальнюю сторонушку!

Разстройство ли нервовъ, дѣйствіе ли звуковъ сихъ, хватающихъ за сердце, но я едва удерживался отъ слезъ. Какъ бы истина во лжи мнѣ слышалась: все та же молитва—*adveniat regnum tuum*—изъ преисподней возглашенная.

Наконецъ рыданіе стихло, и зашептали всѣ другъ другу на ухо тайную вѣсть:

— Батюшка родимый отъ насть недалече, изъ темницы выведенъ и скоро явится...

— Явится! Явится!—пронесся радостный шопотъ въ толпѣ, какъ въ лѣсу весенній шумъ.

Лица просвѣтлѣли, и вдругъ плясовая, веселая пѣсня грянула:

Какъ у насть на Дону,
Самъ Спаситель во дому!

Пѣли и хлопали въ ладоши, ударяли себя по колѣнямъ, по ляжкамъ; топали ногами въ ладъ и тяжело, отрывисто дышали, всѣ въ разъ, какъ одинъ человѣкъ.

Какъ у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому
И со ангелами,
Со архангелами.

Вдругъ смолкли, и въ тишинѣ зазвенѣлъ одинъ женскій голосъ, чудесный—сама Каталани позавидовала бы; то пѣла Катасанова:

Мой сладимый виноградъ —
Паче всѣхъ земныхъ отрадъ.
Соколъ съ неба сокатися,
Духъ Небесный встрепенися!

Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ; раскаленное желѣзо, коимъ сосцы у дѣвки Ѹеклы выжжены, послышалось мнѣ въ этомъ голосѣ.

И опять всѣ голоса слились торжественно, дико и грозно, какъ голоса налетающей бури:

Претворилися такія чудеса,
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненные...

И вдругъ что-то покатилось, закружилось, бѣлое. Трудно было повѣрить, что это человѣкъ: ни лица, ни рукъ, ни ногъ—только бѣлый вертящійся столбъ, какъ столбъ снѣга въ метели, а тамъ и другой, и еще, и еще, и еще—вся комната наполнилась бѣлыми вихрями. Рубахи саваны, вздувшись отъ воздуха, образовали эти столбы. Вертятся, вертятся, вертятся—и вѣтра вой, свистъ, визгъ, какъ отъ снѣжной бури въ степи.

Я глядѣлъ, и голова у меня кружилась; иногда забывался, какъ будто терялъ сознаніе, и казалось мнѣ, что вмѣстѣ со всѣми лечу и я; иногда опоминался и видѣлъ; какъ плясуны, изнеможенные, остановившись, выжимали мокрыя отъ пота рубахи, вытирали полотенцами лужи пота на полу, и зна-

комый острый запахъ душилъ меня, какъ выхухоль; но отчасъ же опять забывался я.

Испытывалъ чувство неизъяснимое: сквозь ужасъ—восторгъ, подобный тому, который я испытывалъ уже разъ, иного лѣтъ назадъ, когда на Лейпцигскомъ полѣ, передъ сраженiemъ, мимо нашей дивизіи проскакалъ на конѣ государь императоръ, и съ пятидесятитысячною громадою войскъ кричалъ я «ура!» и готовъ былъ, умирая, сказать царю моему, Богу моему: «здравствуй, государь-батюшка, красное солышко!»

Тогда—красное, а нынѣ—бѣлое. И съ бѣлой метелью къ юному солнцу лечу...

Сентября 9. Возобновляю записки сіи черезъ месяцъ, въ Царскомъ Селѣ, въ Китайскомъ домикѣ, куда перевезъ меня дядюшка.

Я былъ боленъ, дней десять лежалъ безъ памяти, едва кивъ остался. Поправляюсь медленно, но все еще слабъ.

Дни тихіе, теплые, точно весенніе. Желтые листья крукаются, какъ золотыя бабочки; паутишки летаютъ осеннія въ хрустально-чистомъ воздухѣ; томно блѣднѣютъ асты, ярко темнѣютъ георгины печальныя. А изъ голубого неба куравлей невидимыхъ крики доносятся, какъ будто зовутъ они въ страну, откуда путникъ не возвращается.

Сентября 10. Царское Село опустѣло. Государь уѣхалъ 6 августа въ восточная губерніи. Императрица Елизавета Алексѣевна живеть во дворцѣ одна, ея почти не видно и не слышно.

Государь передъ отѣздомъ обо мнѣ спрашивалъ дядюшку, желалъ видѣть меня и, когда узналъ, что я боленъ, послалъ ко мнѣ лейбъ-медика Штофрегена, который, говорятъ, спасъ мнѣ жизнь: Коссовичъ затѣчилъ бы до смерти. Такъ вотъ отчего былъ такъ заботливъ дядюшка: не ему, а государю обязанъ я спасенiemъ жизни.

Штофрегенъ говоритъ: «скоро молодцомъ будете». Да,ѣло здорово, живъ,—а жить нечѣмъ.

Сентября 12. Николай Михайлович Карамзинъ—мс
сосѣдъ по Китайскому домику. Мы съ нимъ знакомцы давні
встрѣчались у Олениныхъ и Вяземскихъ. Дядюшка пор:
чилъ меня заботамъ Катерины Андреевны Карамзиной; оѣ
ко мнѣ добра; Николай Михайловичъ тоже: знаетъ, конечно
и онъ о государевой милости; намекаетъ на камергерстї
мое въ скоромъ будущемъ.

Милый старикъ—весь тихій, тишайшій, осенній, в
черній. Высокаго роста; полусѣдые волосы на верхѣ пл:
шивой головы зачесаны; лицо продолговатое, тонкое, блѣ
ное; около рта двѣ морщины глубокія: въ нихъ—*Бѣдна
Лиза*—меланхолія и чувствительность. Смѣяться не умѣетъ
какъ маленькия дѣти, странно и жалобно всхлипываетъ; за
улыбка всегдашняя,—скромная, старинно-любезная,—такъ
теперь уже никто не улыбается. Орденская звѣзда на дли
нopolой бекешѣ, тоже старинной; и пахнетъ отъ него п
старинному, табачкомъ нюхательнымъ да цвѣтомъ чайна
деревца. Тихій голосъ, какъ шелестъ осеннихъ листьевъ.

Гуляемъ въ паркѣ; Штофрегенъ позволилъ мнѣ прогулы
недолгія. Шагами тихими и ровными ходимъ, оба опираясь
на палочки, какъ старики-ровесники.

Царскосельскія кущи въ багрецѣ и золотѣ осени; блѣ
ные мраморы статуй, какъ блѣдные призраки, желтые листья
подъ ногами шуршащіе; лебединые клики съ туманныхъ озер
въ наступающихъ сумеркахъ—все наводить ту меланх
лію сладкую, коей нѣкогда былъ Карамзинъ пѣвцомъ сто
плѣнительнымъ.

А когда вижу императрицу издали, въ вечерней тѣни
какъ тѣнь, проходящую, то кажется,—всѣ мы трое—тѣни
отошедшия въ царство тѣней, въ безмолвный Элизіумъ.

Сентября 18. Жизнь Карамзина единообразна, какъ мая
ника ходь въ старинныхъ часахъ англинскихъ. Утромъ р
бота надъ XII томомъ «Исторіи Государства Россійскаго»
«Въ хорошиѣ часы мои,—говорить,—описываю ужасы Ioан
Грознаго». Потомъ—прогулка пѣшкомъ или верхомъ, да
въ самую дурную погоду: «послѣ такой прогулки,—го-

ритъ,—лучше чувствуешь пріятность теплой компаціи». Обѣдъ непремѣнио съ любимымъ рисовымъ блюдомъ. Трубка табаку, не больше одной въ день. Нюхательный французскій—всегда у Дазера покупается, а чай съ Макарьевской ярмарки выписывается, каждый годъ по цыбули. На ужинъ—два печеньыхъ яблока и старого портвейна рюмочка.

Катерина Андреевна еще не старая женщина: прекрасна, холодна и бѣла, какъ снѣжная статуя, настоящая муза важнаго исторіографа. Когда благонравныя дѣтки собираются вокругъ маменьки вечеромъ, за круглымъ чайнымъ столомъ, подъ уютною лампою, и она крестить ихъ передъ сномъ: «bonne nuit, papa! bonne nuit, maman!»—залибоваться можно, какъ на картинку Грезову. Потомъ жена или старшая дочь читаетъ вслухъ усыпительные романы госпожи Сюзѣ. Николай Михайловичъ садится спиной къ лампѣ, сберегая зрѣніе, и въ чувствительныхъ мѣстахъ плачетъ. А ровно въ десять, съ послѣднимъ ударомъ часовъ, всѣ отходятъ ко сну.

— Лѣта и характеръ,—говорить,—склоняютъ меня къ тихой жизни семейственной: день за день, нынче какъ вчера. Усердно благодарю Бога за всякий спокойный день.

— Ваше превосходительство,—говорю,—вы мастеръ жить!
А онъ улыбается тихой улыбкой.

— Счастье,—говорить,—есть отсутствіе золъ, а мудрость житейская—наслаждаться всякой день, чѣмъ Богъ послалъ. Въ тихихъ удовольствіяхъ жизни успокоеній, единообразной хотѣль бы я сказать солнцу: «остановись!» Теперь главное мое желаніе—не желать ничего, ничего. Творца молю, чтобы Онъ безъ всякихъ прибавленій оставилъ все, какъ есть...

Можетъ-быть, онъ и правъ, а только все мнѣ кажется, что мы съ нимъ давно уже умерли и въ царствѣ мертвыхъ о жизни бесѣдуемъ.

Сентября 19. Золотая осень кончилась. Дождь, слякоть, холодъ. Осенний Борей шумитъ въ оголенныхъ вѣтвяхъ, срываетъ и гонитъ послѣдній желтый листъ.

У Катерины Андреевны флюсь; у Андрюши горло подвязано; у маленькой кашель—не дай Богъ, коклюшъ. Николай Михайловичъ на ревматизмы жалуется, брюзжить:

— Повара хорошаго купить нельзя, продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ. Отослалъ намедни Тимошку въ полицію для наказанія розгами и велѣлъ отдать въ рекруты.

Я молчу. Онъ знаетъ, что я рѣшилъ отпустить на волю крестьянъ, и не одобряетъ, хочетъ наставить меня на путь истины.

— Не знаю,—говорить,—дойдутъ ли люди до свободы гражданской, но знаю, что путь дальній и дорога не гладкая.

Я все молчу, а онъ смотритъ на меня исподлобья, нюхаетъ табакъ и тяжело вздыхаетъ.

— Богъ видѣтъ, люблю ли человѣчество и народъ русскій, но для истиннаго благополучія крестьянъ желаю единственно того, чтобы имѣли они добрыхъ господъ и средства къ просвѣщенію.

Всталъ, подошелъ къ столу, отыскалъ письмо, къ своимъ крестьянамъ въ нижегородское имѣніе Бортное и, какъ будто для совѣта съ Катериной Андреевной, а на самомъ дѣлѣ для моего наставленія, прочелъ:

— «Я—вашъ отецъ и судія; я васъ всѣхъ люблю, какъ дѣтей своихъ, и отвѣчаю за васъ Богу. Мое дѣло знать, что справедливо и полезно. Пустыми просьбами не докучайте мнѣ, живите смирно, слушайте бурмистра, платите оброки, а если будете буйствовать, то буду просить содѣйствія военнаго генераль-губернатора, дабы строгими мѣрами принудить васъ къ платежу исправному».

И въ заключеніе приказъ: «буяновъ, если не уймутся, высѣчь розгами».

А вечеромъ надъ романомъ госпожи Сюзѣ опять будетъ плакать.

Сентября 20. Хвалить Аракчеева:

— Человѣкъ государственный,—замѣнить его другимъ не легко. Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще меньше.

Бранить Пушкина:

— Талантъ, дѣйствительно, прекрасный; жаль, что иѣть чира въ душѣ, а въ головѣ ии малѣйшаго благоразумія. Ежели не исправится,—будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ.

Октября 10. Опротивѣлъ мнѣ Китайскій домикъ. Иногда хочется бѣжать куда глаза глядятъ отъ этого умлого старика, отъ любезной улыбки его и прилизанныхъ височковъ, отъ бѣлосиѣжной Катеринны Андреевны и благонравныхъ дѣтокъ, отъ черешневой трубки (не больше одной трубки въ день) и макарьевскихъ цыбиковъ чая, отъ слезливыхъ романовъ госпожи Сюзѣ и писемъ бурмистру о розгахъ, и двѣнадцати томовъ Исторіи, въ коихъ онъ—

Доказываетъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Николай Михайловичъ, кажется, знаетъ, что я—членъ Тайного Общества, и душу у меня выматываетъ разговорами о политикѣ.

— Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить наверху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Не такъ ли?

Я соглашаюсь, а онъ продолжаетъ:

— Я хвалю самодержавіе, а не либеральные идеи, то есть хвалю печи зимою въ сѣверномъ климатѣ. Свободу намъ даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ нась самому себѣ съ помощью Божьей. Я презираю либералистовъ нынѣшнихъ и люблю только ту свободу, которую никакой тиранъ у меня не можетъ отнять...

Я опять соглашаюсь, а онъ опять продолжаетъ:

— Пусть молодежь ярится; мы, старики, улыбаемся: будетъ чему быть—и все къ лучшему, когда есть Богъ. Моя политика—религія. Не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть...

А я молчу, молчу,—мнѣ все равно, только бы отпустилъ душу на покаяніе.

Но иногда кажется, что этотъ старикъ, милый, умный, добрый, честный, опаснѣе самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ и разбойниковъ. Если погибнетъ Россія, то не отъ глада, труса и мора, а отъ этой тишайшей мудрости: все должно быть, какъ есть.

Октября 13. Николай Михайловичъ любить жить на дачѣ до первого снѣга. Вотъ и дождались: сегодня зарѣяли бѣлые мухи, а къ вечеру повалилъ снѣгъ хлопьями и на черную землю опустился бѣлымъ саваномъ. Всѣ звуки заглохли, какъ подъ мягкою подушкою; только откуда-то далекій-далекій, точно похоронный, доносится колоколь.

Сижу у камелька, гляжу на пепель гаснущій и вспоминаю о томъ, что было въ жизни,—какъ, должно-быть, вспоминаютъ мертвые.

Я зналъ когда-то, что *все не должно быть, какъ есть*; я и теперь знаю, что тѣ, отъ кого я ушелъ, члены Тайного Общества, правы правотою вѣчною передъ людьми и передъ Богомъ. Бѣлой горячкой, которой больна вся Россія, мнѣ надо было самому переболѣть, чтобы это узнать; зато знаю теперь, какъ никогда еще не зналъ, что правы они. И пусть все, что дѣлаютъ,—безумство, ничтожество, кровь и грязь: но все, чего хотятъ,—истина, и сейчасъ для Россіи иной истины нѣть, нѣть иного спасенія отъ буйнаго бреда бѣлой горячки и отъ оной тишайшей мудрости: все должно быть, какъ есть. И пусть ихъ подвигъ не свершенье, а только возвѣщеніе, пророчество, но если не будетъ оно услышано,—погибнетъ Россія.

Да, все это знаю, какъ знаютъ мертвые. Я измѣнилъ, ушелъ отъ крови и грязи. Вотъ и чистъ,—чистъ и мертвъ.

Черная земля подъ бѣлымъ саваномъ, тишина могильная, похоронный колоколь. Конецъ всему: «не зная для чего, знаю, что все должно быть, какъ есть».

Октября 14.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣль изъ міра перешла.
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.
Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь: обмана сердцу нѣть;
Сбылося все: я въ сторонѣ свиданья,
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.
Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнять.
О, милый, здѣсь не будетъ безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Стихи Жуковскаго. Зачѣмъ я ихъ выписалъ?

Я думалъ, Софья хочетъ, чтобы я ушелъ изъ Тайнаго Обѣства, и когда уйду, она вернется ко мнѣ. Но вотъ не вернулась. И мнѣ теперь кажется, что, уходя отъ нихъ, я отъя ушелъ.

Октября 15. Что это было? Сонъ, призракъ, видѣнье—
знаю. Знаю только, что было. Исполнила она свое обѣданіе предсмертное: «всегда съ тобою, и оттуда приходить буду».

Проснувшись я плакаль отъ радости. Отчего эта радость, не помню; помню только, что Софья велѣла мнѣ вернуться къ нимъ, мои же слова мнѣ напомнила: «ничего не帮忙аютъ, никого не спасутъ, только себя погубятъ, а все-ки правда Божья у нихъ. И пусть недостоинъ я, пусть беру по силамъ, а отъ нихъ не уйду...»

Только теперь понялъ я, что эти слова значать. И пусть будетъ опять страхъ, смѣхъ, уныніе, отчаяніе, кровь и грязь, и того, что понялъ, я уже никогда не забуду.

Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнять.
О, милый, здѣсь не будетъ безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Опять могу плакать, могу молиться, какъ сегодня я нею молился.

«Сохрани, помоги, помилуй насъ всѣхъ, Господи! Спас Матерь Пречистая!»

Октября 16. Переѣхалъ въ Петербургъ, къ Одоевскомъ Сказалъ Пущину, что хочу вернуться въ Тайное Общество примутъ ли? не считаютъ ли измѣнникомъ? Онъ молча снялъ меня и поцѣловалъ, какъ братъ.

Октября 17. Видѣлъ всѣхъ. Обрадовались мнѣ. Рылѣе кинулся на шею и заплакалъ. Кюхля замахалъ руками такъ что опрокинулъ бутылку и разбилъ стаканъ. Батенковъ вообновилъ разговоръ о монархическомъ и республиканско правленіи, за шесть мѣсяцевъ начатый, какъ будто ниче не случилось. А Каходскій все такъ же стоялъ у печи скрестивъ руки на груди по-наполеоновски, и усмѣхал презрительно.

Милые, родные! Полюби насъ черненькими, а бѣленкими насъ всякий полюбить. Хороши или плохи, они у ме единственныи и другихъ не будетъ.

Октября 24. Предлагаютъ мнѣ для переговоровъ Южными ѻхать въ Васильковъ къ Сергею Муравьеву и Тульчинъ къ Пестелю. Я готовъ хоть сейчасъ.

Октября 26. Нѣтъ, сейчасъ не поѣду. Вчера вернулъ государь, и дядюшка говоритъ, что обо мнѣ спрашивалъ Подожду свиданія съ государемъ: такъ Софья хочетъ.

Ноября 5. Пущинъ показывалъ *Православный Катехизис* для возмущенія войскъ и простого народа, Сергеемъ Мурвьевымъ составленный. Въ Катехизисѣ сказано:

- «Для чего русскій народъ и русское воинство несчастны»
- «Для того, что похитили... у него свободу».
- «Что же святой законъ нашъ повелѣваетъ дѣла русскому народу и воинству?»

— «Раскаяться въ долгомъ работѣпіи и, ополчась противъ тиранства и нечестія, поклясться, да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли—Іисусъ Христосъ».

Точнѣе, прямѣе нельзя сказать—и доколѣ этого не скажутъ всѣ, въ Россіи свободы не будетъ.

Я думалъ, что я одинъ знаю; но вотъ уже не одинъ.

И пусть мы только знаемъ, только скажемъ другимъ, а сази ничего не сдѣлаемъ,—когда другіе сдѣлаютъ, то вспоминать и о насъ.

Часть четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Императрица Елизавета Алексеевна, стоя передъ зеркаломъ, надѣвала головной уборъ съ райскою птичкою мужнинъ подарокъ. Такіе уборы были въ модѣ лѣтъ десяти назадъ; но то, что ему, государю, нравилось, было для нея вѣчноюmodoю.

Наряжалась, какъ влюбленная дѣвочка; подумала обѣ этомъ — и покраснѣла, глядя въ зеркало.

«Ну развѣ такая можетъ нравиться? Старая, злая нѣмка Вонъ и кончикъ носа красный, какъ у всѣхъ старыхъ плакъ. Это оттого, что, когда плачу, слишкомъ часто сморкаюсь. И губы поджаты съ видомъ жертвы,—какъ это по-русски! Да, подскими...»

Отвернулась съ досадою отъ зеркала и перешла въ свой кабинетъ. Здѣсь, у камина, въ уютномъ уголкѣ изъ мягкой мебели, столиковъ и ширмочекъ, приготовленъ былъ чайныи приборъ: ждала государя къ вечернему чаю. Осмотрѣла все ли въ порядкѣ: заваренъ ли чай, какъ слѣдуетъ; есть ли крендельки съ анисомъ, варенье,—все, что онъ любить а на другомъ столикѣ — шашки, бирюльки, карты: иногда въ экарте или въ мушку игрывалъ. Перемѣнила на лампѣ розовый щитокъ на зеленый — его любимый цвѣтъ.

Присѣла къ камину, задумалась.

Теперь, когда не смотрѣлась въ зеркало, лицо ея было прекрасно. Психеей называли ее въ юности. Тогда у нея были дѣтски удивленные глаза, дѣтски падающія плечи и, подъ слишкомъ тяжелымъ золотомъ волосъ, шея дѣтски

гоикая, какъ стебель, гиущійся подъ бременемъ цвѣтка. Та юная прелестъ увяла. Но теперь — иная, неувидаемая: если тогда была музыка, то теперь тишина послѣ музыки.

Думала, зачѣмъ въ послѣдніе время государь такъ часто съ нею видится. Знала по опыту, что, когда ему хорошо, она ненужна, и привыкла къ этому такъ, что каждый разъ, какъ онъ приближался къ ней, спрашивала себя: «зачѣмъ? что съ нимъ?» — и всегда угадывала. Но теперь не могла угадать, только чувствовала, что есть что-то страшное для нихъ обоихъ. Вспомнилась кроткая, какъ будто стыдливая, улыбка его во время послѣдней болѣзни, когда онъ говорилъ:

— Не знаю, оттого ли, что я очень боленъ, или уже годы не тѣ, но я не имѣю силы бороться съ болѣзнью.

Вспомнилось и то, что сказалъ онъ князю Васильчикову, когда выдоравливалъ:

— Я дешево отдался, но въ сущности быль бы не прочь сбросить это бремя короны, страшно тяготящей меня.

Радъ быль сбросить ее вмѣстѣ съ жизнью.

Чѣмъ больше думала объ этомъ, тѣмъ больше боялась; знала, что онъ самъ никогда не заговорить, а спросить, — какъ бы хуже не было.

Услыхавъ шаги его, покраснѣла опять, какъ влюбленная дѣвочка. Онъ вошелъ и поцѣловалъ руку ея, а она его — въ голову.

— Уфъ, едва вырвался! Семейный обѣдъ въ Аничковомъ, — заговорилъ онъ по-француаски, какъ всегда съ ней говорилъ: — сегодня маменька весь день за мной по пятамъ. Въ послѣднюю минуту послалъ имъ сказать, что не буду, а то не отпустили бы... Ну, а вы какъ?

— Ничего, лихорадки днемъ, кажется, не было, и менѣше кашляю.

— Слава Богу! Только берегитесь, не выѣжжайте, погода ужасная; слякоть, вѣтеръ съ моря. Вода поднялась; пожалуй, наводненіе будетъ...

Пили чай, играли въ шашки; говорили о маленькихъ придворныхъ событияхъ и сплетняхъ. Она старалась казаться веселою.

Зашла рѣчь о послѣдней семейной сварѣ изъ-за фреі лины Протасовой, полуумной старухи, которую императрица-мать взяла подъ свое покровительство, въ пику государынѣ.

— Ахъ, если бы вы знали, мой другъ, какъ я устала отъ этихъ дрязгъ! Маменька, Никсъ, Мишель, Александринъ-всѣ противъ меня. Настоящій заговоръ..

— Полно, Lise, оставьте, не думайте. Ну, что вамъ дѣлать? Вы же знаете, чѣмъ они хуже къ вамъ, тѣмъ лучше я.

— Этого-то и не могутъ мнѣ простить! Готовы на всѣ, чтобы повредить мнѣ въ вашихъ глазахъ. Особенно—маменька. И что я имъ сдѣлала? За что такая ненависть?

Говорили о родныхъ, какъ о чужихъ, почти о врагахъ: *Враги человѣку домашніе его*, — оба понимали, что это значитъ.

— Неужели вы думаете, Lise, что все это можетъ имѣтъ на меня какое-нибудь вліяніе? — произнесъ онъ ласково и взялъ ее за руку.

Она молчала, потупившись.

— Не вѣрите? — повторилъ онъ еще ласковѣе.

— Вѣрю, но если мнѣ трудно, не моя вина...

— А чья? Говорите, говорите же все, Lise, ради Бога...

— Я узнаю иногда отъ другихъ то, что должна бы знать васъ,—сказала она и, поднявъ глаза, посмотрѣла въ него рѣшительно.

— Что же именно?

— Отреченіе отъ престола.

— Сколько разъ я говорилъ вамъ. Забыли?

— Говорили въ шутку.

— Ну, не совсѣмъ...

— Да, не совсѣмъ: Константина уже отрекся, и Николай—наследникъ.

— Откуда вы знаете? Ничего не рѣшено. Можетъ-быть послѣ моей смерти...

— Нѣтъ, при жизни. Вы такъ и сказали имъ. Маменька спрашивала меня: «не показывалъ ли онъ вамъ чего-нибудь?» Значитъ, есть что-то...

Наклонившись надъ кучкой бирюлекъ, онъ старался выгудить боченочекъ.

— Скучная дѣла, мой другъ! Вы знаете, я никогда не говорю съ вами о политикѣ...

— Тутъ не политика, а ваша судьба и моя. Какъ могли вы рѣшить, не сказавъ мнѣ? Имъ говорите, а отъ меня скрываете...

— Ну, вотъ вы теперь знаете, Lise! И развѣ не рады? Быть свободными, жить вмѣстѣ, — помните, какъ мы мечтали дѣтьми...

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не то. Вы не хотите сказать, а я знаю. Тутъ другое...

— Чѣдъ другое? Чѣдъ вы знаете? — спросилъ онъ тихо и посмотрѣлъ на нее, молча, долго; разрушилъ кучку бирюлекъ, отвернулся и сталъ мѣшать угли въ каминѣ.

— Тайное Общество, — сказала она такъ же тихо, не отводя отъ него глазъ.

Онъ быстро обернулся. Лицо исказилось, какъ отъ внезапной боли, и что-то промелькнуло въ немъ такое жалкое, трусливое, какъ у человѣка, который сходитъ съ ума, знаетъ то и боится, чтобы другіе не узнали.

— Глупыя сплетни! — сказалъ уже спокойно, овладѣвъ собою; всталъ, прошелся по комнатѣ, взялъ со стола книгу, прочелъ заглавіе: «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина, — перелисталъ и бросилъ.

— Прошу васъ, Lise, никогда не говорить со мной объ этомъ. Ни со мной и ни съ кѣмъ. Слышиште?

— Не я говорю, а мнѣ говорятъ, — отвѣтила она, блѣднѣя. Старая обида заныла въ душѣ, какъ старая рана. Что му доставляются тайной полиціей письма ея и что онъ скрываетъ ихъ, такъ же какъ письма всѣхъ членовъ царской фамиліи, — давно уже знала; но никогда не говорилаъ нимъ объ этомъ — стыдилась; гнуснымъ казался ей этотъ бычай, сохранившійся отъ временъ Павловыхъ. Теперь спомнила о немъ и подумала, что онъ смотритъ на нее такими же глазами, какіе у него должны быть во время

чтенья вскрытыхъ писсмъ. Въ тысячный разъ обманулас повѣривъ близости его, и въ тысячный разъ все такъ же бол но, какъ въ первый; за тридцать лѣтъ не привыкла и никогда не привыкнетъ.

— Кто? Кто вамъ сказалъ? — повторялъ онъ все насто чивѣй, все подозрительнѣй. — Мнѣ нужно знать, Lise Ну, будьте же разсудительны. Прошу васъ, если вы ме любите...

И вдругъ опять промелькнуло въ лицѣ его что-то трусл вое, жалкое, подлое: «да, подлое!» — подумала она съ во мущенiemъ. Развѣ не подлость — выпытывать, допраш вать такъ, смотрѣть на нее глазами сыщика?

Отвернулась, стала наливать чай; но руки такъ тря лись, что уронила чашку; заплакала.

— Что вы, Lise? О чемъ? Вы меня не такъ поняли. самъ давно уже собирался сказать вамъ объ этомъ. Но я больны: я не хотѣлъ...

— Да развѣ лучше таکъ? — воскликнула она горестно. Хуже, хуже всего, не можетъ быть хуже! Оттого и больны Вы молчите, а я... Какъ же вы не видите, что я не могу, я могу больше, силь моихъ нѣтъ!

Онъ подошелъ къ ней и опустился на колѣни.

— Ну, полно, Lise, ради Бога, не надо... — цѣловал ей руки. — Неужели я не сказалъ бы, если бъ что - нибудь было? Но ничего нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я не знаю. Может быть, вы больше моего знаете? Мнѣ иногда самому приходитъ въ голову, нѣтъ ли тутъ поважнѣе лицъ? — прибавилъ съ хитростью.

Она вдругъ перестала плакать; забывъ о себѣ, думала только о немъ, о грозящей ему опасности.

— Мнѣ говорилъ Карамзинъ и мой секретарь Лонг новъ. Но, кажется, объ этомъ знаютъ всѣ...

И рассказала все, что слышала. Когда кончила, онъ п смотрѣлъ на нее съ улыбкою.

— Охота же вамъ изъ-за такихъ пустяковъ мучитьс

Утѣшалъ ее, успокаивалъ: все это ему давно уже вѣстно; въ рукахъ его всѣ нити заговора; онъ даже знаетъ

именамъ заговорщиковъ; истребить ихъ ничего не стоитъ; если же медлить, то потому, что жалѣеть несчастныхъ, «заблужденія коихъ суть заблужденія нашего вѣка»; ждетъ, чтобы сами одумались; впрочемъ, всѣ мѣры приняты, и нѣтъ никакой опасности.

Говорилъ такъ искренно, что она почти вѣрила; умомъ вѣрила, а сердцемъ знала, что онъ лжетъ; въ глазахъ его видѣла ту ясность, которой всегда боялась,—бездонно-прозрачную и непроницаемую, какъ у женщинъ, когда онъ лгутъ. Но не имѣла силы бороться съ ложью; готова была на все, только бы не увидѣть опять того трусливаго, подлаго, что промелькнуло въ лицѣ его давеча. Изнемогла, покорилась.

«Можетъ-быть, и правъ онъ,—думала,—что на помощь ся не надѣется: гдѣ ужъ ей帮忙ть, другихъ поддерживать, когда сама отъ слабости падаетъ?»

Ничего не сказала, только посмотрѣла на него такъ, что вспомнились ему кроткие глаза загнанной лошади, которая издыхала на большой Петергофской дорогѣ, уткнувъ морду въ пыль, съ кровавою пѣною на удилахъ.

— А знаете, Lise, что больше всего меня мучаетъ? То, что отъ меня несчастны всѣ, кого я люблю, — заговорилъ онъ, и сразу почувствовала она, что онъ теперь не лжетъ.

— Несчастны отъ васъ?

— Да. Софына смерть, ваша болѣзнь — все отъ меня. Вотъ, чего я себѣ никогда не прощу. Знать, что могъ бы любить и не любилъ, — больше этой муки нѣтъ на свѣтѣ... О, какъ страшно, Lise, какъ страшно думать, что нельзя вернуть, искупить нельзя ничѣмъ... А все-таки въ послѣднюю минуту я къ вамъ же приду, и вѣдь вы меня...

Не дала ему кончить, охватила руками голову его и прижала къ себѣ, безъ словъ, безъ слезъ, только чувствуя, что одинъ этотъ мигъ вознаграждаетъ ее за все, что было, и за все, что будетъ.

Кто-то тихонько постучался въ дверь, но они не слышали. Дверь пріотворилась.

— Ваше величество...

Оба вскочили, какъ застигнуты врасплохъ любовники.

— Кто тамъ? — воскликнула она. — Я же велѣла...

Господи, ну, что такое? Войдите.

— Ваше величество, ихъ императорское величество, государыня императрица Марія Феодоровна, — доложила фрейлина Валуева.

Государыня взглянула на мужа съ отчаяніемъ; тотъ поморщился. Валуева смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, какъ будто дѣлала стойку и нюхала воздухъ.

— Ну, чего вы стоите? Не знаете вашихъ обязанностей? — прикрикнула на нее государыня. — Ступайте же, просите величество.

— Не бойтесь, Lise, я какъ-нибудь спроважу ее поскорѣе; скажу, что вы больны, и дѣло съ концомъ

Государыня вышла въ уборную.

— Вотъ вы гдѣ, Alexandre! А мы васъ ищемъ, ищемъ, думаемъ: куда пропалъ? — заговорила, входя, императрица Марія Феодоровна.

Въ шестьдесятъ пять лѣтъ — свѣжая, крѣпкая, гладкая, сдобная, румяная, какъ хорошо пропеченная булка изъ нѣмецкой булочной; несмотря на полноту, затянута, зашнурована такъ, что, казалось, платье на круглой спинѣ лопнетъ по швамъ; все лицо въ ямочкахъ-улыбочкахъ, которые хотятъ быть любезными, но иногда вдругъ сладкимъ ядомъ наливаются. Всегда въ суетѣ, впопыхахъ, «точно на пожарѣ торопится», какъ покойный супругъ ея, императоръ Павель говоривалъ.

— А вѣдь я не одна, Alexandre: мы всѣ вмѣстѣ къ вамъ по-семейному, — и Никсъ, и Мишель, и Александринъ, и Эленъ, и Мари. Они сейчасъ будутъ. Ужъ вы меня, дорогой, извините: я имъ позволила; сами не смѣютъ, да и я сюда безъ доклада не смѣю. А мы всѣ по вѣсѣ такъ соскучились! — болтала, трещала безъ-умолку на скверномъ французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ выговоромъ. — Да гдѣ же она? Гдѣ Lise?..

И всѣ ямочки-улыбочки налились вдругъ сладкимъ ядомъ.

— Я, кажется, некстати? Если мѣшаю, вы скажите, мой другъ, не стѣсняйтесь, пожалуйста...

— Что вы, маменька, помилуйте! Lise всегда вамъ рада. Только на минутку вышла въ убѣрную. Да вотъ и она.

Вошла государыня. Императрица-мать поцѣловала ее долгимъ поцѣлуемъ, родственнымъ, съ присасываніемъ и причмокиваніемъ.

— Ну, что? Какъ? Молодцомъ, а? А мы къ вамъ всѣ вмѣстѣ, вечерокъ провести по-семейному... Ахъ, душенька, нельзя такъ близко къ огню! Сколько разъ я вамъ говорила: тутъ окно, тутъ каминъ, а вы на самомъ сквознякѣ,— оттого и простужаетесь.

— Ничего, маменька, я привыкла.

— Нѣтъ, нѣтъ, пересядьте! Вотъ такъ. А шаль гдѣ? Беречься надо. Какъ говорится по-русски: сберегаемаго и Богъ сберегаетъ... Ахъ, да что это, право, милая, — вы какъ будто еще похудѣли? Все огорчаетесь, разстраиваете себя, много думаете, мало кушаете. Сколько разъ я вамъ говорила: надо кушать яйца всмятку. Много, много яицъ: три яйца къ завтраку, три яйца къ обѣду, три яйца къ ужину. И тогда молодцомъ, молодцомъ, вотъ какъ я...

У государыни отъ этой болтовни въ глазахъ темнѣло, лѣвый високъ нылъ привычною болью, и въ головѣ какъ будто стучала, молола кофейная мельница. Но ничего нельзя было сдѣлать: надо застыть, замереть и терпѣть, пока не кончится.

Послышались шаги и голоса въ сосѣдней комнатѣ.

— А вотъ и они! Сюда, сюда, дѣти мои! — закричала маменька.

Великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, великая княгиня Александра Феодоровна, Елена Павловна, Марія Павловна — вошли всѣ вмѣстѣ, гурьбою; перецѣловались, разсѣлись; молчали; только императрица-мать болтала, трещала безъ-умолку. И тщетно государь, думая, какъ бы спровадить гостей, пробовалъ ее остановить.

Всѣмъ было томно, тошно, скучно до одури. Великіе княгини сидѣли, какъ въ воду опущенные; великие князья—чинные, важные, съ вытянутыми лицами. Николай Павловичъ, Никсъ, — прямой, сухой, какъ сосна, съ необыкновено правильными чертами лица, но съ такимъ выраженiemъ какъ будто вѣчно на кого-то дуется: «Аполлонъ, страдающій зубною болью», — сказалъ о немъ кто-то. Михаилъ Павловичъ, Мишель, — добродушный, косолапый увалень, настоящій мишканедвѣдь, умѣющій только плясать подъ боемъ барабана.

— Никсъ, Мишель, гдѣ же вы? — оглянулась на нихъ маменька. — Ахъ, какіе несносные! Вотъ такъ всегда: за боятся въ уголъ и сидятъ буками. Это они васъ боятся Lise! А у меня, въ Павловскѣ, расшалятся, — не уймешь.. Ну, ступайте же, ступайте сюда, кавалеры, занимайте дамъ Alexandre, Elène, бѣдненькия, какіе у васъ мужья нелюбезны!

Оба сразу, какъ по командѣ, встали и вытянулись. Въ присутствіи старшихъ держали себя, какъ два кадета, отпущенные домой изъ корпуса.

— Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? Просто бѣда Совсѣмъ отъ рукъ отбились, — продолжала маменька: — манежъ да разводъ, ничего больше знать не хотятъ. А вѣдь вамъ, дѣти мои, не въ казармѣ жить: надо привыкать къ обществу... Хоть бы вы, Alexandre, поучили ихъ, что ли? Вы, славу Богу, не такъ воспитаны: въ свое время были кавалеръ очаровательный, да и теперь хоть куда. Не правда ли, въ него еще влюбиться можно, Lise? Ну, что вы на меня такъ смотрите? Развѣ я дурное сказала? Ужъ вы меня прощите, дружонъ: я всегда говорю, что думаю. Послѣ тридцати лѣтъ супружества жена, влюбленная въ мужа—это въ наши дни рѣдкость. И пусть другіе смѣются, а я счастлива. Когда я смотрю на счастье дѣтей моихъ, я сама счастлива. Вѣдь мой дорогой Alexandre — все, все для меня! — закатила глаза отъ умиленія.

А государыня уже ничего не слышала; лѣвый високъ слѣпъ нестерпимо, въ головѣ молола кофейная мельница

и лицо ея такъ поблѣдило, что государь боялся, какъ бы ей дурно не сдѣлалось.

— Маменька, Lise, кажется, устала. Доктора велѣли ей пораньше ложиться, — сказалъ и всталъ рѣшительно; понялъ, что безъ него не уйдутъ.

— Ахъ, Боже мой, Lise, правда, мы васъ утомили?

— Нисколько, маменька! Куда же вы? Посидите еще.

— Нельзя: мужъ не велитъ, надо мужа слушаться. А я дуяла, проведемъ вечерокъ вмѣстѣ, поболтаемъ, поиграемъ въ птижѣ. Шараду бы въ лицахъ Никсъ намъ представилъ, ту, что намедни въ Павловскѣ, — мы такъ смѣялись! Онь вѣдь только притворяется букою, а если захочеть, умѣеть быть душою общества. Какъ это, Никсъ? Мое первое—*cor..*

— Точно такъ, маменька: *cor* — охотничій рогъ.

— Да, да, засграль на губахъ, какъ въ рожокъ... Мое второе — *rie...*

— *Rie* — воняетъ, маменька, — подсказалъ Никсъ.

— Да, да, зажаль нось и сморщился, какъ отъ дурнаго запаха... А мое третье — *lance* — копье: замахнулся билліарднымъ кіемъ на старушку Нелидову, такъ что она закричала отъ страха. А мое цѣлое — *cor-pi-lence*—тучность: обвязался подушками и сталъ ходить съ трудомъ, едва ногами двигаясь. Не правда ли, мило?

Государынѣ казалось, что еще минута, и она упадетъ въ обморокъ.

— Ну, пойдемте же, дѣти мои! Надоѣли мы вамъ, Lise, а? Какъ говорится по-русски: незваный гость хуже... хуже чего, Никсъ?

— Хуже татарина, маменька!

— Да, хуже татарина.

И опять на лицѣ всѣ ямочки-улыбочки налились вдругъ сладкимъ ядомъ.

— Прощайте, душенька, — присосалась долгимъ поцѣлуемъ, родственнымъ. — Поправляйтесь же скорѣе, будьте умницей. Молодцомъ, молодцомъ, вотъ какъ я! Помните, яйца всмятку. Много, много яицъ: три яйца къ завтрашнѣи, три яйца къ обѣду, три яйца къ ужину...

Наконецъ ушли; и государь — съ ними, чтобы не обидѣлись.

Оставшись одна, государыня упала на диванъ и долго лежала, закрывъ глаза, не двигаясь, какъ въ обморокѣ. Потомъ позвонила камермѣдхенъ, велѣла снять головной уборъ съ райскою птичкою и подать душистаго уксуса. Мочила виски, нюхала. Все тѣло ныло, какъ избитое палками, и въ головѣ молола кофейная мельница.

Когда легла въ постель и потушила свѣчу, — вспомнивъ разговоръ съ государемъ, ужаснулась: какъ могла повѣрить или сдѣлать видъ, что вѣрить?

Вдругъ поняла такъ ясно, какъ никогда, что онъ гибнетъ, и что она спасти его не можетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ту ночь она плохо спала. Голова болѣла, мучить жаръ, и въ полуснѣ чудилось ей, что выколачиваютъ исполинскіе ковры исполинскими палками: то были пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости, возвѣщавшіе прибыль воды.

Когда поутру затопили каминъ, пошель дымъ.

— Говорила я вамъ, что печи испорчены, — сказала она съ досадою дежурной фрейлинѣ Валуевой.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество: печи исправны, а это отъ вѣтра...

— Отъ вѣтра... отъ вѣтра въ вашей головѣ, сударыня! Я вамъ еще третьяго дня велѣла истопнику сказать.

— Не мнѣ, а мадемуазель Саблуковой.

— Все равно, кому. Вы всегда отговорки находите!

— Чѣмъ же я виновата, помилуйте, ваше величество? Кто что ни сдѣлаеть, все на мою голову! — приготовилась плакать Валуева, и некрасивое, неуменое, птичье лицо ея сдѣлалось еще некрасивѣе. — Мадамъ Питтъ, княжна Волконская, мадемуазель Саблукова — всѣ въ милости. Только я одна, несчастная... Все на меня, все на меня! Я вѣдь знаю, ваше величество меня не изволите жаловать...

Такія сцены повторялись каждый день: фрейлины всѣ перессорились, ревновали императрицу и мучили. Давно уже рѣшила она, что этому надо положить конецъ.

Теперь, при видѣ плачущей Валуевой, хотѣлось ей вскочить, закричать, затопать ногами и выгнать ее воинъ.

Но удержанась и проговорила съ холодною злобою:

— Послушайте, Валуева, я знаю, что глаза у васъ на мокромъ мѣстѣ и что вы плакать умѣете, но я этого больше терпѣть не намѣрена, слышите! Если мой характеръ вамъ не нравится, уходите, пожалуйста,—никто васъ не держитъ. Хороша или дурна,—я не перемѣнюсь для васъ. Находятъ же другіе, что со мной жить можно... Ну, ступайте, истопника позовите.

Валуева вышла, заливаясь слезами.

Пришелъ истопникъ и, осмотрѣвъ каминъ, подтвердилъ, что все исправно, а топить нельзя отъ вѣтра: такая буря, что трубы на крышѣ ломаетъ.

Государыня перешла въ кабинетъ; здѣсь было натоплено съ вечера. Дрожа и кутаясь, но привычнымъ усилемъ воли перемогая ознобъ, напилась чаю и занялась дѣлами Патріотического Общества. Разбирала бумаги; однѣ подпisyvala, другія откладывала, чтобы обсудить ихъ съ Лонгиновымъ, секретаремъ своимъ.

Вспоминая сцену съ Валуевой, стыдилась: за что обидѣла бѣдную дѣвушку? Чѣмъ виновата она, что глупа? И развѣ другія лучше? Не права ли императрица-мать, когда жалуется на ея, государыни, скверный характеръ? Вѣчно не въ духѣ — «злая нѣмка» — оттого и больна.

Думала, какъ бы позвать Валуеву, помириться съ ней. Но та сама вбѣжала.

— Ваше величество, посмотрите, что это?

Государыня взглянула въ окно и глазамъ не повѣрила: вода въ Невѣ поднялась такъ, что почти сравнялась со стѣнкою набережной. Волны вздымались, огромныя, сѣро-свинцовыя, черно-чугунныя, какъ злые чудовища, которыхъ гладятъ противъ шерсти, и они щетинятся. По тому, какъ тучи брызгъ неслись, подобныя пару надъ кипящей водой, можно было судить о силѣ вѣтра.

Люди толпились на набережной. Дѣти смѣялись и прыгали, любуясь, какъ вода сквозь рѣшетки подземныхъ трубъ бѣть фонтанами и заливаетъ мостовую лужами.

Вдругъ всѣ побѣжали; въ одну минуту опустѣла набережная. То тамъ, то здѣсь перехлестывали, переливались волны черезъ гранитную стѣнку, какъ черезъ край водоема,

слишкомъ полнаго. Еще минута—и скрылась подъ водою улица, и волны забились въ стѣну дворца

— Наводненье! Наводненье! — кричала Валуева съ такимъ испугомъ, какъ будто вода сейчасъ вольется въ комнату.

А государыня радовалась тою радостью, которая овладѣваетъ людьми при видѣ ночного пожара, заливающаго темное небо краснымъ заревомъ. Хотѣлось, чтобы вода подымалась выше и выше — все затопила, все разрушила,— и наступилъ конецъ всему.

Вошелъ секретарь Лонгиновъ и рассказалъ свои приключенія: едва не утонулъ; карету залило; онъ долженъ былъ сидѣть на корточкахъ; промочилъ ноги; только — что переобулся; показывалъ, смѣясь, чужіе башмаки, не впору. И дамы смѣялись.

— Ужасное бѣдствіе! Подъ водой уже двѣ трети города, — заключилъ Лонгиновъ. — Я всегда говорилъ: нельзя жить людямъ тамъ, гдѣ могутъ быть такія бѣдствія. Когда-нибудь участь Атлантиды постигнетъ Петербургъ...

Ужасались ахали, охали:

— Бѣдные люди! Сколько несчастій! Сколько жертвъ! А государынѣ казалось, что имъ всѣмъ весело.

Весело смотрѣть, какъ фельдѣгеръ въ почтовой телѣжкѣ (колеса роютъ воду, точно маленькая водяная мельница) остановился, потому что вода вотъ-вотъ подымаетъ телѣжку, какъ лодку; сѣдокъ съ кучеромъ вылѣзли, выпрягли и, держа лошадей за уши, поскакали — поплыли. Весело смотрѣть, какъ мужикъ лѣзеть на фонарный столбъ; расшатанный напоромъ вѣтра и волнъ, деревянный столбъ качается; мужикъ, сорвавшись, падаетъ; нырнуль, вынырнуль; бѣжать, плыть, — должно-быть, утонстъ. А вонъ собака на крышѣ будки, поднявъ морду, воетъ. За двойными рамами оконъ звуковъ не слышно — ни рева бури, ни шума волнъ, ни криковъ о помощи, какъ будто мертвое молчанье — надъ мертвую пустынѣй воду. Отъ зимняго дворца до крѣпости — одинъ кипящій, клокочущій, бушующій омутъ, гдѣ несутся барки, лодки, галіоты, плоты, заборы, крыши, гауптвахты, рыбные садки, бревна, доски,

бочки, тюки товаровъ, трупы животныхъ и кресты съ могилъ размытаго кладбища.

Шесть градусовъ выше нуля, а барометръ опустился, какъ во время грозы.

Свѣтъ — темный, какъ у человѣка передъ обморокомъ, когда въ глазахъ темнѣеть; похоже на свѣтопреставленіе; иногда выглянетъ солнце сквозь тучи, какъ лицо покойника сквозь кисею гробовую, — и тогда еще больше похоже на кончину міра.

У государыни лихорадка прошла. Она чувствовала себя бодрою, сильною, легкою, какъ въ дѣтствѣ, во время самыхъ буйныхъ игръ. А иногда казалось ей, что вода опустится войдетъ въ берега, и будетъ все опять, какъ было — та же скуча, пошлость и уродство жизни, тѣ же глупыя сцены съ Валуевой, разговоры съ императрицей-матерью, дѣла Патріотического Общества. И становилось жалко чего-то озинбъ пробѣгалъ по тѣлу, ноги безсильно подкашивались и вся она опять — больная, слабая, старая.

— Ну, Николай Михайлычъ, у насъ много дѣла, — говорила секретарю.

Онъ читалъ ей докладъ, и она слушала, стараясь не думать о наводненіи.

Но Валуева кричала:

— Смотрите, смотрите, ваше величество! Вонъ уже гдѣ!

И опять — ужасъ и радость конца.

— Пойдемте въ угольную, тамъ лучше видно, — предложила государыня.

Проходя коридоромъ, услышали крикъ:

— Утонули! Утонули! Свѣтики, родимые!..

Степанида Петровна Голяшкина, камер-лакейская вдова, старуха лѣтъ восьмидесяти, плакала въ толпѣ дворцовыхъ служителей.

— Ваше величество, государыня — матушка, смилийтесь! Приказать извольте лодку!.. — закричала, увидѣвшая императрицу и повалившись ей въ ноги.

Не могла говорить. Занесъ сбъяснили другіе, что Голяшкиной дочь за аудиторскимъ чиновникомъ замужемъ, въ Че-

кушахъ живетъ, на Васильевскомъ островѣ, въ маленькомъ домишкѣ, на самомъ берегу Невы; тамъ теперь все уже залило, потому что мѣсто низкое; поутру отецъ уходитъ въ должность, мать — на рынокъ; люди — бѣдные, не могутъ держать прислуги; уходя, запираютъ двухъ дѣтей своихъ, мальчика и дѣвочку, однихъ въ домѣ. Вотъ и боится бабушка, чтобы внучки не утонули.

— Нельзя ли лодку? — сказала государыня Лонгинову.

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, — заговорилъ сѣдой, степенный камерь-лакей. — Сама не знаетъ, что говоритъ. Ума лишившись отъ горя. Какія тутъ лодки! Кто повезетъ? Да и всѣ ужъ, чай, разосланы... Ну, полно, Петровна, можетъ, еще и живы. Молиться надо. Пойдемъ-ка бабушка, не докучай государынѣ...

Старуху увели подъ руки; но долго еще слышался крикъ ея, и, какъ будто въ одномъ этомъ крикѣ соединились всѣ безчисленные вопли погибающихъ, — государыня вдругъ поняла, что происходитъ.

— Ступайте, Николай Михайлычъ, узнайте, гдѣ государь.

Лонгиновъ хотѣлъ было что-то сказать, но она закричала:

— Ступайте же, ступайте, дѣлайте, что вамъ велять! Вошла въ угольную и стала смотрѣть въ окно.

На Невѣ, противъ Адмиралтейской набережной, тощула плоскодонная барка, флашкотъ Исаакіевского моста. Водою подняло мостъ, какъ гору, и разорвало на части; онѣ понеслись въ разныя стороны; на тонущемъ флашкотѣ люди, какъ муравьи, сновали, копошились, бѣгали. Государыня узнала плывшій къ нимъ на помощь дежурный восемнадцативесельный катеръ гвардейского экипажа, стоявшій всегда у дворца на Невѣ. Въ блесковато-мутной мглѣ урагана волны играли лодкою, какъ орѣховой скорлупкою,—вотъ-вотъ опрокинется и пойдетъ ко дну. Что если тамъ государь?

А Лонгиновъ пропалъ. Не послать ли Валуеву? Да иѣть, глупа, — ничего не сумѣеть.

Молоденький офицеръ пробѣгалъ черезъ комнату. Выможь весь, — должно-быть, только что быль по поясъ въ

водѣ. Простое, милое, какъ у деревенскихъ мальчиковъ, лицо его посинѣло отъ холода; а въ глазахъ былъ радостный ужасъ, который испытывала давеча сама государыня. Увидѣвъ ее, остановился и отдалъ честь.

— Не знаете ли, гдѣ государь?

— Не могу знать, ваше величество, — отвѣтилъ онъ, стуча зубами и стараясь удержать улыбку.—Кто говоритъ,—здѣсь, во дворцѣ, а кто — съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ на катерѣ.

— Ну, хорошо, ступайте.

Онъ побѣжалъ, оставляя на паркетѣ лужицы.

Наконецъ вернулся Лонгиновъ

— Никто ничего не знаетъ. Просто бѣда! Толку не добѣешься. Всѣ потеряли голову, мечутся какъ угорѣлые...

— Ахъ, Николай Михайловичъ, нельзя же такъ! — воскликнула она со слезами въ голосѣ. — Боже мой, Боже мой!.. Ну, такъ я сама, если вы ничего не умѣете...

— Ваше величество...

— Ступайте за мной!

И всѣ трое побѣжали, — государыня, Валуева, Лонгиновъ.

Встрѣтили камердинера Мельникова. Онъ тоже не зналъ, гдѣ государь.

— Сами ищемъ. Ея величество, государыня императрица Марія Феодоровна очень беспокоиться изволятъ. Никакъ найти не можемъ, — говорилъ Мельниковъ, хлопая себя по ляжкамъ съ такимъ видомъ, какъ будто пропала иголка.

— Дуракъ! — воскликнула государыня по-французски и побѣжала дальше.

Генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ немного успокоилъ ее, сообщивъ, что государя видѣли внизу, на Комендантской лѣстницѣ. Чтобы попасть туда, надо было пробѣжать множество комнатъ.

Дворецъ напоминалъ разрытую кочку муравейника: люди бѣгали, кишали, суелились, метались, сталкивались, скорились, ругались, кричали и не понимали другъ друга.

Государынѣ казалось, что все это уже было когда-то во снѣ: такъ же лазила она по нескончаемымъ лѣстницамъ, искала государя, не находила — и никогда не найдеть.

Солдаты носили по лѣстницѣ изъ залитыхъ комнатъ оточеную штофную мебель, картины, вазы, люстры, зеркала и кухониую посуду, домашнюю рухлядь дворцовой еляди. Великанъ съ добродушнымъ лицомъ, нагнувшись, какъ Атласъ, подъ тяжестью, тащилъ на спинѣ огромныйованый сундукъ, на немъ кровать съ подмоченной периною, въ зубахъ держалъ клѣтку съ чижикомъ.

По одному изъ коридоровъ нельзя было пройти. Слышался топотъ копытъ и ржанье. Лонгиновъ ступилъ въ назъ: коридоръ превращенъ былъ въ конюшню. Лошадей стихой княгини Маріи Павловны, стоявшихъ на Дворцовой площади, выпрягли и втащили сюда, въ первый этажъ, тебѣ спасти отъ воды.

На крутой и темной лѣстницѣ кто-то крикнулъ снизу рубымъ голосомъ, не узнавъ государыни:

— Куда лѣзете? Ходу нѣтъ: вода.

И почудилось ей, что невидимыя струйки въ темнотѣ спечутъ, плещутъ, какъ будто сговариваясь о чёмъ-то розномъ, — тоже какъ во снѣ.

Какие-то люди приносили что-то завернутое въ бѣлое.

— Что это? — спросила государыня.

— Утопленница, — отвѣтили носильщики.

Валуева взвизгнула, готовая упасть въ обморокъ: боялась покойниковъ.

Когда прибѣжали на Комендантскую лѣстницу, то узнали, что государь здѣсь давеча былъ, но ушелъ въ Эрмитажъ,ѣ съ Милліонной большое судно прибило. Надо было бѣжать наверхъ по тѣмъ же лѣстницамъ, а по дорогѣ опять го-то крикнулъ, что государя иѣтъ во дворцѣ — только ѿ уѣхалъ на катерѣ.

Пробѣгая черезъ собственные покои, государыня уви-ѣла столъ, накрытый къ завтраку, и удивилась, что можно ть. Но Лонгиновъ успѣлъ захватить хлѣбецъ съ ломти-емъ сыру и на бѣгу закусывалъ.

Въ большихъ парадныхъ залахъ все еще было спокойніе. За окномъ — кончина міра, а у окна два старичка камея гера уютно бесѣдуютъ о новомъ балетѣ *Зефиръ и Флора*.

Увидѣвъ государыню, склонили почтительно лысыя головы.

Эти спокойныя лица ее утѣшили было; но тотчасъ подумала: «такія лица у такихъ людей будуть и при кончинѣ міра».

Въ голубой гостиной великая княгиня Александра Федоровна и фрейлина Плюскова стояли на диванѣ, подбравъ юбки.

— Ай! Ай! — визжала фрейлина. — Я сама видѣла ваше высочество: тутъ ихъ множество! По стѣнкѣ ползутъ.

— Что такое?

— Крысы, ваше величество! Да какія злющія... Едва меля не укусили за ногу.

Балуева тоже взвизгнула и вскочила на диванъ: боялась крысъ не меньше покойниковъ.

— Снизу бѣгутъ, изъ подваловъ да погребовъ,—шамкал старичокъ, сгорбленный, сморщенный, облѣзлый весь и как будто заплѣсневѣлый, похожій на мокрицу, отставной камер-фурьеръ Изотовъ.

— Въ бывшее 777 лѣта наводненіе тоже крысъ да мыши по всему дворцу столько размножилось, что блаженно памяти покойная государыня императрица Екатерина Алексѣевна мышеловки сами ставить изволили...

— Вы то наводненіе помните? — сказала государыня, которая хотѣла и не могла вспомнить что-то.

— Точно такъ, ваше величество! И лѣта 755, ноября 18, и 762, августа 25, и 764, ноября 20, — вся наводнія помню. Самъ тонулъ, и батюшка, и дѣдушка. Оттого воды и боюсь: отъ огня убѣжишь, а отъ воды кудѣнешься?

Помолчалъ и опять зашамкалъ про себя, точно забрдиль:

— Старики сказываютъ, — на Петербургской Сторонѣ у Троицы, ольха росла высокая, и такая тутъ вода был

їѣть за десѧть до построенія города, что ольху съ верхушкою
валило, и было тогда прорицаніе: какъ вторая-де вода такая же
будетъ, то Санктъ-Петербургъ конецъ, и мѣсту сему быть
пусту. А государь императоръ Петръ Алексѣевичъ, какъ
вѣдали о томъ, ольху срубить велѣли, а людей прорицаю-
щихъ казнить безъ милости. Но только слово то истиною,
то Писанію: не увидѣша, дондеже прииде вода и взять вся...

Съ вѣщими ужасомъ слушали всѣ, и казалось возмож-
нымъ пророчество: тамъ, гдѣ былъ Петербургъ, — водная
ладь съ двумя торчащими, какъ мачты кораблей затоплен-
ыхъ, шпицами, Адмиралтейскимъ и Петропавловскимъ.

Вдругъ вспомнила государыня и то другое, забытое про-
рочество: 1777 годъ — годъ рожденія государева; тогда на-
одненіе было великое, и такое же будетъ въ годъ смерти его

Въ комнату вѣжала императрица-мать.

— Lise! Lise! Гдѣ онъ? Гдѣ государь?

— Не знаю, маменька, сама ищу...

— Herr Jesu! Что жъ это такое?.. А Никсъ, бѣдняжка,
амъ, въ Аничковомъ, и не знаетъ, гдѣ мы, чтѣ съ нами. Мож-
етъ-быть, утонули, — думаетъ. И послать некого. Никто
ничего не слушаетъ, всѣ насъ покинули... И что вы тутъ
тоите? Бѣжимте же, бѣжимте скорѣй къ государю!

Всѣ побѣжали. Одинъ старичокъ Изотовъ остался и
замкаль, точно бредилъ:

— Мѣсту сему быть пусту, быть пусту...

Когда бѣжали по заламъ, выходившимъ на Дворцовую
площадь, послышался трескъ, какъ отъ разбитаго стекла;
вери захлопали, и завыль, засвистѣль, загудѣль сквознякъ
еистовый. Такова была сила бури, что желѣзные листы,
орванные съ крышъ и свернутые въ трубку, какъ бумага,
осились по воздуху; одинъ изъ нихъ ударился въ оконное
текло и разбилъ его вдребезги.

Императрица-мать остановилась, вскрикнула и по-
ѣжала назадъ. Всѣ — за нею, кромѣ государыни; никто
не замѣтилъ, что она осталась одна. Вздуваемая вѣтромъ
ашавѣсь въ дверяхъ, окутавъ ее, едва не сбила съ ногъ.

Когда она вбѣжала въ сосѣднюю комнату, то увидѣла разбитое стекло; осколки еще сыпались; пахнущій водою вѣтеръ врывался въ окно. И въ шумѣ близкихъ волнъ, и въ вѣтре урагана чудился вопль утопающихъ.

Оглянулась, увидѣла, что всѣ ее покинули; почти безъ памяти упала въ кресло и закрыла глаза.

Когда очнулась, графъ Милорадовичъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, говорилъ ей что-то, но она не слышала.

— Гдѣ государь? — спросила уже безъ надежды, только по привычкѣ повторять эти слова.

— Здѣсь, рядомъ, въ Бѣлой залѣ, ваше величество Проводить прикажете?

— Прошу васъ, графъ, воды.

Онъ засуетился, отыскивая воду, не нашелъ и побѣжалъ было въ сосѣднюю комнату.

— Нѣтъ, не надо, — остановила она. — Пойдемте.

— Воды слишкомъ много, а нѣтъ воды! — пошугуя онъ съ любезностью и, молодцевато изгибаясь, расшаркиваясь позывая шпорами, какъ на балу, подалъ ей руку

У него была походка танцующая и одно изъ тѣхъ лицъ которыхъ какъ будто вѣчно смотрятся въ зеркало, радуясь «какой молодецъ!»

И какъ это иногда бываетъ въ минуту смятенія, пришелъ государыня на память глупый анекдотъ: любитель мазурки, графъ учился танцевать у себя одинъ въ кабинетѣ выдѣлывая па передъ зеркаломъ, разбилъ его ударомъ головы и порѣзался такъ, что долженъ былъ носить повязку

Идучи съ ней, говорилъ о потопѣ, какъ о забавномъ приключеніи, въ родѣ дождика во время увеселительной прогулки съ дамами.

— Всѣ кричатъ: ужасъ! ужасъ! А я говорю: помилуйте господа, намъ ли, старымъ солдатамъ, тонувшимъ въ крови бояться воды?

Вошли въ Бѣлую залу.

За столомъ, у стеклянной двери, выходившей на Неву сидѣлъ государь, согнувшись, сгорбившись, опустивъ го-

лову и полузакрывъ глаза, какъ человѣкъ очень усталый, которому хочется спать.

Въ началѣ наводненія, хлопоталъ, какъ всѣ, бѣгалъ, суетился, приказывалъ. Когда никто не рѣшалсяѣхать на катерѣ, — хотѣлъ самъ; но Бенкендорфъ не допустилъ до этого, тутъ же, на глазахъ его, снялъ мундиръ,—пошелю въ водѣ, добрался до катера и уѣхалъ. Заnimъ—другое, и никто не возвращался. Всѣ сообщенія были прерваны. Дворецъ—какъ утесъ или корабль среди пустынаго моря. И государь понялъ, что ничего нельзя сдѣлать.

Не замѣтилъ, какъ вошла государыня. Она не смѣла подойти къ нему и смотрѣла на него издали. Въ обмороно-темномъ свѣтѣ дня лицо его казалось мертвенно-блѣднымъ. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, въ немъ было то, что замѣтила Софья, — кроткое, тихое, тяжкое, подъяремное: «тленочекъ бѣленький», агнецъ безгласный, жертва, которую ведутъ на закланіе; и еще что-то другое, — то самое, что промелькнуло въ немъ вчера, когда государыня говорила съ nimъ о Тайномъ Обществѣ: лицо человѣка, который сходитъ съ ума, знаетъ это и боится, чтобы другіе не узнали.

Глупымъ казался ей давешній страхъ: здѣсь, въ безопасной комнатѣ, страшилъ за него, чѣмъ въ волнахъ бушующихъ. Теперь уже не сомнѣвалась, что онъ вчера не сказалъ ей всего, утаилъ самое главное.

Оберъ-полицеймейстеръ Гладковъ доносилъ государю о томъ, что происходитъ въ городѣ.

На Петербургской Сторонѣ, на Выборгской и въ Коломенѣ, гдѣ почти всѣ дома деревянные, — снесены цѣлые улицы. Въ Галерной гавани вода поднялась до 16 футовъ, и тамъ почти все разрушено.

Государь слушалъ, но какъ будто не слышалъ.

Черезъ каждыя пять минутъ подходили къ нему, одинъ за другимъ, флигель-адъютанты, донося о прибыли воды.

Однинадцать футовъ два дюйма съ половиною. Шесть дюймовъ. Восемь. Девять. Десять съ половиною.

Теперь уже на 2 фута 4 дюйма — выше, чѣмъ въ 1777 году. Такой воды никогда еще не было съ основанія города.

Былъ третій часъ пополудни.

— Если вѣтеръ продолжится еще два часа, то городъ погибъ, — сказалъ кто-то.

Государь услышалъ, поднялъ голову, перекрестился, и все — за нимъ. Наступила тишина, какъ въ комнатѣ умирающаго. Въ стоявшей поодаль толпѣ дворцовыхъ служителей кто-то всхлипнулъ.

— Покаралъ настъ Господь за наши грѣхи!

— Не за ваши, а за мои, — сказалъ государь тихо, какъ будто про себя, и опустилъ еще ниже голову

— Lise, вы здѣсь, а я и не зналъ, — увидѣлъ, наконецъ, государыню и подошелъ къ ней. — Что съ вами?

— Ничего, устала немного, бѣгала, искала васъ...

— Ну, зачѣмъ? Какая неосторожность! Вездѣ сквозняки, а вы и такъ простужены

Бережно поправилъ на ней плащъ, гдѣ-то на бѣгу начинутый. И отъ мысли, что онъ можетъ о ней беспокоиться въ такую минуту, она покраснѣла, какъ влюбленная дѣвочка.

— Вотъ какое несчастье, Lise, — проговорилъ онъ съ той жалобной, какъ будто виноватой, улыбкой, которая бывала у него часто во время послѣдней болѣзни. — Помните въ Писаніи: *страшно впасть въ руки Бога живаго...*

Хотѣлъ сказать еще что-то, но почувствовалъ, что все равно не скажеть самаго главнаго, — только повторилъ шопотомъ:

— Страшно впасть въ руки Бога живаго.

Кто-то указалъ на Неву. Всѣ бросились къ окнамъ. Тамъ несся плотъ, а за нимъ — огромный сельдянай буянъ, сорванный бурею, — вотъ-вотъ настигнетъ и разобьетъ. Люди на плоту, одни стояли на колѣняхъ, — должно-быть, молились; другие, протягивая руки къ берегу, звали на помощь.

Государь велѣлъ открыть дверь на балконъ и вышелъ. Можетъ-быть, погибавшіе увидѣли его. Ему показалось, что сквозь вой урагана онъ слышитъ ихъ вопль. Но буянъ столкнулся съ плотомъ, и люди исчезли въ волнахъ. Государь закрылъ лицо руками.

Вернулся въ комнату, опять сѣлъ, какъ давеча, согнувшись, сгорбившись, опустивъ голову. Слезы текли по лицу его, но онъ ихъ не чувствовалъ.

Въ началѣ наводненія флигель-адъютантъ, полковникъ Германъ, отправленъ былъ изъ дворца въ Коломну, въ казармы гвардейскаго экипажа для разсылки лодокъ. Онъ провелъ весь день въ спасаніи утопающихъ. Проѣзжая по Торговой улицѣ, усталый, продрогшій и вымокшій, вспомнилъ, что здѣсь живеть его пріятель, князь Одоевскій, и заѣхалъ къ нему напиться чаю. Отдохнувъ, предложилъ хозяину и гостю, князю Валерьяну Михайловичу Голицыну, поѣхать съ нимъ на лодкѣ.

Наступали раннія сумерки; фонарь нельзя было зажечь, и скоро затонувшій городъ погрузился въ ночную тьму; казалось, что это послѣдняя ночь, отъ которой не будетъ разсвѣта.

По Офицерской, Крюкову каналу и Галерной выѣхали на Сенатскую площадь.

Здѣсь еще сильнѣе выла буря, а надъ бѣлѣющей во мракѣ пѣною возвышался памятникъ: на бронзовомъ конѣ гигантъ съ протянутой рукой. И нельзѧ было понять, что значитъ это мановенѣе: укрощаетъ или подымаетъ бурю?

Въ это же время съ другой стороны подъѣхалъ катерь генерала Бенкендорфа съ пылающимъ факеломъ. Красные блески, черныя тѣни упали на Мѣднаго Всадника, и какъ будто ожиль онъ, задвигался. Гранитное подножье залило водою; черная вода, освѣщенная краснымъ огнемъ, стала какъ кровь. И казалось, онъ скакетъ по кровавымъ волнамъ.

Голицынъ смотрѣлъ въ лицо его, и вдругъ почудилось ему въ шумѣ волнъ и въ воѣ бури клики возстанія народнаго.

Вспомнилось, какъ стоялъ онъ здѣсь, полгода назадъ, ѿ Пестелемъ, и, думая, о Тайномъ Обществѣ, спрашивалъ:

— Съ нимъ или противъ него?

И теперь, какъ тогда, отвѣта не было.

Но вѣщій ужасъ охватилъ его, какъ будто все это уже было когда-то, — было и будетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ наводненія сразу начались морозы. Дома, уцѣльвшіе отъ воды, сдѣлались необитаемы отъ холода; промокшія стѣны обледяниѣли, покрылись инеемъ, а топить нельзя, печи водою разрушены, и воду нельзя откачивать,—замерзла. Люди погибали безъ одежды, безъ крова, безъ пищи. А въ Невѣ каждый день подымалась вода, угрожая новымъ бѣдствіемъ. Казалось, Самимъ Богомъ обреченъ на гибель злополучный городъ.

Государь посѣтилъ наиболѣе пострадавшія мѣстности—Коломну, Васильевскій островъ, Гавань, Чугунный заводъ.

— Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, но это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ,—говорилъ онъ спутникамъ.

Зашелъ однажды, въ церковь на Смоленскомъ кладбищѣ. Во всю ширину ея стояли гробы съ тѣлами утопленниковъ. Онъ заплакалъ и весь народъ—съ нимъ.

Учредили комитетъ для пособія пострадавшимъ отъ наводненія. Рассказывали чувствительные анекдоты: о бѣдной старушкѣ, отказавшейся отъ шубы при раздаче теплого бѣлья: «я свою шубенку спасла, а мнѣ чулочки пожалуйте»; о добродѣтельномъ чиновникѣ Ивановѣ, хоронившемъ бѣдныхъ на свой счетъ; о младенцѣ, приплывшемъ въ сахарномъ ящикѣ къ старому холостяку, который взялъ дитя на воспитаніе.

А также—анекдоты веселые; въ одномъ домѣ окотившаяся кошка перенесла котятъ на ту именно ступеньку лѣстницы,

гдѣ остановилась вода; въ подвалѣ Публичной библіотеки заплылъ сигъ, и библіотекарь Иванъ Андреевичъ Крыловъ поймалъ его, зажарилъ и съѣлъ: прѣѣзжій баринъ думалъ, что сошелъ съ ума, когда, вставъ поутру, увидѣлъ полицеймейстера Чихачева, плывущаго въ лодкѣ по двору; а графиня Толстая такъ разсердилась за наводненіе на Петра I, что, проѣзжая мимо памятника его, высунула языкъ.

Цензурой запрещено было печатать о наводненіи что бы то ни было, и въ Москвѣ увѣряли, что вода поднялась выше Адмиралтейского шпица. Въ простомъ народѣ шли толки, что Божій гнѣвъ постигъ столицу за воинныя поселенія и звѣрства помѣщиковъ.

О. Феодосій Левицкій проповѣдывалъ, что наводненіе— «не простое и слѣпое дѣйствіе натуры, но, собственно, ударъ праведнаго суда Божія, воздающаго намъ по дѣламъ нашимъ, поелику не видно со стороны правительства ни малаго движенія къ покаянію». Два фельдъегеря явились ночью къ о. Федосу, усадили его въ телѣжку и увезли, неизвѣстно куда: оказалось потомъ—въ Коневецъ на Ладожскомъ озерѣ.

Наконецъ Нева стала. Тамъ, гдѣ бушевали волны потопа, бѣлѣло теперь снѣжное поле, скрипѣли возы, на конькахъ бѣгали дѣти, плясалъ на морозѣ, ударяя валенкомъ о валенокъ, веселый сбітенщикъ, и чухны съ кудластыми клячами везли съ прорубей колотый ледъ, сверкавшій на солнцѣ прозрачно-зелеными глыбами.

Намело сугробы по улицамъ; дребезжаніе дрожекъ смѣнилось беззвучнымъ бѣгомъ саней, и все вдругъ затихло, заглохло, замерло, только сиѣгъ хрустѣль подъ ногами проходихъ, и голоса раздавались на улицѣ, какъ въ комнатѣ.

Петербургъ сталъ похожъ на глухую деревню, занесенную выюгами. Уснуль, какъ дитя въ колыбели подъ бѣлымъ пологомъ; какъ мертвѣцъ въ могилѣ подъ бѣлымъ саваномъ. И тишина колыбельно-могильная сладостно-жутко баюкала.

Государыня была больна: какъ простудилась во время наводненія, такъ и не могла поправиться. Доктора опасались чахотки. «Та же болѣзнь, что у Софы,—думалъ

государь:—две загнанных лошади; одна пала, и другая падетъ».

Онъ проводилъ съ нею цѣлые дни. Доктора запретили ей говорить: отъ разговора кашляла. Говорилъ онъ, а она писала отвѣты.

Разговоръ о Тайномъ Обществѣ, въ тотъ вечеръ наканунѣ наводненія, прерванный не возобновлялся у нихъ. Но когда она смотрѣла на него глазами загнанной лошади, онъ зналъ, о чёмъ она думаетъ. И оба молчали. Тихо въ комнатѣ, тихо на улицѣ—тишина колыбельно-могильная.

Онъ оставилъ всѣ дѣла: они казались ему ничтожными, какъ будто во время наводненія понялъ онъ бессилье власти. Той страшной смертной лѣни, съ которой прежде боролся, предался теперь окончательно; похожъ была на пловца изнеможеннаго, уносимаго теченiemъ къ омуту.

Новому министру народнаго просвѣщенія, Александру Семеновичу Шишкову—за восемьдесятъ. Сѣдъ, какъ лунь, лицо мертвенно-блѣдное, глаза впалые; голова трясется; жуётъ губами, шамкаетъ. Однажды, явившись къ государю съ докладомъ, не могъ отпереть портфель,—такъ дрожали руки отъ слабости. Государь помогъ ему, вынулъ бумаги и прочелъ ихъ самъ.

Шишковъ былъ изувѣръ въ политикѣ. Сочиненный имъ цензурный уставъ называли «чугуннымъ», его самого—«гасильникомъ», а министерство просвѣщенія—«министерствомъ затменія».

— Доклады его были сплошными доносами.

— Такъ называемый духъ времени есть духъ безбожья, духъ революціи, духъ, истребленьемъ и убийствами дышащей, отъ коего гибнетъ власть, умолкаетъ законъ, потрясаются престолы и кровавое буйство свирѣпствуетъ. Опасность сія ужаснѣе пожара и потопа...

Шамкаетъ, шамкаетъ, пока не замѣтитъ, что государь не слушаетъ, тогда опустить голову, помолчить, пожуешь и вдругъ захнычешь жалобно:

— Государь всемилостивѣйшій! трудно мнѣ, старику, нести на плечахъ столь тяжкое бремя; чувствуя, что упаду

подъ иимъ. Духъ времени взялъ силу: вездѣ—въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ — сей духъ находитъ защиту. Что дѣлать? Головой стѣну не прошибешь... Богъ доселѣ хранилъ Россію, но, кажется, нынѣ рука Его тяготѣетъ на насъ. Быть худу, быть худу...

Каркаетъ, каркаетъ, и отъ этого карканья еще темнѣе темные зимніе дни, и тишина колыбельно-могильная еще усыпительнѣе.

Военный министръ Татищевъ, министръ юстиціи Лобановъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской — всѣ такіе же старые, дряхлые, похожіе на призраки.

«И вотъ кому отданы судьбы Россіи,— думалъ государь:— какою молодостью началъ, какою старостью кончаетъ!»

А въ народѣ не прекращались слухи о зловѣщихъ знаменіяхъ: то колокола на церквахъ сами звонили похороннымъ звономъ; то неизвѣстная птица прилетала ночью на крышу дворца и выла жалобно; то рождались уроды: младенецъ съ рыбьимъ хвостомъ, теленокъ съ головой человѣческой.

Въ концѣ февраля сдѣлалась оттепель; потемнѣлъ тлѣющій сиѣгъ, закапало съ крыши, ледъ загрохоталъ изъ водосточныхъ трубъ, пугая прохожихъ; зашлепали лошади въ зловонной слякоти. Люди стали умирать, какъ мухи, отъ гнилыхъ горячекъ. Поползли туманы черно-желтые, и все что-то мрежило, мрежило, пока не вышло изъ тумановъ смѣшное страшилище—попъ съ рогами.

Сначала у Троицы, во время обѣдни, выставилъ онъ морду изъ царскихъ вратъ и заблеялъ по-коэлиному; потомъ видѣли его у Николы Морского и, наконецъ, въ Казанскомъ соборѣ. Толпа собралась на площади. Полицей-мейстеръ Чихачевъ убѣждалъ разойтись, но толпа не расходилась и напирала на двери собора; увѣренность, что тамъ прячутъ попа съ рогами, усиливалась тѣмъ, что двери были заперты и охранялись полиціей, а духовенство не выходило; говорили, будто бы самъ митрополитъ служить молебствіе, дабы Господь помиловалъ попа и роги у него отпали.

Въ черно-желтомъ туманѣ, въ темномъ свѣтѣ ночного дня все было такъ призрачно, что и этотъ призракъ казал-

ся дѣйствительнымъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы кто-то ис пустилъ слухъ, что попа увезли подземнымъ ходомъ.

А на слѣдующій день собралось еще больше народа у Невской лавры. Попа уже многіе видѣли; одни увѣряли, будто онъ опохожъ на Аракчеева, другіе—на Фотія. Монахи заперли ворота, а толпа шумѣла, чтобы отперли.

— Да что, братцы, смотрѣть? Сами отворимъ, тащи лѣстницу!—крикнулъ кто-то.

Но появилась рота солдатъ, и всѣ разбрѣжались. А вечеромъ стало извѣстно, что во многихъ сосѣднихъ домахъ сбоворовано, пока прислука бѣгала смотрѣть попа.

Изъ Петербурга попъ исчезъ, зато началъ являться въ другихъ городахъ Россійской имперіи.

Когда доложили о томъ государю, сначала Шишковъ, а затѣмъ оберъ-полицеймейстеръ Гладковъ съ такимъ видомъ, какъ будто начиналась революція, государь вышелъ изъ себя, обругалъ Гладкова старою бабою и велѣлъ изслѣдовать дѣло Аракчееву.

Оказалось, что попъ съ рогами—не пустая выдумка. Въ глухомъ украинскомъ селеніи одинъ священникъ убилъ козла и надѣлъ шкуру съ рогами, чтобы нарядиться чортомъ «для содѣланія нѣкоего неистовства». Клейкая шкура присохла къ тѣлу, и, думая, что она приросла, попъ взвылъ отъ ужаса. Сбѣжался народъ; слухъ дошелъ до начальства; произведено слѣдствіе, дѣло поступило въ Синодъ, а оттуда молва разнеслась по городу.

Только что попъ исчезъ, появилось новое чудо: каждый день игла Петропавловской крѣпости начала свѣтиться краснымъ свѣтомъ; думали, заря, но и въ облачные дни былъ свѣтъ. Государь собственными глазами видѣлъ: игла свѣтилась, какъ будто лезвее тонкаго ножа висѣло на темномъ небѣ, кровавое. Причина свѣта такъ и осталась неизвѣстной; только много времени спустя узнали, что на пустырѣ, близъ крѣпости, обжигали извѣсть, и свѣтъ изъ устья печи, заслоняемый домами и заборами, падалъ прямо на шпицъ.

А начальникъ тайной поліції фонъ-Фокъ заваливалъ государя доносами.

Среди бѣлага днѧ на Невскомъ проспектѣ кто-то кому-то сказалъ: «скоро будетъ революція!» — сыщикъ бросился ловить злоумышленника, но тотъ исчезъ въ толпѣ. По другому доносу, предлагалось ставить на ночь караулы у всѣхъ колоколенъ, «дабы нельзя было ударить въ набатъ, подавая тѣмъ сигналъ къ революціі». А въ грамматическихъ таблицахъ сочинителя Греча для взаимного обученія нижнихъ чиновъ найдены возмутительныя изреченія: «Императрица—перепелица. Гдѣ сила, тамъ законъ—ничто. Сила солому ломить. Воды и царь не уйметъ». Таблицы запрещены, и Гречъ отданъ подъ надзоръ поліції.

Когда же государь узналъ, что и самъ Аракчеевъ состоитъ подъ тѣмъ же надзоромъ, то подумалъ, что фонъ-Фокъ помѣшался, хотѣль было разсердиться, но махнулъ рукою: «дѣлайте, что знаете».

Никто не смѣлъ говорить съ нимъ о Тайномъ Обществѣ, а ему казалось, что всѣ о немъ знаютъ и, думая, что онъ отъ страха ничего не дѣлаетъ, смеются надъ нимъ.

«Подозрительность его доходила до умоизступленія,— рассказывала впослѣдствіи Марья Антоновна Нарышкина:— достаточно ему было услышать смѣхъ на улицѣ или увидѣть улыбку на лицѣ одного изъ придворныхъ, чтобы вообразить, что надъ нимъ смеются».

Однажды вечеромъ, когда у Марии Антоновны сидѣла кузина ея, прѣзжая молоденькая полька, и подали чай, государь налилъ одну чашку хозяйкѣ, другую—гостьѣ. А Марья Антоновна шепнула ей на ухо:

— Когда вы вернетесь домой, то будете, конечно, гордиться тѣмъ, кто наливалъ вамъ чай?

— О, да, еще бы!—отвѣтила та.

Государь, по глухотѣ, не слышалъ, но видѣлъ, что они улыбаются, и тотчасъ нахмурился, а оставшись наединѣ съ Нарышкиной, сказалъ:

— Видите, я всюду дѣлаюсь смѣшинымъ... И вы, и вы, мой старый другъ, которому я вѣрилъ всегда, не можете

удержаться отъ смѣха! Скажите же мнѣ, ради Бога, скажите что во мнѣ смѣшного?

Генераль-адъютанты Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя у окна, во дворцѣ, и рассказывая анекдоты, смѣялись. Вдругъ вошелъ государь; они перестали, но на лицахъ еще виденъ былъ смѣхъ. Государь взглянулъ на нихъ и прошелъ, не останавливаясь, а черезъ нѣсколько минутъ послалъ за Киселевымъ. Тотъ, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ, что государь стоитъ передъ зеркаломъ и вертится, оглядывая себя то съ одной, то съ другой стороны.

— Надѣ чѣмъ вы смѣялись? Что во мнѣ смѣшного?

Киселевъ остолбенѣлъ и едва могъ пролепетать, что не понимаетъ, о чёмъ государь изволитъ спрашивать.

— Ну, полно, Павелъ Дмитріевичъ,—продолжалъ тотъ ласково:—я же видѣлъ, что вы надо мною смѣялись. Скажи правду, будь добрымъ: нѣтъ ли сзади моего мундира чего нибудь смѣшного?

Иногда снился ему гадкій сонъ: будто гдѣ-то на балу или на дворцовомъ выходѣ онъ—въ полномъ мундирѣ съ Андреевской лентой черезъ плечо, но безъ штановъ всѣ на него смотрятъ, и онъ чувствуетъ, что осрамился навѣки: такое же чувство было у него теперь наяву.

Не только въ лицахъ человѣческихъ, но и во всѣхъ предметахъ что-то подсмѣивалось: изъ вечернихъ тумановъ на небѣ клубившихся, глядѣло смѣшное страшилище—попъ съ рогами; въ лѣтнемъ саду вороны каркали, какъ вту страшную ночь, 11 марта, когда спугнули ихъ батальоны семеновцевъ; и на темно-багровой зимней зарѣ красные стѣны Михайловскаго замка, отраженные въ черной водѣ канала, напоминали кровь.

Отъ петербургскихъ тумановъ и призраковъ спасался онъ въ Царское.

Здѣсь, въ уединеніи, было легче. Онъ жилъ зимой въ трехъ маленькихъ комнатахъ церковнаго флигеля—каби нетѣ, спальнѣ, столовой—очень простыхъ, почти бѣдныхъ. Ему казалось, что онъ уже отрекся отъ престола и живетъ въ отставкѣ.

Однажды, послѣ обѣда, онъ сидѣлъ одинъ въ кабинѣтѣ у камелька. День былъ сѣренѣй, но иногда изъ-за тучъ выглядывало солнце; пламя въ камелькѣ блѣдиѣло, водянисто-прозрачное, и на замершихъ окнахъ алмазный папоротникъ искрился. А за окнами, на грифельно-темномъ небѣ, блѣли деревья, одѣтыя инеемъ; тамъ, въ снѣжномъ паркѣ—свѣтло, блѣло и тихо, какъ за тысячи верстъ отъ города: тишина колыбельно-могильная.

Онъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ княземъ Валерьяномъ Голицынымъ.

Помнилъ обѣщанье, данное Софьѣ; помнилъ также лицо князя Валерьяна въ тотъ вѣчный мигъ надъ гробомъ Софьи, когда вдругъ почувствовалъ, что любовь къ умершей соединяетъ ихъ, и что этотъ врагъ его—единственно нужный, близкій ему человѣкъ. Тогда ничего не стоило подойти къ нему и заговорить, но потомъ, чѣмъ больше думалъ объ этомъ свиданіи, тѣмъ труднѣе казалось оно. Проходили мѣсяцы. Онъ все откладывалъ. Голицынъ ждалъ и пересталъ ждать; хотѣлъ уѣхать, просилъ отпуска. Государь не пускалъ его, но теперь былъ увѣренъ, что свиданье будетъ для обоихъ тягостно, лживо, унизительно и, главное, смысльно тѣмъ страшнымъ смѣхомъ, который всюду преслѣдовалъ его.

А все-таки думалъ объ этомъ свиданіи упорно, жадно и мучительно, какъ будто растравлялъ съ наслажденiemъ рану свою. Воображалъ себѣ весь разговоръ въ мельчайшихъ подробностяхъ, готовилъ свои вопросы и его отвѣты,—говорилъ за обоихъ, иногда, увлекаясь, еслыхъ,—какъ актеръ учить роль свою передъ зеркаломъ.

Сначала—о Софьѣ.

— Я исполню,—скажетъ,—ея предсмертную волю, говоря съ вами, князь! Она говорила мнѣ, и я знаю, что это такъ: если вы любили ее, то не можете быть мнѣ врагомъ. Именемъ ея прошу васъ, говорите съ мной, не какъ съ государемъ подданный, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ, какъ сынъ съ отцомъ. Я вѣрю, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы повѣрили, что она слышитъ насъ...

Помолчить и посмотреть ему прямо въ глаза, а тотъ не выдержитъ,—потупится.

— Мнѣ извѣстно, Голицынъ,—заговоритъ опять,—что вы принадлежите къ Тайному Обществу, и цѣли онаго также извѣстны мнѣ: ограниченье власти самодержавной дарованье конституціи. Но развѣ вы не знаете, что это и моя цѣль?

Тутъ усмѣхнется кротко.

— Вы хотите быть моими врагами, но вы друзья мои, дѣти, исчадье, плоть и кровь моя. Безъ меня и васъ бы не было. Я всегда думалъ и думаю, что свобода есть лучшій даръ Божій. Что же раздѣляетъ насть? Почему мы враги?

— Угодно знать правду вашему величеству?

— Правду, Голицынъ, одну правду.

— Государь, вы сами знать изволите, что Тайное Общество возникло только тогда, когда всякая надежда на дарованіе Россіи свободы верховною властью была потеряна...

Если бы кто-нибудь заглянулъ въ комнату, то подумалъ бы, что государь лишился разсудка. Противъ него стоялъ пустое кресло, и онъ обращался къ нему, какъ будто тамъ сидѣлъ кто-то невидимый; ему казалось, что онъ говоритъ шепотомъ, но говорилъ такъ громко, что слышно было въ соседней комнатѣ; дѣлалъ знаки руками, кивалъ головой, измѣнялъ голосъ; то улыбался, то хмурился—настоящій актеръ передъ зеркаломъ.

— Да неужели же, Голицынъ, неужели вся вина на мнѣ одномъ? Такихъ, какъ я, какъ вы,—десятки, ну, сотни въ Россіи, а остальныхъ—милліоны. Когда мы со Сперанскимъ только начинали преобразованія, то его объявили измѣнникомъ, и я принужденъ былъ пожертвовать имъ...

«Ну, не совсѣмъ такъ, но все равно, почти такъ,—подумалъ.—О Сперанскомъ непремѣнно что-нибудь надо сказать».

— И знаете, Голицынъ, что писалъ мнѣ тогда Карамзинъ? Я до сихъ поръ наизусть помню: «одна изъ главнѣйшихъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правленіе есть излишняя любовь его къ преобразованіямъ,

потрясающимъ имперію, благотворность коихъ остается сомнительной». Ужь если Карамзинъ, человѣкъ проповѣщеннѣйшій, думалъ такъ, то что же другое? Зрѣлище единственное въ мірѣ—государь, дающій вольность народу, и народъ, ея не принимающій! Нельзя сдѣлать людей изъ юдъ палки свободыши. Одинъ въ полѣ не воинъ. А я—одинъ, помощниковъ нѣтъ. Кѣмъ я возьмусь? Кругомъ видишь обманъ. Можемъ ли мы, государи, знать все, что у насъ дѣлается? Когда обѣ этомъ подумаешь, волосы дыбомъ встаютъ! Военная, гражданская, церковная часть—все не такъ. Но что же дѣлать? Человѣкъ не можетъ всего. Надо зойти и въ мое положеніе. Войдите же въ него, подумайте, что вы дѣлаете, раскажитесь въ преступныхъ замыслахъ, и приму раскаянье ваше съ любовью отеческой. А главное, помните же, поймите, наконецъ, что я хочу того же, чего и вы. Будемъ вмѣстѣ, соединимъ усилия наши для блага отечества...

Что скажетъ еще, хорошенъко не зналъ, но чувствовалъ, то будетъ умилительно. И тотъ не устоитъ—заплачетъ, падеть къ ногамъ его. Сначала—онъ, а потомъ и другое. Зѣ придутъ съ повинной головой. И онъ простить ихъ, какъ отецъ прощаетъ блудныхъ сыновъ своихъ. А если и казнить кого, то, среди ликованія общаго, никто не замѣтить.

Ну, а что если не повѣрять, подумаютъ, что онъ просто юится, лукавитъ, играетъ двойную игру, заманиваетъ ихъ въ ловушку, чтобы вѣрнѣе уничтожить заговоръ? Что если вспомянуть слова Наполеона: «Александръ тонокъ, какъ улавка, остерь, какъ бритва, фальшивъ, какъ пѣна морская; если бы надѣть на него жепское платье, то вышли бы прехитрая женщина». Или слова бабушки: «господинъ Александръ, по природѣ своей, актеръ, великий мастеръ расивыхъ тѣлодвиженій». Красивымъ тѣлодвиженіямъ и сперъ передъ зеркаломъ учится. Но поздно: разбито зеркало. Никого не обманеть. Только новый срамъ, новый мѣхъ. «Нѣть ли у меня сзади чего-нибудь смѣшного?»

Онъ—жертва, а они убийцы; или жертвы—они, а онъ—палачъ: этого никакими словами не скроешь. Не слова

нужны, а дѣла. Казнить злодѣевъ,—вотъ что надо. «На и нельзя, нельзя и надо»,—опять, какъ тогда, 11 марта. Ничего не рѣшитъ, ничего не сдѣлаетъ, пальцемъ не дѣлать. Какъ въ летаргіи—все слышитъ, все знаетъ, чувствуетъ и не можетъ дать знакъ, чтобы его не хоронили заживо.

— А они смѣются! А они смѣются!..

Камердинеръ Аникимовъ давно уже слышалъ изъ сѣдней комнаты, что государь говоритъ съ кѣмъ-то. Вошелъ ли кто съ другого хода? Подойдя къ двери, прижалъ ухо къ замочной скважинѣ. Когда государь пронесъ: «А они смѣются! А они смѣются!»—«Аникимовъ Аникимовъ!» послышалось ему. Онъ открылъ дверь вошелъ.

— Чего тебѣ?

— Звать изволили, ваше величество?

— Вонъ!—закричалъ государь, вскочилъ и затопа ногами въ ярости.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ шинели и фуражкѣ, шелъ внизъ по лѣстницѣ.

У крыльца стоялъ часовой. «И этотъ смѣется?» поклонился государь, остановился и, глядя на него въ упор спросилъ:

— Ты что?

— Здравія желаю, ваше императорское величество! гаркнулъ тотъ, выпучивъ глаза, съ такимъ усердіемъ, чѣмъ государя отлегло отъ сердца.

— Какъ звать?

— Иванъ Охрамѣенко, ваше величество!

— Ну, Иванъ, скажи ротному, что я тебя унтер-офицеромъ жалую.

«Совсѣмъ, какъ батюшка,—подумалъ онъ:—я болѣе отъ яблоньки недалеко падаешь».

Вошелъ въ паркъ.

Для прогулокъ его расчищались дороги отъ снѣга, усыпались желтымъ пескомъ на нѣсколько верстъ. Гуси-аллеи дремучихъ слей подъ бѣлымъ саваномъ, по берегу Большого озера, шелъ къ Баболовской проськѣ.

Падаль снѣгъ, сначала рѣдкими звѣздами, а потом—
лопьями, еще не мокрый, но уже мягкий, липкий, предвѣ-
щающей оттепель, какъ будто и самъ теплый, удушли-
ый.

Дойдя до просѣки, завернуль по узенькой тропинкѣ
в чащѣ лѣса и вышелъ на площадку, окруженную высоки-
ми деревьями. Сѣль на скамью и долго смотрѣль, какъ
адасть снѣгъ—въ темнѣющемъ воздухѣ бѣлая сѣтка, бѣ-
ая мгла, однообразно сиющая, ослѣпляющая, головокру-
шительная.

«Головокруженіе...—подумалъ онъ.—Что такое? Что я
отѣлъ?.. Да...

...Cet esprit de vertige et d'erreur,
De la chute des rois funeste avant-coureur.

оловокруженіе, которое предвѣщаетъ паденіе царей...»

То были стихи изъ французской трагедіи, слышанной
мъ съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ.

— У меня голова закружилась бы на такой высотѣ,—
мѣялся однажды надъ маленькой бронзовой куколкой,
умиромъ кесаря, на побѣдномъ столѣ Вандомской пло-
щади; а когда, послѣ взятія Парижа, побѣжденные въ честь
сбѣдителя стаскивали веревками ту куколку, подъ буй-
ые клики толпы: «долой Наполеона, вивать Александръ!»—
закружилась-таки голова у него самого побѣдителя. Но
зой чередъ каждому: сперва Наполеона, а теперь и его,
лександра, спускаютъ, при общемъ смѣхѣ,—маленькую,
ѣтскую, на ниточкѣ вертящуюся куколку.

А еще что? Да, послѣ аустерлицкаго разгрома, всѣми
ожинутый, лежалъ ночью, въ пустой избѣ, на соломѣ, съ
кою животною болью, что лейбъ-медикъ Вилліе боялся
жизнь его и отпаивалъ краснымъ виномъ, за которымъ
зашелъ въ австрійскій лагерь и тамъ на колѣняхъ полбу-
лки вымолилъ. А ему, государю, казалось, что эта жи-
тия боль—отъ страха—мѣдвѣжья болѣзнь. Вотъ, когда
чался тотъ страшный смѣхъ, отъ которого онъ теперь
ходитъ съ ума.

И еще, еще что? Самое смѣшное, самое страшное? Н 11 марта, не Тайное Общество, — это только струпья проказы,—а сама она гдѣ, гдѣ корень всего? Знаетъ, гдѣ; знаетъ, что. Не хочетъ знать, а знаетъ. Не то ли, о чёмъ он говорилъ тогда, когда тащили его на кровавый престолъ какъ тащать мясники теленка на бойню, а онъ упирался не щель, «тленочекъ бѣдненький»? — «Тутъ мѣсто проклятое,—говорилъ тогда:—станешь на него и провалишься; проваливались все до меня, и я провалюсь». Тогда это зналъ потомъ забыть и вотъ опять вспомнилъ. Но поздно: голова подъ топоромъ, веревка на шею у бѣднаго тленочка. Сталъ на мѣсто проклятое и провалился. Надо было тогда же уйти бѣжать безъ оглядки, а теперь поздно: сложить корону—сложить голову. И все мечты о томъ—только красивы тѣлодвиженія, актерское ломаніе передъ зеркаломъ—ложны срамъ, смѣхъ.

Закрылъ лицо руками, хотѣлъ плакать,—не могъ.

Всталъ, скинулъ фуражку, сбросилъ шинель, опустился на колѣни, сложилъ руки и поднялъ глаза, хотѣлъ молиться не могъ. О чёмъ? Кому? «Чтобы самодержавно царствовать надо быть Богомъ»,—это онъ самъ говорилъ, это все ему говорили,—говорили и дѣлали,—его, человѣка, дѣлалъ Богомъ.

Опять закрылъ лицо руками, повалился на снѣгъ долго лежалъ такъ, недвижный, бездыханный, какъ мертвый.

А снѣгъ все падалъ да падалъ въ темнѣющемъ воздухѣ и покрывалъ мертваго саваномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дневникъ императрицы Елизаветы Алексѣевны хранился въ особой шкатулкѣ, всегда запертой. Она вела его тридцать лѣтъ, никому не показывая, кромѣ стараго друга своего, Карамзина.

Весною, готовясь къ отъѣзду изъ Петербурга въ Царское, а оттуда—въ Таганрогъ, тяжело-больная и, какъ ей казалось, умирающая, она приводила въ порядокъ свои бумаги: «чтобы ко всему быть готовой, даже къ смерти»,—писала въ тотъ же день матери.

Поздно ночью, оставшись одна въ спальнѣ, отперла шкатулку, вынула дневникъ и стала читать. Онъ бытъ на французскомъ языкѣ, съ отдѣльными русскими и нѣмецкими фразами. Читала не сплошь, а лишь тѣ страницы, которыя были ей особенно памятны. Въ прошлые годы почти не заглядывала, а только въ два послѣдніе, 1824—5.

Читала:

«Отъ цвѣтка—запахъ, отъ жизни—грусть; къ вечеру запахъ цвѣтовъ сильнѣе, и къ старости жизнь грустнѣе.

Карамзинъ, узнавъ, что я родилась почти мертвая, сказалъ:

— Вы сомнѣвались, принять ли жизнь.

Кажется, я до сихъ поръ сомнѣваюсь; никогда не умѣла принять жизнь, войти въ нее, какъ слѣдуетъ.

Страданія человѣческія—темныя, но точныя зеркала; надо въ нихъ смотрѣться, чтобы увидѣть себя и узнать. Я вижу себя въ своемъ темномъ зеркалѣ не ея величе-

ствомъ, императрицей всероссійской, а маленькой дѣвочкой, которая не хотѣла рождаться, или старой старушкой, которая не можетъ умереть.

11 марта. Каждый годъ въ этотъ день мы Ѵзdimъ съ государемъ въ Петропавловскій соборъ, на панихиду по императорѣ Павлѣ. Государь вспоминаетъ прошлые годы и вотъ уже много лѣтъ говоритъ мнѣ все съ большею грустью:

— Гдѣ-то мы будемъ черезъ годъ и будемъ ли вмѣстѣ? Годы проходятъ. Двадцать три года—двадцать три мига. Чѣмъ дальше, тѣмъ ближе. Все, какъ вчера.

Мы не говоримъ, но обѣ одномъ и томъ же думаемъ; вспоминаемъ тотъ разговоръ наканунѣ страшной ночи 11-го марта:

— А если кровь?—спросилъ онъ.—Что же ты молчишь? Или думаешь, что мы должны—черезъ кровь?..

— Не знаю,—начала я, но онъ остановилъ меня.

— Нѣть, нѣть, молчи, не смѣй! Если скажешь, Богъ не проститъ...

Но я все-таки кончила:

— Не знаю, простить ли Богъ, но мы должны.

Тогда я знала, что должны; теперь не знаю; или, какъ онъ тогда говорилъ: «должны и не должны, надо и нельзя, нельзя и надо».

А потомъ въ Москвѣ, во время коронаціи, онъ сидѣлъ цѣлыми часами, не двигаясь, въ оцѣпенїи, уставившись глазами въ одну точку безсмысленно. Боялись за его разсудокъ; никто не смѣль къ нему войти; только князь Чарторыжскій иногда входилъ и старался утѣшить, ободрить его.

— Нѣть, этому нельзя помочь, — отвѣчалъ государь.— Я долженъ страдать. Какъ вы хотите, чтобы я не страдалъ? Это всегда, всегда будетъ...

Да, всегда было; отступало на время, а потомъ возвращалось. Вотъ и теперь возвращается. Двадцать три года—двадцать три мига; чѣмъ дальше, тѣмъ ближе; все, какъ вчера.

Мечъ прошелъ душу его. Не этотъ ли мечъ раздѣлилъ насъ? Хотимъ сойтись, и не можемъ. Такіе близкіе — такіе

чуждыс. Не эта ли кровь легла между нами чертой непереступною?

Если бы я тогда не сказала: «мы должны», то, может быть, ничего бы не было. Не онъ, а я виновата во всемъ,—я одна. Пусть же Богъ не его, а меня казнить!

Вспоминаю болѣзнь его. Теперь, когда опасность миновала, отъ меня уже не скрываютъ, что онъ былъ на волосокъ отъ смерти: рожистое воспаленіе ноги могло перейти въ антоновъ огонь. Я никогда не видала его такимъ кроткимъ въ страданіи; это пугало меня больше всего.

Теперь онъ почти здоровъ. Когда выѣхалъ въ первый разъ, 22 февраля, прохожіе на улицахъ, увидѣвъ его, становились на колѣни, крестились и плакали отъ радости.

Я тоже радуюсь, а все-таки жалѣю — чего? Неужели того времени, когда онъ былъ боленъ, страдалъ, и я вмѣстѣ съ нимъ? Да, мы были вмѣстѣ, такъ близко, какъ уже давно не бывали. Помню, онъ сказалъ мнѣ однажды съ тою улыбкой больного ребенка, которой у него никогда раньше не было, — я такъ боюсь ея и такъ люблю.

— Вотъ увидите, Lise, если я поправлюсь, то буду этимъ обязанъ вамъ одной.

Какъ я была счастлива! Даже стыдно, что могла быть такъ счастлива, когда онъ страдалъ.

То было послѣ первой ночи, которую провелъ онъ спокойно, благодаря особой подушкѣ моего изобрѣтенія. Онъ долженъ былъ спать сидя, потому что дѣлались приливы крови къ головѣ, только что ложился; подушка моя избавила его отъ этихъ приливовъ. Я придумала также для большой ноги его скамеечку, которая позволяла ему сидѣть за столомъ въ креслѣ.

Проводила съ нимъ дни и ночи; не боялась ему какъ всегда помѣшать. Онъ былъ весь мой, и мы были одни, какъ будто за тысячи верстъ отъ всѣхъ, кто надоѣдаетъ ему и мучаетъ его, когда онъ здоровъ. Никто не смѣлъ къ намъ войти; хорошо, уютно, тихо.

— Какъ хорошо, Lise, всегда бы такъ! — говорилъ онъ.

Ухаживалъ за мной, любезничалъ. Мнѣ казалось, что я не жена, а любовница.

Теперь всему конецъ. Опять одна, опять — ничто: ни жена, ни любовница. Сидѣлка, которая получила плату и можетъ уйти. Опять боюсь ему помѣшать, стараюсь на глаза не попадаться; пробираюсь по стѣнкѣ, такъ, чтобы никто не замѣтилъ; прихожу ночью украдкой и цѣлую соннаго: во снѣ онъ все еще мой.

Ну, что жъ, пусть такъ! Я вѣдь привыкла. Наяву — розно, во снѣ — вмѣстѣ, можетъ-быть, и въ послѣднемъ смертномъ снѣ. Все въ жизни раздѣляеть насъ, а когда выходимъ изъ жизни — соединяемся. Нашъ союзъ не отъ міра сего. Мужъ и жена — навѣки разлученные любовники.

Говорятъ, ночная кукушка дневную перекукуетъ. Я всегда была для него ночнаю, но не умѣла перекуковать дневныхъ. Я — зловѣщая птица: если я близко, — значитъ, худо ему; ему худо, а мнѣ хорошо; чѣмъ хуже ему, тѣмъ лучше мнѣ. Надо, чтобы онъ былъ въ болѣзни, въ несчастіи, въ опасности, чтобы я была съ нимъ. Такъ было 11 марта; такъ было въ 12-мъ году. Такъ и теперь. Неужели такъ всегда?

О, я понимаю, что онъ меня не любить, боится любить!

Дни проходятъ и приносятъ мнѣ все больше горечи, но я не жалуюсь: это въ порядкѣ вещей. Все по-старому; все, какъ должно быть. Стараюсь пріучить себя къ страданію такъ, чтобы оноказалось мнѣ естественнымъ. Но это не всегда удается. Софи Строганова права, когда упрекаетъ меня за недостатокъ христіанскихъ чувствъ. Я хочу вѣрить, что Господь воспитываетъ душу мою для вѣчной жизни скорбями здѣшней; хочу отдаваться Ему со связанными руками и ногами. Я говорю: все, что Онъ захочетъ; все, какъ Онъ захочетъ,—только бы я знала: что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? Потому что я иногда не знаю, не понимаю многаго. «Но если нельзя понять, значитъ, и не надо», говоритъ Софи.

Должно-быть, есть люди, которымъ не то что не дано, а не позволено быть счастливыми. Когда я счастлива, мнѣ ка-

жется, что я взяла чужое, украла; стыдио и страшио: знаю, что буду наказана.

Не надѣяться здѣсь, на землѣ, ни на что, отъ всего отказаться, всему покориться, страдать молча,—мнѣ иного иѣть спасенія

Я не долѣсна быть счастлива, — вотъ тайна жизни моей, — я должна страдать. Господь знаетъ, зачѣмъ это нужно, но Онъ не хочетъ, чтобы я это знала.

Да будетъ воля Его, да приметъ Онъ меня послѣдней изъ послѣднихъ, только бы не отвергъ!

Годовщина Лизанькиной смерти. Ей теперь исполнилось бы 18 лѣтъ.

Я была на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ похоронена Лизанька вмѣстѣ съ Машенькой — Мышкой моей (Mäuschen). Тутъ же, рядомъ, Алеша. На его гробицѣ надпись: «Кавалергардскаго полку штабъ-ротмистръ; Алексѣй Яковлевичъ Охотниковъ, умеръ 30 января 1807 года на 26-мъ году отъ рожденія».

Никто никогда не узнаетъ, что скрыто для меня подъ этой надписью.

Когда я въ послѣдній разъ пришла къ нему передъ смертью, онъ сказалъ мнѣ:

— Я умираю, счастливый, но дайте мнѣ что-нибудь на память.

Я отрѣзала и дала ему прядь волосъ. Онъ велѣлъ положить ее въ гробъ. Она и теперь тамъ. Пусть Богъ меня накажетъ, — я не раскаиваюсь и не отниму того, что дала.

Долго ходила по кладбищу. Въ тѣни еще былъ сиѣгъ, а на солнцѣ — трава зеленая и желтые цвѣты весение. Я сорвала три пучка: одинъ положила на могилу Лизаньки, другой — Мышки, третій — Алеши.

Не всѣ, кого я люблю, но всѣ, кто любилъ меня, — здѣсь. Всѣ трое вмѣстѣ — на кладбищѣ, такъ же какъ въ сердцѣ моемъ.

Говорятъ, къ непогодѣ старыя раны болятъ. Болятъ мои старыя раны — передъ какою бурею?

Вспоминаю смерть Мышки, смерть Лизаньки, — и опять времени нѣтъ; чѣмъ дальше, тѣмъ ближе; все, какъ вчера.

Мышкѣ было очень плохо, а я все еще надѣялась. Въ послѣднюю ночь, послѣ ужасной рвоты и судорогъ, она передъ утромъ затихла, какъ будто уснула. Я прилегла рядомъ, на диванѣ, и тоже заснула, потому что не спала много ночей. А когда проснулась, — увидѣла, что она умираетъ. Можетъ-быть, звала меня, а я не слышала? Уже бездыханная, лежала на рукахъ моихъ, а я все еще не вѣрила. «Что это? Что это?» повторяла безсмысленно.

Казалось тогда, что нѣльзя больше страдать. Но я и въ половину не страдала такъ, какъ потомъ отъ Лизанькиной смерти. Да, вотъ что страшно: никогда не знаешь, какъ еще будешь страдать, какъ еще можно страдать, и есть ли конецъ страданію? Кажется, нѣтъ конца. Если бы я не вѣрила въ Бога, я тогда убила бы себя.

Всѣ эти дни брожу по дворцу, какъ душа нераскаянная. Зашла намедни въ Лизанькину комнату и вспомнила все. Ходила по комнатѣ какъ безумная, повторяла всѣ ея словечки и старалась имъ подражать. «Нѣ, нѣ», вмѣсто «нѣтъ», и по-англійски: «up, up?» — когда хотѣла быть поднятой на руки. И еще говорила «такъ», когда я спрашивала ее на ухо: «ты моя, маленькая Лизанька?» — «Такъ! Такъ!» отвѣтчила съ такимъ хитрымъ видомъ, какъ будто понимала, въ чемъ дѣло. А когда причащали ее, отвертывалась и кричала тоже по-англійски: «No! No!» Къ государю не могла привыкнуть, боялась его и плакала.

Послѣднія слова ея передъ смертью: «танцуй! танцуй! Dance! Dance!» потому что любила во время болѣзни, когда не спала, чтобъ ее сажали на подушку, носили по комнатѣ и пѣли веселую пѣсенку. Сколько разъ я пѣла ей, глотая слезы!

Вотъ вспомнила это, и чрезъ столько лѣтъ боль — все такая же. Не первыя минуты горя самыя страшныя, — ихъ горечь опьяняетъ и заглушаетъ боль,—а потомъ, когда опьянѣніе проходитъ, все возвращается къ обычному порядку, какъ будто забываешь — и вдругъ вспомнишь.

Лизанька умерла въ десять дней отъ зубовъ. Доктора все успокаивали и только въ послѣднюю минуту испугались, потеряли голову. Дали ей мускусу. О, этотъ запахъ мускуса въ полутемной комнатѣ съ опущенными шторами! Началась рвота и судороги, точно такія же, какъ у Мышки. Потомъ окоченѣла, какъ будто задохлась. Подняли шторы, поднесли ее къ окну. Чтобы узнать, жива ли, я позвала: «Лизанька!» — и она, уже вся посинѣвшая, вдругъ подняла ручку, прикоснулась къ щекѣ моей. И въ лицѣ ея было что-то такое жалкое, недѣтское, что у меня до сихъ поръ душа разрывается.

А когда лежала въ гробу, любимыя птицы ея запѣли въ соседней комнатѣ.

За что дѣти страдаютъ? Ну, мы, взрослые, искупаемъ грѣхи свои. А дѣти за что? Первозданный грѣхъ, что ли? Нѣтъ, ничего, ничего не понимаю.

Какъ Іовъ, могла бы я отвѣтить утѣшителемъ: «слышала я много такого; жалкіе утѣшители — всѣ вы, бесполезные врачи!»

Да, во мнѣ сейчасъ меныше покорности, чѣмъ въ первыя минуты горя. Боже мой, Боже мой, какое нужно терпѣніе, чтобы не спросить у Бога: зачѣмъ? за что? Вотъ я твержу себѣ: мы здѣсь, на землѣ, не для счастья, а для страданій, и Богъ лучше нашего знаетъ, зачѣмъ это нужно. «Все къ лучшему, все къ лучшему!» какъ говорить государь. Но не помогаетъ это.

Софі права: во мнѣ мало христіанскихъ чувствъ. И я не хочу лицемѣрить, не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть. Если бы я покорилась, то, можетъ-быть, меныше страдала бы; но мнѣ казалось бы тогда, что я измѣняю тѣмъ, кого люблю.

Не хочу страдать меныше, пе хочу покоряться. Хочу спорить съ Богомъ, какъ Іовъ:

«О, если бы человѣкъ могъ имѣть состязаніе съ Богомъ, какъ сынъ человѣческій съ ближнимъ своимъ. Вотъ я кричу: обида! — и никто не слушаетъ; вопію, — и нѣтъ суда».

Зачѣмъ я всю жизнь люблю человѣка, который не любить меня? Зачѣмъ полюбила Алешу? Зачѣмъ онъ убитъ? За-

чѣмъ умерла Мышка? Зачѣмъ умерла Лизанька? Зачѣмъ?
Зачѣмъ?

А иногда кажется—знаю, зачѣмъ; знаю, за что.

Я слишкомъ люблю, люблю людей больше, чѣмъ Бога, и за это Онъ меня наказываетъ. Стоитъ мнѣ полюбить кого-нибудь, какъ Богъ отнимаетъ его у меня. Ужъ лучше бы никого не любила. Боюсь любить.

Копаться въ душѣ своей, растревлять свои раны — дурная привычка.

— Вы слишкомъ за собой слѣдите, — говорила мнѣ покойная императрица австрійская.

Лейбъ-медикъ Вилліе совѣтуетъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, «глупо жить».

«Желаю вамъ покоя и равнодушія здороваго, говоря языкомъ философическихъ медиковъ», пишетъ мнѣ Карамзинъ. А мой пріятель, башкирецъ, который въ Царскомъ Селѣ готовилъ мнѣ кумысъ, говорилъ, бывало, поглядывая на меня съ сожалѣніемъ:

— Ты, матка, больна потому, что слишкомъ умна, много думаешь; а лѣкарства даютъ, — еще хуже дѣлаютъ.

Ну, что же, постараюсь «глупо жить». Фигаро, кажется, правъ, что «всѣ умные люди — дураки».

Зачѣмъ себѣ портить жизнь? Надо брать ее, какъ она есть, — тогда самаго горькаго не чувствуешь. Не надо принюхиваться къ жизни, какъ къ воздуху въ комнатѣ покойника.

Патріотическое Общество, Сиротское училище, Эмеритальная касса, Домъ Трудолюбія, лѣпка, живопись, карты, шашки, бирюльки, — вонъ сколько дѣлъ!

А лѣтомъ — купаться, ѳздить верхомъ. Когда ныряю и, открывая глаза подъ водой, вижу полусвѣтъ таинственный, или скачу верхомъ и вѣтеръ мнѣ въ уши свистить,—я забываю всѣ горести жизни.

Однажды, въ Ораніенбаумѣ, съ великою княгинею Анною, бывшей супругой Константина, мы голыми ногами въ

водъ по взморью бѣгали, смеялись и шалили такъ, что статсъ-дама императрицѣ-матери пожаловалась. Это четверть вѣка назадъ, но есть во мнѣ и теперь та же веселая дѣвочка.

Право, я еще многое въ жизни люблю: люблю въ Петергофѣ сидѣть на камѣ у моря вечеромъ и слѣдить, ни о чёмъ не думая, за парусами и чайками; люблю гулять раннимъ утромъ на Каменномъ островѣ, когда ставни закрыты, все еще спятъ,—по той пустынной дорожкѣ, гдѣ мы такъ часто гуляли съ Алешею; люблю соловьевое пѣніе въ бѣлую ночи, такое странное; люблю запахъ весеннихъ березъ подъ маленьkimъ дождикомъ, теплымъ и тихимъ, какъ слезы счастья.

Всѣ эти радости Софи называетъ «цвѣтами у подножья креста». Зачѣмъ такъ пышно?

Давеча нашла я у себя въ шкатулкѣ вязальныя спицы и долго не могла припомнить, откуда ониѣ; наконецъ вспомнила, что въ 12-мъ году мы вязали шерстяные чулки для солдатъ.

Петля за петлей, день за днемъ, буду вязать мою жизнь, какъ старая добрая нѣмка шерстяной чулокъ.

Еще одна смерть — Софы Нарышкиной. Бѣдная дѣвочка! Она была мнѣ, какъ родная дочь.

Государь опять несчастенъ и опять со мной. На долго ли?

Поздно ночью вернулся съ дачи Нарышкиныхъ, гдѣ простился съ умершею. Не зашелъ ко мнѣ, только прислалъ записку: «Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

А я такъ боюсь сдѣлать ему непріятное, что не посмѣла утромъ послать спросить, какъ онъ себя чувствуетъ. Говорятъ, на больной ногѣ его опять открылась ранка.

Завтра уѣзжаетъ въ военные поселенія съ Аракчеевымъ. Все равно, вернется ко мнѣ; теперь ему дѣваться некуда.

Нѣтъ, есть куда: къ госпожѣ Нарышкиной. Смерть Софы сблизила ихъ. Мы теперь обѣ нужны ему: я—сытка, любовница; она—супруга, мать. Этого еще никогда

не бывало, чтобы она была съ нимъ въ горѣ: всегда было тѣкъ, что или она—въ счастьѣ, или я—въ горѣ. Но вотъ мы вмѣстѣ.

Слѣжу за нимъ, узнаю стороной, когда онъ бываетъ у нея. Мнѣ, впрочемъ, не надо узнавать отъ другихъ,—сама знаю: у меня на это нюхъ собачій. Кажется, слышу отъ него запахъ ея, запахъ мускуса, напоминающій полутемную комнату съ опущенными шторами.

Неужели все еще ревную къ этой твари? Именно: *тварь*; это—ке бранное, а точное слово. Развѣ можно въ лотерею разыгрывать женщину, какъ онъ разыгралъ ее съ Платономъ Зубовымъ? Развѣ можно любить съ презрѣньемъ? Онъ-то, впрочемъ, думаетъ, что иначе нельзя.

— Чтобы любить, надо немного презирать женщину, — сказалъ мнѣ однажды, давно-давно, когда еще мы съ нимъ о любви говорили.

Это комплиментъ: онъ слишкомъ уважаетъ меня, чтобы любить. Всегда, будто бы, казалось ему, что мы—брать и сестра, близнецы духовные, и между нами плотская любовь—кровосмѣщеніе...

Но кто кого изъ нихъ больше презираетъ, — я не знаю. Разъ, на придворномъ балу (лѣтъ двадцать назадъ, а какъ сейчасъ помню), я спросила Нарышкину:

— Какъ ваше здоровье?

— Не совсѣмъ хорошо, — отвѣтила она, глядя мнѣ прямо въ глаза, — я, кажется, беременна.

Знала, что я знаю, отъ кого.

А вѣдь презрѣніе ко мнѣ—и къ нему презрѣніе.

— Я давно уже отказался отъ любви, даже платонической, Пора въ отставку, — говорилъ государь намедни одной дамѣ, за которой когда-то ухаживалъ.

Любить мнѣ разсказывать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ и всегда увѣренъ въ моемъ участіи.

Если бы онъ кого-нибудь любилъ по-настоящему, мнѣ было бы легче. Но ни одной любви, а сколько любвей! Купчихи, актрисы, жены адъютантовъ, жены станціонныхъ

смотрилелій, бѣлобрысая нѣмки-менонитки, и королева Луиза Прусская, и королева Гортензія. Со многими доходило только до поцѣлуевъ.

— Мужчины, — говорить, — не умѣютъ останавливаться вс-время. Любовь — ис геометрія: тутъ иногда часть больше цѣлага.

Можетъ-быть, не любить женщинъ, потому что самъ слиш-
комъ женщина. «Кокетка», какъ называла его королева Гортензія. Неисправимый щеголь, въ глазахъ женщинъ, какъ въ зеркалахъ, только самимъ собой любуется.

Въ Вѣнѣ, во время конгресса, явившись на балъ въ чер-
номъ фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, старался, чтобы дамы забыли въ немъ государя.

— Хотя я сѣверный варваръ, но умѣю быть любезнымъ
съ дамами.

Любовь замѣняетъ любезностью, какъ стариные ка-
залеры Людовика XIV.

Вотъ голубоглазая нѣмочка Эмилія играетъ на клаве-
синѣ, а онъ рядомъ стоитъ, правую ногу отставилъ впередъ
ъ жеманною граціей, держитъ шляпу такъ, чтобы пуго-
ница отъ галуна кокарды приходилась между двумя паль-
цами, смотритъ въ лорнетъ и перевертываетъ ноты.

— Ни за что не повѣрю, что вы меня боитесь,—шепчетъ
ї на ухо.

— Бѣюсь не угодить вашему величеству...

— О, ради Бога, забудьте мое величество! Позвольте
ї быть просто человѣкомъ,—я такъ счастливъ тогда.

А вотъ другая нѣмочка (ему на нихъ везеть), Амальхенъ,
ередъ разлукой поетъ ему: «Es wag ein Kônig in Thule», и
опяется слезинку на вязаный голубой кошелскъ, проща-
льный подарокъ.

Однажды все лѣто ъездилъ верхомъ на иочныя свиданія
ъ Парголово, для сокращенія пути, прямо по засѣяннымъ
олямъ. Крестьяне окопали ихъ канавами. Но онъ и черезъ
ихъ перескакивалъ. Тогда, не зная, кто этотъ всадникъ,
ни подали жалобу за потраву полей. Онъ велѣлъ заплатить

и очень былъ доволенъ. Любить смѣшивать Боккачіо с Вертеромъ, игривое съ чувствительнымъ.

Въ 12-мъ году, въ Вильнѣ, гдѣ въ госпиталяхъ под кучами сваленныхъ мертвыхъ тѣлъ иногда шевелились стонали живые, раненые, — хорошенъкая пани Дороте щипала корпію, а онъ, цѣлуя ей ручки, сказалъ:

— Чтобы воспользоваться этой корпіей, хочется быт раненымъ

— Это не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій (*sa ne tir pas à conséquence,*) — утѣшалъ его Наполеонъ въ Эрфуртѣ когда онъ каялся ему въ своихъ любовныхъ шалостяхъ.—Н все же, мой милый, вамъ слѣдуетъ подумать о наслѣдникѣ.

И разспрашивалъ о моемъ физическомъ сложеніи, давал совѣты врачебные, должно-быть, съ такимъ же благосклонnymъ видомъ, съ какимъ адъютантовъ своихъ драль за ухъ

«На свѣтѣ нѣтъ вѣчнаго, и самая любовь не можетъ быт навсегда», говорила намъ, новобрачнымъ, старая сводня графиня Шувалова; онъ это запомнилъ и всю жизнь этом слѣдовалъ; игра въ любовь — игра въ бирюльки

Что же теперь случилось?

«Она умерла. Я наказанъ за всѣ мои грѣхи».

Или понялъ, что это *можетъ имѣть послѣдствія?*

Всѣ эти дни душа моя, какъ сырое мясо.

Онъ все еще не рѣшилъ, кто ему сейчасъ нужнѣе, я или Нарышкина. Отъ меня — къ ней, отъ нея — ко мнѣ. Сего дня мнѣ говорятъ: «вы мой ангель хранитель, главны по Богу!» — а завтра даютъ понять, что въ любви моей и нуждаются. Вѣчные подъемы и паденья, — вотъ отъ чего душа моя устала до смерти.

Я терпѣла, терплю и буду терпѣть. Но не бываетъ ли иногда терпѣніе подлостью?

Я — какъ собака, во время вивисекціи, которая, подожкомъ издыхая, лижетъ руку хозяину.

Сегодня ночью, проходя по дворцу, я услышала музыку остановилась и заглянула въ открытые окнасосѣдней залы вспомнила, что у императрицы-матери — балъ.

За мной быть Георгіевскій залъ съ царскимъ трономъ въ глубинѣ, а предо мной въ освѣщенныхъ окнахъ танцующія пары мелькали, какъ тѣни, одна за другой. Бѣлая ночь; свѣтло какъ днемъ. И ночные огни казались погребальными, а веселыя польки унылыми, какъ пѣсни больныхъ дѣтей.

Если бы могли приходить къ людямъ выходцы съ того свѣта, они должны бы чувствовать то же, что я. Бѣдные люди! Бѣдная дѣти! Можетъ-быть, тамъ мы будемъ смеяться, надъ чѣмъ плакали здѣсь, и годы печали, годы разлуки покажутся мигами.

Алеша, Мышка, Лизанька были со мной; мы смотрѣли всѣ вмѣстѣ *оттуда сюда*. И свѣтла была ночь, какъ улыбка на лицѣ умершаго — отблескъ дня нежечерняго.

«Враги человѣку — домашніе его», — это я на себѣ испытала.

Карамзинъ говорить:

— Вы — между людьми, какъ фарфоровая ваза между горшками чугунными.

Ну, положимъ, не фарфоровая ваза, а глиняный горшокъ несчастный. За то тѣ — какие счастливые, какие чугунные! И самая счастливая, самая чугунная — императрица-матерь.

Съ иѣкоторыхъ поръ ея не узнать: всегда была чопорной, на этикетѣ помѣщанной, а тутъ вдругъ, на старости лѣтъ, окружила себя фрейлинами-дѣвчонками, офицерами-мальчишками и рѣзвится съ ними, какъ будто ей не шестьдесятъ, а шестнадцать лѣтъ: балы, пикники, маскарады, ужинны, концерты, фейерверки, иллюминаціи. Сама скачетъ, и всѣ за нею, высуня языкъ, изъ Петербурга въ Павловскъ, изъ Павловска въ Гатчину, изъ Гатчины въ Царсксе. У меня голова кругомъ идетъ, а ей — ни почемъ.

Выдумала недавно наряжаться для верховой Ѣзыды въ мужскіе платья: лиловый, шитый золотомъ кафтанъ, на головѣ шапочка съ перомъ, на ногахъ бѣлос трико въ обтяжку. Такъ какъ при ея полнотѣ это не очень пристойно, то публику въ паркѣ не пускаютъ; дежурный камеръ-пажъ бѣжитъ впереди, вертя чугунной трещоткой.

Да, ис очень пристойно, по зато какъ вкусно живеть! Вкусно пьетъ свой крѣпкій кофе и раскладываетъ гранъ-пасьянсъ; вкусно дышитъ прохладою, открывая форточки и простужая всѣхъ; вкусно хохайничаетъ въ Павловскомъ молочномъ домикѣ, такая румяная, бѣлая, свѣжая, что, кажется, отъ нея самой, какъ отъ бабы-коровницы, пахнетъ парнымъ молокомъ; вкусно говоритъ: «мои милыя коровки, телятки! мой милый Павловскъ со всѣми добрыми моими дѣтьми!» А всего вкуснѣе спасаетъ душу свою филантропіей: я, — говоритъ, — въ жизни свсей не скоро могла бы имѣть такъ много удовольствій, когда бы не было бѣдныхъ!»

Ужъ не завидую ли я, потому что сама такъ невкусно живу? Иногда думаю: вотъ, какой надо быть; вотъ, кто вошелъ въ жизнь, какъ слѣдуетъ; не сомнѣвался, принять ее или нѣтъ — рождаться ли? Безъ сомнѣнія родилась, безъ сомнѣнія рожала. «Право, сударыня, вы мастерица дѣтей на свѣтъ производить!» говорила ей бабушка. И вотъ, можетъ-быть, истинная религія: такъ разсчитывать на милость Божію, чтобы не портить себѣ крови ничѣмъ.

А я — какая дура!

Павловскъ — рай, но меня тошнить отъ этого рая. Чистильщики прудовъ вытаскиваютъ иногда изъ тины у Острова Любви дохлую кошку или газетный листокъ. Въ вѣчныхъ туманахъ — сладкая гарь торфянного пожара съ камфорною гнилью болотъ. Пахнетъ розами и пахнетъ лягушками. Тутъ царство лягушекъ. Императрица ихъ любить, и придворный поэтъ ея, Жуковскій, умѣетъ готовить мясо лягушечихъ филейчиковъ въ серебряной кастрюлькѣ подъ кисленымъ соусомъ. Всѣ облизываются, а меня тошнить.

Въ Розовомъ павильонѣ, за чаемъ — разговоръ о крѣпостномъ состояніи крестьянъ.

Жуковскій, Карамзинъ, Крыловъ, Нелединскій, новый министръ Шишковъ и еще какие-то старые старички, сенаторы, изъ которыхъ песокъ сыплется. Всѣ были согласны,

что не нужно вольности. Я имѣла глупость возражать; сказала то, что всегда думала:

— Уничтожить рабство крестьянъ — есть первая цѣль всего въ Россіи.

Они вдругъ замолчали и сконфузились, какъ будто я сказала что-то неприличное; потомъ Карамзинъ началъ потихоньку исправлять мою глупость, доказывая, что «народъ нашъ, удаленъ бывши отъ того, чтобы почитать себя въ рабствѣ, привязанъ душой къ образу всего существованія и находится въ немъ счастье»; когда же императрица-мать миѣніе сіе одобрила, всѣ вдругъ на меня накинулись.

Въ саду — концертъ молоденькихъ лягушекъ, а въ Розовомъ Павильонѣ — концертъ старыхъ жабъ.

— Помилуйте, да русскіе мужики живутъ, какъ у Христа за пазухой! — воскликнулъ Жуковскій. — То неоспоримо, что лучшей судьбы нашихъ крестьянъ у доброго помѣщика нѣтъ во всей вселенной.

— Для мужиковъ, однимъ видомъ отъ скота отличающихся, вольность есть тунеядство и необузданность, — подхватилъ Нелединскій.

— Господа помѣщики въ государствѣ, какъ пальцы у рукъ: высвободи вожжи изъ пальцевъ, то лошади куда занесутъ! — прошамкалъ одинъ старичокъ.

— Не можно себѣ представить, какая каша будетъ изъ вольности, — прошамкалъ другой.

Шишковъ пеблѣднѣлъ и затрясся.

— Неужели всѣ ужасы Европы не научили насъ, что вольность, сей идолъ чужеземныхъ слѣпцовъ, ведеть къ буйству, разврату и ниспреверженію властей? Десница Вышняго хранитъ насъ; чего намъ лучше желать?

А самая толстая жаба, Крыловъ, молчалъ, но по лицу его видно было, что онъ о вольности думаетъ.

Я чувствовала, что не выдержу, наговорю еще большихъ глупостей, — встала и ушла.

Жуковскій догналъ меня. Онъ знаетъ, что я его не очень люблю, и это беспокоитъ его: какая ни на есть, а все же императрица.

Началъ извиняться за несогласное мнѣніе о вольности и спросилъ, не сержусь ли я на него.

— Полноте, Василій Андреевичъ... Посмотрите-ка лучше, какая луна!

Мы шли пустынной аллеей, по берегу озера.

— Охъ, ужъ эта миѣ луна! — поморщился онъ: — того и гляди, Отчетъ заставятъ писать...

О павловскихъ лунныхъ ночныхъ пишетъ для императрицы отчеты въ стихахъ.

Заглядѣлся, однако, замечтался и зафилософствовалъ:

— Смерть, въ ея истинномъ смыслѣ, лучше жизни. Нетлѣнного нѣтъ на землѣ: оно насъ ждетъ за дверью гроба. А на землѣ всего вѣрнѣй — мечтать...

Я слушала и думала: за что я его не люблю? Онъ добръ и уменъ; его стихи очаровательны. Но вотъ не люблю.

Толстенький, кругленький, лысенъкій, какъ тотъ фарфоровый китаецъ въ окнѣ чайной лавки, который киваетъ головой, какъ будто говорить: «все къ лучшему!» На лицѣ его превосходительства написано: «слава царю земному и небесному, — а я всѣмъ доволенъ, и жалованьемъ, и наградными».

Только отъ застарѣлой романтической грусти у него завалы въ печени, и онъ, по совѣту медиковъ, на деревянной лошадкѣ для модіона качается.

Гёте, когда его спросили, что онъ о Жуковскомъ думаетъ, сказалъ: «далеко пойдетъ! Кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ?» О немъ же словечко Вяземского: «хотя Жуковскій живъ и здравствуетъ, а хочется сказать: славный былъ покойникъ, царствіе ему небесное!»

Придворный поэтъ, почившій на павловскихъ розахъ, придворный поваръ Овсянаго Киселя и лягушечьихъ филейчиковъ. Намедни, защищая смертную казнь, онъ доказывалъ, что изъ нея надо бы сдѣлать «христіанскоє таинство».

— Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства: отъ Бога къ Богу, — говорилъ онъ теперь, глядя на луну. — Желать чего-нибудь страстно — значитъ

мъшаться въ дѣло Провидѣнія. Середина есть то, что всякой человѣкъ избирать долженъ...

— Серединка-на-половинкѣ? — не выдержала я, наконецъ, — разсмѣялась. — А помните, ваше превосходительство:

Дѣти, овсяный кисель на столѣ, читайте молитву...

— Грѣшенъ, ваше величество, люблю Овсяный кисель, и вы когда-нибудь полюбите!

Я заглянула въ его китайскіе глазки и ничего не отвѣтила. Но онъ, кажется, понялъ, что меня тошнить.

Путешествіе государя по восточнымъ губерніямъ назначено осенью. Уѣдетъ въ августѣ, вернется въ ноябрѣ. Я останусь одна въ Царскомъ и думаю объ этомъ съ ужасомъ. Съ какой бы радостью я поѣхала съ нимъ! Но онъ и слышать не хочетъ.

Эти вѣчные отѣзды — бѣдствіе жизни моей. Если не проѣхалъ онъ за годъ тысячу двѣнадцать верстъ — ему не по себѣ. А за всю свою жизнь сдѣлалъ не меныше 200.000. Это настоящая болѣзнь. «Лучше всего, — говоритъ, — чувствовать себя въ коляскѣ: тамъ только я спокоенъ».

Какъ будто не находить себѣ мѣста, отъ невидимой погони бѣгаешь, скачешь, сломя голову, такъ что лошадей загоняетъ. На малѣйшее промедленіе сердится: «я уже и такъ, — говоритъ, — полчаса по маршруту промѣшкалъ!»

Вѣчно торопится, боится опоздать куда-то; увѣряетъ, будто ему надо что-то осматривать; но это предлогъ: путешествуетъ безъ всякой цѣли. Самъ надъ собою смеется:

— Я — Вѣчный Жидъ. Ни на что ужъ не годенъ, какъ только скитаться по бѣлу свѣту, словно на миѣ отяготѣло пророчество: и будешь ты всякое мѣсто въ предвиженіе.

Онъ уѣхалъ. Я одна. Живу въ Царскомъ. Здѣсь хорошо осенью — пустынио, тихо. Въ ясныя ночи въ окна смотрѣть луна, моя единственная собесѣдница. А я, въ сорокъ лѣтъ, какъ глупая дѣвочка, грущу при лунѣ о возлюбленномъ.

Карамзинъ тоже здѣсь. Мы съ нимъ часто видаемся. Я ему читаю дневникъ. Иныя мѣста не хватаетъ духу прощеть; тогда передаю ему, и онъ прочитываетъ молча. Иногда вижу слезы на глазахъ его, но не стыжусь: онъ меня любить.

— Умѣю, — говоритъ, — издали смотрѣть на васъ съ тѣмъ чувствомъ, которое возьму съ собой и на тотъ свѣтъ: для истинной любви здѣшняя жизнь коротка.

Бродимъ вдвоемъ по пустыннымъ аллеямъ, гдѣ желтые листья падаютъ.

«Моя вечерняя жизнь»... сказалъ онъ однажды. Какъ хорошо сказано: вечерняя жизнь. Оба — старые, усталые, вечерніе. Жалуемся другъ другу, кряхтимъ да охаемъ

— Я, ваше величество, пріобрѣлъ въ рюматизмахъ новую опытность. Несмотря на благопріятное дѣйствіе атмосферического воздуха, чувствуя въ моихъ ежедневныхъ прогулкахъ почти болѣзненную томность, — говоритъ онъ, опираясь на палочку и прихрамывая.

И, какъ два старика, поддерживаемъ другъ друга подъ руку, а желтые листья падаютъ.

Здѣсь, въ Царскомъ, позднею осенью, какъ никогда и нигдѣ, вспоминается мнѣ моя молодость. Вѣтъ на этомъ лугу, — онъ тогда назывался Розовымъ Полемъ, потому что весь былъ сбраженъ розами, — сиживала императрица-бабушка; ее, уже больную, катали въ креслахъ на колесикахъ, а мы передъ нею бѣгали взапуски, играли въ горѣлки, въ пятнашки, въ веревочку. Мой женихъ — шестнадцатилѣтній мальчикъ, а я невѣста — четырнадцатилѣтняя девочка.

Бабушка, недовольная тѣмъ, что по ночамъ крали розы, поставила здѣсь часоваго. Прошли годы, розы одичали, а часовей на томъ же мѣстѣ, какъ полвѣка назадъ, сторожить иссуществующія розы — розы воспоминаній. И кажется мнѣ, что все еще бѣгаетъ здѣсь шестнадцатилѣтній мальчикъ съ четырнадцатилѣтней девочкой.

Амуру вздумалось Психею
Рѣзвясь, поимать...

Но пусто кругомъ — постѣднія розы увяли, и лепестки на нихъ осыпались, сбнажая черныя сердца.

— Все кажется сномъ, а сердцу болно, какъ наяву, — говоритъ Карамзинъ голосомъ тихимъ, какъ шелестъ осеннихъ листьевъ. — Мнѣ и отъ радости бываетъ грустно. Свѣтъ гаснетъ для меня, или я для него гасну, — но такъ и быть: надо покинуть свѣтъ, прежде чѣмъ онъ нась покинетъ. Да здравствуетъ Провидѣніе! Почти хотѣлось бы сказать: да здравствуетъ смерть!...

Намедни прочелъ посланіе къ Элизѣ — ко мнѣ:

Здѣсь — все мечта и сонъ, но будетъ пробужденье!
Тебя узнать я здѣсь въ прелестномъ сновидѣніи, —
Узнаю наяву.

Заплакалъ и поцѣловалъ мнѣ руку, а я его — въ лысую голову.

И, глядя, какъ свѣтлая паутины осени соединяютъ черныхъ сердца увядшихъ розъ, я повторяла:

— Все кажется сномъ, сердцу болно, какъ наяву...

Съ Карамзиномъ въ Китайскомъ Домикѣ живеть камеръюнеръ, князь Валерьянъ Голицынъ, племянникъ бывшаго министра. Онъ былъ боленъ, почти при смерти; теперь поправляется. Иногда я вижу его издали.

Карамзинъ мнѣ сказалъ, что Голицынъ — членъ Тайного Общества.

— Какое Тайное Общество?

— Развѣ вы не знаете?

— Не знаю.

Онъ сперва замялся, не хотѣль говорить, но я упросила его, и онъ рассказалъ мнѣ все.

Существуетъ заговоръ, здѣсь, въ Петербургѣ, и въ Южной армїи, для введенія въ Россіи конституціи. Злодѣи цаѣрены произвести возмущеніе въ войскахъ и, въ случаѣ надобности, пссягнуть на жизнь государя.

Государь давно уже знаетъ объ этомъ. Какъ же мнѣ не сказалъ?

Теперь вспоминаю, что у меня было предчувствіе. Я все старалась понять, что у него на душѣ, чѣмъ онъ мучается о чёмъ думаетъ. Такъ вотъ о чёмъ...

Еще новость: великий князь Николай — наследник престола. Я узнала объ этомъ изъ случайного разговора Nixe и Alexandre съ императрицей-матерью, въ моемъ присутствіи, — вообще мною не стысняются. Императрица спросила меня:

— Развѣ вамъ государь ничего не говорилъ?

Она видѣла, какъ мнѣ стыдно и больно: можетъ-быть для того и начала разговоръ.

Опять Карамзинъ рассказалъ мнѣ все подъ большими секретомъ: боится, что государь узнаетъ и будетъ сердиться

Николай — наследникъ, это дѣло рѣшеннное; Константинъ уже отрекся отъ престола, и государь, можетъ-быть еще при жизни своей, отречется въ пользу Николая. Манифестъ, завѣщаніе или что-то въ этомъ родѣ спрятано гдѣ-то, и пока никому ничего неизвѣстно

. . . По тайному завѣщанію, передаютъ изъ рукъ въ руки Россію, какъ частную собственность. Судьба народа считается дѣломъ домашнимъ: послѣ смерти хозяина раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія

Не могу привыкнуть къ этой новости. Николай, Никсъ — самодержецъ Россійскій!

Какъ сейчасъ помню драки маленькаго Никса съ Мишелемъ. Никсъ былъ бѣдовый мальчишка: въ припадкѣ злости рубилъ топорикомъ игрушки, билъ палкой и чѣмъ ни попало бѣднаго Мишеньку. Однажды, ласкаясь къ учителю, укусилъ его за ухо; былъ, однако, трусишкою: отъ грозы подѣлить кровать прятался, а когда ему надо было вырвать кривой зубъ, такъ боялся, что нѣсколько дней плакалъ, не спалъ и не ъѣлъ. Зато, еще мальчикомъ, дѣлалъ ружейные пріемы какъ лучший ефрейторъ. Я и впослѣдствіи никогда неви-

дывала книги въ его рукахъ: единственное занятіе — фронтъ и солдаты.

— Я не думалъ вступать на престолъ, — говорить самъ, —
меня воспитывали, какъ будущаго бригаднаго.

Уже молодымъ человѣкомъ, въ Твери, въ саду великой княгини Екатерины Павловны, статую Аполлона взорвалъ порохомъ, въ видѣ забавы. Онъ и самъ хорошъ, какъ Аполлонъ, только все что-то не въ духѣ: Аполлонъ, страдающій зубною болѣю.

Недавно, на ученьѣ, передъ фронтомъ, обозвалъ офицеровъ «свиньями» и грозилъ всѣхъ «философовъ» вогнать въ чахотку.

Кто-то сказалъ о немъ: «il y a beaucoup de praporchiique en lui et un peu de Pierre le Grand».

Какъ-то будетъ онъ царствовать?

Не знаю, впрочемъ, кто лучше, — Николай или Константины?

У того отвращеніе къ престолу врожденное.

— Меня, — говоритъ, — непремѣнно задушать, какъ задушили отца

Когда я смотрю на это курносое лицо съ мутно-голубыми глазами на выкатъ, съ свѣтлыми насупленными бровями и свѣтлыми волосиками на кончикъ носа, которые щетиняются въ минуты гнѣва, — мнѣ всегда чудится привидѣніе императора Павла.

— Не понимаю, — говорила бабушка, — откуда все-лился въ Константина! такой подлый санкюлотизмъ!

Однажды сказалъ онъ о беременной матери:

— Въ жизнь мою такого живота не видывалъ: тутъ мѣсто для четырехъ!

Я собственными глазами читала письмо его къ Лагарпу съ подписью: Это, впрочемъ, можетъ-быть, искреннее смиреніе «санкюлота», потому что онъ искрененъ, и добродушенъ по-своему.

Но, когда я думаю о немъ, передо мною встаетъ тѣнь госпожи Араужо

и тѣнь Алеши, убитаго изъ-за угла наемнымъ книжаломъ злодѣя.

А все-таки — лучше Константинъ, чѣмъ Николай.

Теперь понимаю, откуда у нихъ у всѣхъ эта надменность: царствованіе императора Александра кончилось, царствованіе императора Николая началось.

Мнѣ иногда кажется, что государь ими преданъ и проданъ.

Что-то будетъ съ Россіей?

Все думаю о Тайномъ Обществѣ.

У этихъ злодѣевъ есть правда, — вотъ что всего ужаснѣе. И почему «злодѣи»? Не мы ли показали имъ примѣръ 11 марта? Не я ли когда-то проповѣдывала революціи, какъ безумная? Не говорила ли: «мы должны — черезъ кровь»?.. Тогда — мы, теперь — они: кровь за кровь.

Можетъ-быть, я ничего не понимаю въ политикѣ. Но, кажется, въ Россіи все идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

Вспоминаю мсій разговоръ съ генераломъ Киселевымъ, начальникомъ штаба Южной арміи, гдѣ главнѣе гнѣздо заговорщиковъ. Говорятъ, будто бы и онъ — съ ними, но я этому не вѣрю: онъ государю преданъ.

— Въ теченіе 24 лѣтъ само правительство питало насъ либеральными идеями, — говорилъ Киселевъ: — преслѣдовать теперь за свѣбодомысліе не то же ли значитъ, что бить слѣпого, у котораго сняты катаракты, за то, что онъ видитъ свѣтъ? Въ 12-мъ году свободу проповѣдывали намъ воззванія, манифесты и приказы. Манили народъ, и онъ добрымъ сердцемъ посыпалъ, не щадилъ ни крови свсей, ни имущества. Наполеонъ низринутъ, Европа освобождена, государь всзвратился, увѣнчанный славою. Но народъ, давшій всзможность къ славѣ, получилъ ли какую льготу? Нѣтъ. Ратники, возвратясь въ дома свои, первые разнесли ропотъ: «мы проливали кровь, а насъ заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ тиранятъ господа». Всѣ, отъ солдата до генерала только, и говорили: «какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, и почему не такъ у насъ?»

— Вотъ начало свободомыслія въ Россіи, — заключилъ Киселевъ: — чтобы истребить корень его, надо истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ нынѣшнее царствованіе...

И вотъ, говорю отъ себя, основаніе Тайного Общества.

Да, есть у нихъ правда. Государь это знаетъ, — оттого такъ и мучается.

Но какъ же опять не сказалъ мнѣ? Что онъ со мною дѣлаетъ?

Я должна говорить съ нимъ, будь что будетъ...

...Всю зиму была больна; простудилась во время на-водненія.

Теперь лучше, — говорятъ, что лучше. А я не знаю. Мнѣ все равно. Хожу, двигаюсь, но какъ будто это не я, а кто-то другой. Такая слабость, такой упадокъ силъ, что, кажется, если бы я могла выпить немнога жизни съ ложки, какъ пьютъ лѣкарство, это бы мнѣ помогло.

Опять — балы, маскарады, концерты, ужинны и визиты, визиты и родственники, родственники, сорокъ тысячъ родственниковъ: Виртенбергскіе, Оранскіе, Веймарскіе, Россійскіе — всѣ на меня насыдаются. Я должна быть любезна со всѣми, но только что уйду, падаю, какъ загнанная лошадь.

Вчера съ головною болью одѣвалась на балъ; стояла передъ зеркаломъ; только что эту бѣдную голову убрали цветами и брилліантами, меня начало рвать; вырвало — сдѣлалось легче, и отправилась на балъ; просидѣла до ужина, только отъ запаха блюда убѣжала. А когда осталась одна и взглянула на себя въ зеркало, то испугалась: краше въ гробъ кладутъ.

Сегодня ждала на сквознякѣ, въ холодной прѣмной у *Alexandrine*, потомъ попала не кстати съ визитомъ къ им-

ператрицъ, а ночью — маскарадъ. И при этомъ говорять: «поправляйтесь!»

Отъ государя записка: «если вамъ нужна помощь моя я готовъ прекратить всѣ эти визиты; но умоляю васъ, положите конецъ вашей пыткѣ».

Лейбъ-мѣдикъ Штофрегенъ сказалъ ему прямо, что меня убиваютъ.

Когда я всхожу по лѣстницѣ Зимняго дворца — 73 ступени, — у меня такое чувство, что я когда-нибудь тутъ же упаду бездыханною.

Я — какъ солдатъ на часахъ, который не смѣеть сойти съ мѣста. Не люблю даромъ ъсть хлѣбъ, а главное, терпѣти не могу, чтобы меня жалѣли. Сижу иногда съ опущеннок вуалью даже въ собственной комнатѣ, чтобы не чувствовать на себѣ сострадательныхъ взоровъ; «ахъ, бѣдная женщина. Какая больная, несчастная!»

Это похоже на пытку, когда голаго, обмазаннаго медомъ выставляютъ на същеніе насѣкомымъ.

Доктора думаютъ, что у меня чахотка. Я имъ не вѣрю. Вотъ уже много лѣтъ чувствую біеніе жилы подъ сердцемъ что-то бьется во мнѣ, какъ подстрѣленная птица.

Не помню, кто сказалъ: «въ жизни каждого человѣка наступаетъ время, когда сердце должно окаменѣть или разбиться».

Сердце мое не окаменѣло и должно разбиться. Бѣдны глиняный горшокъ между чугунными!

Доктора думаютъ, что я больна, а мнѣ кажется, что я умираю. Тѣло мое — какъ изношенное платье: всякая малость дѣлаетъ новую дыру, а починить нельзя, потому что живого мѣста нѣть, — еще хуже разлѣзается, какъ Тришкинъ кафтанъ.

Кажется, повезутъ меня въ Таганрогъ осенью. Мнѣ все равно. Только бы не въ Италію: зрѣлище больной импе-

ратрицы, которую возять изъ города въ городъ, очень противно.

Я не могла бы никогда жить, кроме Россіи, даже если бы меня весь мір забыть. И умереть хочу въ Россіи.

Государь отвезетъ меня въ Таганрогъ и на зиму вернется въ Петербургъ. А я останусь одна, опять одна.

Я хотѣла бы пустынного зеленаго уголка у моря, а главное — съ нимъ. Но это слишкомъ хорошо для меня. Всякій говоритъ: «я ёду туда и туда»; мой конюхъ говоритъ: «я ёду на морскія купанья». А я не могу

Я уже давно была бы здорова, если бы мнѣ дали путешествовать, когда мнѣ этого еще хотѣлось. Но государь ни за что не соглашался, не знаю почему. А теперь поздно.

Я всегда просила Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ сломить себя, уничтожить въ себѣ всякое желаніе. Я жертвовала государю всѣмъ, какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ. Сначала трудно было, но стоило ему сказать: «вы такая разсудительная», — и я дѣлала все, что онъ хотѣлъ. Я смишывала покорность ему съ покорностью Богу, и это была моя религія. Я говорила себѣ: «онъ этого хочетъ», — и трудное дѣжалось легкимъ, горькое — сладкимъ; все легче и легче, все слаще и слаще.

Ну вотъ и сломила себя. Во мнѣ больше неѣтъ желаній, неѣтъ воли, неѣтъ ничего, какъ будто меня самой неѣтъ.

Почему же вдругъ стало страшно? Почему я не знаю права ли я? правъ ли онъ?

— У тебя ложный стыдъ,—часто говорила мнѣ маменька:—когда тебя оттѣсняютъ, ты сейчасъ же сама прячешься, начинаешь стыдиться и по стѣнкѣ пробираешься, чтобы тебя не замѣтили. Надо быть самоувѣренной. Это необходимо въ твоемъ положеніи.

Да, всю жизнь пробираюсь по стѣнкѣ; дѣлаю видъ, что меня неѣть; стараюсь не быть. По Писанію: *жены да безмолвствуютъ.*

Я только женщина, я слишкомъ женщина.

Права ли я, что сломила, убила себя для него? Можетъ-быть, надо было возмутиться? Можетъ-быть, я была правѣе, когда возмущалась?

Но теперь поздно. Теперь я нужна ему; нужиѣе, чѣмъ когда-либо, воля моя, сила, помочь,—но вотъ ничего не могу ему дать, потому что во мнѣ самой нѣтъ ничего. Мертвая рядомъ съ живымъ. Иногда онъ подходитъ ко мнѣ, какъ будто все еще надѣется, хочетъ что-то сказать и ждетъ, чтобы я заговорила; но у меня нѣтъ словъ, и мы оба молчимъ, а если говоримъ, то это какъ бесѣда глухонѣмыхъ.

Я не знаю, что съ нимъ, вижу только, что трудно ему, такъ трудно, какъ еще никогда. И не могу помочь, ничего не могу сдѣлать. Должна смотрѣть, какъ онъ гибнетъ—и ничего, ничего не могу сдѣлать.

Мы—какъ два утопающихъ: другъ за друга цѣпляемся и тащимъ другъ друга ко дну.

Если я одна виновата, прости меня, Господи! Ты Самъ меня создалъ такою. Я ничего не могу, ничего не хочу, ничего не знаю,—я только люблю.

А если сба мы виноваты,—казни меня, а не его, возьми душу мою за него...»

Кончивъ читать, закрыла дневникъ съ такимъ чувствомъ, что конецъ его—ея конецъ.

Красныя капли сургуча на бѣлую бумагу, какъ капли крови, закапали; старинною печатью съ дѣвичымъ Баденскимъ гербомъ запечатала; сдѣлала надпись: «послѣ мсей смерти сжечь».

Спрятала дневникъ въ шкатулку и заперла на ключъ.

Закрыла лицо руками. Молилась все о томъ же,—чтобы Господь казнилъ ее одну, а его помиловалъ.

Была и другая молитва въ душѣ ея, но она сама почти не знала о ней, а если бы узнала, то удивилась бы, испугалась: молитва о томъ, чтсбы Богъ простилъ ее, такъ же какъ она прощаетъ Бога.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Батюшка, ваше величество! Всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что посыпанный фельдъегерской офицеръ Лангъ привезъ сего числа отъ графа Витта 3-го Украинскаго полка унтеръ-офицера Шервуда, который объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ донести вашему величеству касающеся до арміи, а не до поселеныхъ войскъ,—состоящее, будто бы, въ какомъ-то заговорѣ, которое онъ не назывренъ никому болѣе открыть, какъ лично вашему величеству. Я его болѣе не спрашивалъ, потому что онъ не желаетъ оного мнѣ открыть, да и дѣло не касается военныхъ поселеній, а потому и отправилъ его въ Санктъ-Петербургъ къ начальнику штаба, генералъ-маіору Клейнмихелю, съ тѣмъ чтобы онъ содержалъ его у себя въ домѣ и никуда не выпускалъ, пока ваше величество изволите приказать, куда его представить. Приказалъ я Лангу на заставѣ унтеръ-офицера Шервуда не записывать. Обо всемъ оному всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный
Графъ Аракчеевъ».

Это письмо изъ Грузина государь получилъ на Каменномъ островѣ, въ серединѣ іюля. Еще раньше писалъ ему Шервудъ, помимо Аракчеева, черезъ лейбъ-медика Вилліе, прося, чтобы отвезли его въ Петербургъ, по важному, касающемуся лично до государя императора дѣлу.

Государь зналъ, что Шервудъ—агентъ тайной полиції генерала Витта, главнаго начальника южныхъ военныхъ поселеній, которому, еще лѣтъ пять назадъ, поручено было слѣдить за Южной арміей, употребляя сыщиковъ, и доносить обо всемъ.

О генералѣ Виттѣ ходили темные слухи.

— Виттъ есть каналья, какихъ свѣтъ не производилъ, и то, что по-французски называется висѣльная дичь (*gibier de potence*),—говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Проворовался будто бы,—не можетъ дать отчета въ нѣсколькихъ миллионахъ казенныхъ денегъ и готовъ душу чорту продать, чтобы выпутаться изъ этого дѣла. Съ Тайнымъ Обществомъ играетъ двойную игру: доносить, а самъ поступилъ въ члены, замышляя предательство на ту или другую сторону, заговорщикамъ или правительству,—смотря по тому, чья возьметъ.

Государю казалось иногда, что доносчики опаснѣе заговорщиковъ.

— Вы знаете, ваше величество, я врагъ всякихъ доносовъ, понеже самая ракалья можетъ очернить и сдѣлать вредъ честнымъ людямъ,—вспоминалъ онъ слова Константина Павловича.

Всегда былъ брезгливъ: «чистюлькой» называла его бабушка; похожъ на горностая, который предпочитаетъ отдаваться въ руки ловцовъ, нежели запятнать бѣлизну свою—одежду царей.

Одинъ изъ доносовъ—капитана Майбороды—намедни бросилъ въ печку, сказавъ:

— Мерзавецъ, выслужиться хочетъ!

А все-таки рѣшилъ принять Шервуда: сильнѣе отвращенія было любопытство ужаса.

Свиданіе назначено 17 іюля, въ пять часовъ дня, въ Каменноостровскомъ дворцѣ.

Дворецъ напоминалъ обыкновенную петербургскую дачу. Съ балкона нѣсколько ступенекъ, установленныхъ теплич-

ыми растеніями, вели въ садъ. Весною дачники, катавшіеся а яликахъ по Малой Невкѣ, могли видѣть, какъ государь уляетъ въ саду, навѣвая на себя благоуханіе цвѣтущей си-еніи бѣлыи платочкомъ. Кромѣ часового въ будкѣ у воротъ—нигдѣ никакой стражи. Садъ проходной: люди всякаго ванія, даже простые мужики, проходили подъ самыи киами.

День былъ душный; парило; шель дождь, пересталь, о воздухъ насыщенъ былъ сыростью. Туманъ лежалъ бѣлою ватою. Крыши лоснились, съ деревьевъ капало, и казалось, что потѣетъ все, какъ больной въ жару подъ пухою периной. Гдѣ-то, должно-быть, на той сторонѣ Малой Невки, на Аптекарскомъ островѣ (звукъ по водѣ доносился здали), кто-то игралъ унылыхъ гаммъ. И одинокая птица пѣла се одно и то же: «тили-тили-ти»,—какъ будто плакала; повторить и опять: «тили-тили-ти». Та грусть была во всемъ, которая бываетъ только на петербургскихъ дачахъ, въ концѣ лѣта, когда уже въ усталой, томной, темной, почти черной елени чувствуется близость осени.

Ровно въ пять часовъ доложили государю о Клейнмихельѣ съ Шервудомъ. Государь обѣдалъ; велѣлъ подождать досидѣль до конца обѣда съ такимъ спокойнымъ видомъ, то никто ничего не замѣтилъ; потомъ всталъ, вышелъ въ пріемную, поздоровался съ Клейнмихелемъ и, едва взглянувъ на Шервуда, велѣлъ ему пройти въ кабинетъ. Клейнмихель остался въ пріемной,—сосѣдней комнатѣ.

Войдя въ кабинетъ, государь заперъ дверь и закрылъ кно, выходившее въ садъ; тамъ все еще слышались гаммы, птица плакала. Сѣль за письменный столъ, взялъ карандашъ, бумагу и, наклонившись низко, не глядя на Шервуда, началъ выводить узоръ—палочки, крестики, петельки. Шервудъ стоялъ противъ него, вытянувшись, руки по швамъ.

— Не того ли ты Шервуда сынъ, котораго я знаю,—ъ Москвѣ на Александровской фабрикѣ служитъ?

— Того самаго, ваше величество!

— Не русскій?

— Никакъ нѣтъ, англичанинъ.

— Гдѣ родился?

— Въ Кентѣ, близъ Лондона.

— Какихъ лѣтъ въ Россію пріѣхалъ?

— Двухъ лѣтъ, вмѣстѣ съ родителемъ. Въ 1800 году отецъ мой выписанъ блаженной памяти покойнымъ государемъ императоромъ Павломъ Петровичемъ и первый основалъ въ Россіи суконныя фабрики.

— Говорите по-англійски?

— Точно такъ, ваше величество!

Вопросъ и отвѣтъ сдѣланы были по-англійски. «Кажется не вретъ», подумалъ государь.

— Что же ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Я полагаю, государь, что противъ спокойствія Россіи и вашего императорскаго величества существуетъ заговоръ.

— Почему ты такъ полагаешь?

Въ первый разъ, поднявъ глаза отъ бумаги, взглянули на Шервуда.

Ничего особеннаго: лицо какъ лицо; неопределеннное незначительное, безъ особыхъ примѣтъ, чистое, какъ говорится въ паспортахъ.

Шервудъ началъ разсказывать бесѣду двухъ членовъ Южнаго Тайного Общества, поручика графа Булгари и прапорщика Вадковскаго, подслушанную у двери, въ чужой квартирѣ, въ городѣ Ахтыркѣ, Полтавской губерніи. Вадковскій предлагалъ конституцію. Булгари смеялся: «Для русскихъ медвѣдей конституція? Да ты съ ума сошелъ! Вѣрно, забылъ, какая у насъ династія,—ну, куда ихъ дѣвать?» А Вадковскій: «какъ, говоритъ, куда дѣвать?..

Шервудъ остановился.

— Простите, ваше величество... страшно вымолвить..

— Ничего, говори,—сказалъ государь, еще разъ взглянувъ на него: лицо блѣдное, мокрое отъ пота, безжизненное какъ тѣ гипсовые маски, что снимаются съ покойниковъ.

олько лѣвый глазъ щурится,—должно-быть, въ немъ судо-
ога,—какъ будто подмигиваетъ. И это очень противно.
Экій хамъ!—вдругъ подумалъ государь и самъ удивился
воему отвращенію:—это потому что я знаю, что доносчикъ».

Опустивъ глаза, опять принялъся за крестики, палочки,
стельки.

— «Какъ, говоритъ, куда дѣвать?—подмигнулъ Шер-
удъ:—перерѣзать!»

Государь пожалъ плечами.

— Ну, что же дальше?

Онъ почему-то былъ увѣренъ, что слово «перерѣзать»
было сказано.

— Когда остались мы одни, Вадковскій подошелъ ко
мъ и, немного измѣнившись въ лицѣ, говоритъ: «госпо-
инъ Шервудъ, будьте мнѣ другомъ. Я вамъ ввѣрю важ-
ую тайну».—«Что касается до тайнъ,—говорю,—прошу не
гѣшить: я не люблю ничего тайного».—«Нѣтъ,—го-
ворить,—Общество наше безъ васъ быть не должно».—«Здѣсь,—
говорю,—не время и не мѣсто, а даю вамъ честное слово,
то пріѣду къ вамъ, гдѣ вы стойте съ полкомъ».

А на Богодуховской почтовой станціи, ночью, съ проѣз-
ю дамою, должно-быть, его, Шервуда, любовницей, былъ
ткой разговоръ: «дайте мнѣ клятву,—сказала дама,—
то никто въ мірѣ не узнаетъ, что я вамъ сейчасъ открою».
Чѣмъ поклялся, а она: «я,—говорить,—ѣду къ брату; боюсь я
него: Богъ ихъ знаетъ, затѣяли какой-то заговоръ про-
тивъ императора, а я его очень люблю; у насъ никогда
кого императора не было...»

— Кто эта дама?—спросилъ государь.

— Ваше величество, я всегда шелъ прямою дорогою,
исполняя долгъ присяги, и готовъ жизнью пожертвовать,
обы открыть зло; но умоляю ваше величество не спра-
шивать имени: я далъ клятву...

«Тоже—рыцарь!» подумалъ государь, дѣлая усилие,
обы не поморщиться, какъ отъ дурного запаха.

— Это все, что ты знаешь? — сказал онъ и, перставъ чертить узоръ, началъ писать по-французски мно разъ подъ рядъ: «каналья, каналья, каналья, висѣльна дичь...»

— Точно такъ, ваше величество, — все, что зна достовѣрнаго; слуховъ же и догадокъ сообщать я осмѣливаюсь...

— Говори все,—произнесъ государь и началъ ломат карандашъ подъ столомъ, кидая на полъ куски; чувствовалъ что съ каждымъ вопросомъ будетъ залѣзать все дальше въ грязь,—но уже не могъ остановиться: какъ въ дурномъ снѣ, дѣлалъ то, чего не хотѣлъ.

— Какъ ты думаешьъ, величъ этотъ заговоръ?

— Судя по духу и разговорамъ вообще, а въ особенности, офицеровъ 2-ой арміи, заговоръ долженъ быть распространенъ до чрезвычайности. Въ войскахъ очень ихъ слушаютъ.

— Чего же они хотятъ? Развѣ имъ такъ худо?

— Съ жиру собаки бѣсятся, ваше величество!

«Онъ просто глупъ», подумалъ государь съ внезапнымъ облегченіемъ. А все-таки спрашивалъ:

— Какъ полагаешь, нѣть ли тутъ поважнѣе лицъ

Шервудъ помолчалъ и покосился на дверь: должно быть, боялся возвышать голосъ, а что государь плохо слышитъ,—замѣтилъ.

— Подойди, сядь здѣсь,—указалъ ему тотъ на стул рядомъ съ собою: сдѣлалъ опять то, чего не хотѣлъ.

Шервудъ сѣлъ и зашепталъ. Государь слушалъ, поставивъ правое ухо и стараясь не дышать носомъ: ему казалось, что отъ Шервуда пахнетъ потомъ ножнымъ,—запахъ отъ которого государю дѣлалось дурно. «И чего онъ такъ потѣется: отъ страха, что ли?» подумалъ съ отвращеніемъ

Шервудъ говорилъ о двусмысленномъ поведеніи генерала Витта, который, будто бы, *всего* не доноситъ,—и генерала Киселева, у которого главный заговорщикъ Пестелъ

днюють и ночуеутъ; о неблагонадежности почти всѣхъ министровъ и едва ли не самого Аракчеева.

— Въ военныхъ поселеньяхъ людямъ даютъ въ руки ружья, а ёсть не даютъ: при нынѣшихъ обстоятельствахъ такое положеніе дѣлъ очень опасно...

«Нѣтъ, не глупъ; многое знаетъ и меныше говоритъ, чѣмъ знаетъ», подумалъ государь.

— Полагаю,—заключилъ Шервудъ,—что Общество сie есть продолженіе европейскаго общества карбонаровъ. Важнѣйшія лица участвуютъ въ заговорѣ; все войско—тоже. Не только жизнь вашего императорскаго величества, но и всей царской фамиліи, находится въ опасности, и опасность близка. Произойдетъ кровопролитіе, какого еще не бывало въ исторіи. Вѣдь они хотятъ—всѣхъ...

«Всѣхъ перерѣзать», понялъ государь.

— У нихъ—черныя кольца съ надписью: 71

— Что это значитъ?

— Извольте счасть, ваше величество: января—31 день, февраля—29, марта 11, итого—71. 1801 года 11 марта и 1826 года 11 марта—двадцать пять лѣтъ съ кончины блаженной памяти вашего родителя, государя императора Павла I, — подмигнулъ Шервудъ. — Покушеніе на жизнь вашего императорскаго величества въ этотъ самый день назначено...

«11 марта за 11 марта, кровь за кровь», опять понялъ государь. Поблѣднѣлъ, хотѣлъ вскочить, закричать: «вонъ, негодяй!»—но не было силь, только чувствовалъ, что холодаютъ и переворачиваются внутренности отъ подлага страха, какъ тогда, послѣ аустерлицкаго сраженія, въ пустой избѣ, на соломѣ, когда у него болѣлъ животъ.

А глаза Шервуда блестѣли радостью: «клюнуло! клюнуло!»

Пересталъ пугать и какъ будто жалѣлъ, утѣшалъ:

— Зараза умовъ, возникшая отъ ничтожной части подданныхъ вашего императорскаго величества, не есть чувство народа, непоколебимаго въ вѣрности. Хотя и много времени

упущено, но ежели взять мѣры скорыя, то еще можно спасти; только надобно, какъ баснописецъ Крыловъ говоритъ:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой, —

заключилъ почти съ развязностью, и что-то было въ лицѣ его такое гнусное, что государю вдругъ почудилось, что это—не человѣкъ, а призракъ: не его ли собственный дьяволъ-двойникъ—воплощеніе того смѣшного-страшнаго, что въ немъ самомъ?

— Хорошо, ступай, жди приказаній отъ Клейнмихеля. Ступай же!—проговорилъ онъ черезъ силу, всталъ и протянулъ руку, какъ будто желая оттолкнуть Шервуда; но тотъ быстрѣ наклонился и поцѣловалъ руку.

Оставшись одинъ, государь открылъ настежь окно и дверь на балконъ: ему казалось, что въ комнатѣ дурно пахнетъ. Вышелъ въ садъ, но и здѣсь въ тепломъ туманѣ былъ тотъ же запахъ какъ бы ножнаго пота, и съ мокрыхъ, точно потныхъ, листьевъ капало. На пустынной аллѣ долго стоялъ онъ, прислонившись головой къ дереву; чувствовалъ тошноту смертную; казалось, что отъ него самого дурно пахнетъ.

На слѣдующій день перешелъ изъ кабинета въ другую комнату, въ верхнемъ этажѣ, подъ предлогомъ, что сырь внизу, а на самомъ дѣлѣ, потому, что непріятно было слышать близкіе шаги прохожихъ.

Въ тотъ же день увидѣлъ часовыхъ тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и новую бѣлую рѣшетку въ саду, которой запирался ходъ мимо дворца; должно-быть, распорядился Дибичъ: государь никому ничего не приказывалъ.

Вспомнилъ анекдотъ ѿбъ уединенныхъ прогулкахъ своихъ по улицамъ Дрездена: старушка-крестьянка, увидѣвъ его, сказала: «вонъ, русскій царь идетъ одинъ и никого не боится, видно, у него чистая совѣсть!» А теперь—бѣлая рѣшетка...

Однажды, ночью, вбѣжалъ къ нему дежурный офицеръ съ испуганнымъ видомъ:

- Бѣда, ваше величество!
- Что такое?
- Не моя вина, государь, видитъ Богъ не моя...
- Да что, что такое? Говори же!
- Апельсинъ... апельсинъ...—лепеталъ офицеръ, задыхаясь.
- Какой апельсинъ? Что съ тобою?
- Апельсинъ, ваше величество, отданный въ сдачу, свалился...

У дворца, на набережной, стояли апельсинные деревья въ кадкахъ; на нихъ зрѣли плоды, и часовой охранялъ ихъ отъ кражи. Одинъ упалъ отъ зрѣлости. Часовой объявилъ о томъ ефрейтору, ефрейторъ—караульному, караульный—дежурному, а тотъ—государю.

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—закричалъ онъ въ ярости; потомъ вернуль его, спросилъ какъ имя.

— Скарятинъ.

Скарятинъ бытъ въ числѣ убійцъ 11 марта. Конечно, не тотъ. Но государь все-таки велѣль никогда не назначать его въ дежурные.

Переѣхалъ въ Царское. Не потому ли, что тамъ безопаснѣе? Объ этомъ старался не думать. Попрежнему гуляль въ паркѣ одинъ, даже ночью, какъ будто доказывалъ себѣ, что ничего не боится.

Въ срединѣ августа, ненастныы вечеромъ, шелъ отъ каскадовъ къ пирамидѣ, гдѣ погребены любимыя сабачки императрицы-бабушки: Томъ, Андерсонъ, Земира и Дюшессы.

Наступали раннія сумерки. По небу неслись низкія тучи; въ воздухѣ пахло дождемъ, и тихо было тишиной предгрозною; только иногда верхушки деревьевъ отъ внезапнаго вѣтра качались, шумѣли уныло и глухо, уже по осеннему, а потомъ умолкали сразу, какъ будто кончивъ разговоръ таинственный. Англійская сучка государева, Пэдди, бѣжала впереди; вдругъ остановилась и зарычала. У подножія пирамиды кто-то лежалъ ничкомъ въ травѣ; лица не видать, какъ будто прятался. Государь тоже оста-

новился и вдругъ почувствовалъ, что сердце его тяжело заколотилось, въ вискахъ закололо, и по тѣлу мурашки забѣгали: ему казалось, что тотъ, въ травѣ, тихонько шевелится, приподымается и что-то держитъ въ рукѣ. Пэдди залаяла. Лежавшій вскочилъ. Государь бросился къ нему

— Что ты дѣлаешь? — крикнулъ голосомъ, который ему самому показался гадкимъ, подлымъ отъ страха, и протянулъ руку, чтобы схватить убійцу.

— Виноватъ, ваше величество,—послышался знакомый голосъ.

— Это ты, Дмитрій Клементьевичъ? Какъ ты...

Не кончилъ,—хотѣлъ сказать: «какъ ты меня напугалъ!»

— Какъ ты тутъ очутился? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Земиры собачки эпитафію списываю,—отвѣтилъ лейбъхирургъ Дмитрій Клементьевичъ Тарасовъ.

Не ножъ убійцы, а перочинный ножикъ, который чинил карандашъ, держалъ онъ въ рукѣ и съ могильной плить собачки Земиры списывалъ французскіе стихи графа Сегюра:

«Здѣсь лежитъ Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могильный памятникъ. Да наградятъ ее боги безсмертіемъ за вѣрную службу».

— А знаешь, Тарасовъ, мнѣ показалось, что это кто-нибудь изъ офицеровъ подгулявшихъ расположился отдохнуть,—усмѣхнулся государь и почувствовалъ, что краснѣеть.—Ну, пиши съ Богомъ. Только не темно ли?

— Ничего, ваше величество, у меня глаза хороши.

Государь, свистнувъ Пэдди, пошелъ. А Тарасовъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ съ удивленіемъ.

И государь удивлялся. Никогда не былъ трусомъ. Вѣтвѣ подъ Лейпцигомъ, когда пролетѣло ядро надъ головой его, сказалъ съ улыбкою: смотрите, сейчасъ пролетитъ другое! Вѣтвѣ когда всѣ считали дѣло проиграннымъ и Наполеонъ говорилъ: «міръ снова вертится для насы!»—онъ, Александръ, «Агамемнонъ сей великой браны», не потерялъ присутствія духа.

Что же съ нимъ теперь? «Съ ума я схожу, что ли?» думалъ съ тихимъ ужасомъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ, рядомъ со спальнею императрицы-матери, была заперта комната. Никто никогда не входилъ въ нее, кроме самой императрицы да камерь-фурьера Сергея Ивановича Крылова. Крыловъ былъ старишокъ дряхлый, изъ ума выжившій, въ красномъ малтийскомъ мундирѣ временъ Павловыхъ, съ такими неподвижными глазами, что казалось, если заглянуть въ зрачки, можно увидѣть то, что отразилось въ нихъ, какъ въ зрачкахъ мертвѣца въ минуту предсмертную. Встрѣчая государя, онъ кланялся издали и тотчасъ уходилъ, какъ будто убѣгалъ.

Маленький Саша, сынъ великаго князя Николая Павловича семилѣтній мальчикъ, съ немногого блѣдныи хорошенькимъ лицомъ, проходилъ всегда съ любопытствомъ мимо запертої двери: она казалась ему такой же таинственной, какъ та страшная дверь въ замкѣ Синей Бороды, о которой онъ читалъ въ сказкахъ. Заглянуть бы хоть въ щелку, увидѣть, что тамъ такое. Однажды приснилось ему, что онъ вошелъ туда и видѣлъ что-то ужасное; проснулся съ крикомъ, но не могъ вспомнить, что это было.

Въ концѣ августа, за нѣсколько дней до отѣзда въ Таганрогъ, государь пріѣхалъ въ Павловскъ къ императрицѣ-матери и, не заставъ ея, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ никого не было, кроме Саши и старушки статсь-дамы, княгини Ливенъ. У окна, за круглымъ столомъ, играли они въ солдатики. Государь присѣлъ и тоже началъ играть; такъ, мѣтко стрѣляя горохомъ изъ пушечекъ, что Саша кричалъ и хлопалъ въ ладоши отъ радости.

Въ открытую дверь виднѣлась анфилада комнатъ. Вдругъ, въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ императрицы, мелькнулъ красный малтийскій мундиръ. Камерь-фурьеръ Сергей Ивановичъ Крыловъ стоялъ у запертої двери. Государь увидѣлъ его и быстро пошелъ къ нему.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ императрицы-матери. Княгиня Ливенъ пошла къ ней навстрѣчу. Саша, оставшись одинъ, поднялъ глаза и, забывъ о солдатикахъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ у запертої двери.

Крылөвъ, увидѣвъ государя, поклонился ему издали и хотѣлъ, какъ всегда, убѣжать. Но тотъ окликнулъ его и, подойдя, сказалъ:

— Дай ключъ.

Старикъ уставился на него, какъ будто не разслышалъ, и забормоталъ что-то; можно было только понять:

— Ея величество... приказать изволили...

— Ну, давай же, давай скорѣе, тебѣ говорятъ!—прикрикнулъ на него государь и положилъ ему руку на плечо.

Старикъ затрясся, и зрачки его расширились, какъ зрачки мертвеца, видящіе то, чего уже никто не видить; хотѣлъ подать ключъ, но руки такъ тряслись, что уронилъ. Государь поднялъ, отперъ и вошелъ.

Пахнуло спертымъ воздухомъ, запахомъ старыхъ вещей: вещи покойнаго императора Павла I изъ его кабинета-спальни хранились въ этой комнатѣ. Государь увидѣлъ знакомые стулья, кресла, канапе краснаго дерева, съ бронзовыми львиными головками; знакомыя картины—архангела Гавріила и Богоматерь Гвидо Рени, висѣвшія надъ изголовьемъ постели; бюро, секретеры, письменный столъ съ чернильницей, перьями, какъ будто только что писавшими, съ бумагами и письмами,—узналъ почеркъ отца; ночной столикъ съ нагорѣвшимъ; стѣнныя часы со стрѣлкой, остановленной на половинѣ первого, и полинялые шелковыя, съ китайскими фігурками, спальныя ширмочки.

Долго стоялъ, какъ будто въ нерѣшимости; потомъ сдѣлалъ слабый, падающій шагъ впередъ и заглянулъ за ширмочки: тамъ узкая походная кровать. Государь поблѣднѣлъ, и зрачки его расширились, какъ зрачки мертвеца, видящіе то, чего уже никто не видить; вдругъ наклонился и какъ будто съ шаловливой улыбкой поднялъ одѣяло. На простынѣ темныя пятна—старая пятна крови.

Услышалъ шорохъ: рядомъ стоялъ Саша и тоже смотрѣлъ на пятна; потомъ взглянулъ на государя и, должно быть, увидѣлъ въ лицѣ его то, что тогда, въ своемъ страшномъ снѣ,—закричалъ пронзительно и бросился вонъ изъ комнаты.

Надъ обонимъ, надъ сыномъ и внукомъ Павловымъ, про-
несся ужасъ, соединившій прошлое съ будущимъ.

Отъездъ государя въ Таганрогъ назначенъ былъ
1 сентября, а государыни—3-го.

Наканунѣ вернулся онъ въ Петербургъ изъ Павловска,
гдѣ простился съ императрицей-матерью, и въ назначенный
день выѣхалъ изъ Каменноостровскаго дворца, въ пятомъ
часу утра, когда еще горѣли фонари на темныхъ улицахъ.
Одинъ, безъ свиты, заѣхалъ въ Невскую лавру и отслужилъ
молебенъ.

Когда миновалъ заставу, взошло солнце. Велѣль кучеру
остановиться, привсталъ въ коляскѣ и долго смотрѣлъ
на городъ, какъ будто прощался съ нимъ. Въ утреннемъ
туманѣ дома, башни, колокольни, купола церквей казались
призрачно-легкими, готовыми разсѣяться, какъ сновидѣніе.
Потомъ усѣлся и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ!

Колокольчикъ зазвенѣлъ, и тройка понеслась.

Въ Царскомъ присоединились къ нему пять колясокъ:
вагенъ-майстера полковника Соломки, метрдотеля Миллера,
лейбъ-медика Вилліе, генералъ-адъютанта Дибича и одна
зapasная.

У государя была маленькая маршрутная книжка съ
названіями станцій и числомъ верстъ. Всего отъ Петербурга
до Таганрога 85 станцій, 1894½ версты. Онъ долженъ
быть сдѣлать путешествіе въ 12 дней, а государыня—въ 20.

Маршрутъ, по Бѣлорусскому тракту, а съ границы
Псковской губерніи — по Тульскому, нарочно миновалъ
Москву: никакихъ церемоній, ни парадовъ, ни
встрѣчъ.

Проѣхали Гатчину, Выру, Ящеру, Долговку, Лугу,
Городецъ. Государь заботливо осматривалъ приготовлен-
ные для императрицы ночлеги, но самъ ѿхалъ, не остана-
вливаясь, и спалъ ночью въ коляскѣ.

Стояли лучезарные дни осени. Каждый день солнце
ясно всходило, ясно катилось по небу и ясно закатывалось,

предвѣщая назавтра такой же безоблачный день. Въ воздухѣ—гарь, дымокъ изъ овиновъ, и нѣжность, и свѣжесть, какъ будто весеннія. На гумнахъ—говорь людской и стукъ цѣповъ, а на пустынныхъ поляхъ—тишина, какъ въ домѣ передъ праздникомъ; только журавлей въ поднебесыи курлыканье, туда же несущихся, куда и онъ.

Чѣмъ дальше онъ Ѵхалъ, тѣмъ легче ему становилось, какъ будто спадала съ души тяжесть, которая давила его всѣ годы, и онъ просыпался отъ страшнаго сна. Казалось, что уже отрекся отъ престола, покинулъ столицу и никогда не вернется въ нее императоромъ; а тамъ, куда Ѵдетъ,—разрешеніе, освобожденіе послѣднее. Не потому ли въ кликахъ журавлиныхъ—зовъ таинственный, надежда безконечная?

Въ одну изъ первыхъ ночей, проведенныхъ въ пути, приснился ему сонъ: маленький уѣздный городокъ, маленькие желтенькие, съ черными оконцами, домики, точно игрушечные, плохо нарисованные. Небо—темно-лиловое, какъ бываетъ зимнимъ вечеромъ; но не зима и не вечеръ, а осень весенняя, утро вечернее; солнца не видно, но оно во всемъ,—какъ будто изнутри свѣтится; и все—такое счастливое, милое, дѣтское, райское. А вотъ и Софья, и князь Валерьянъ Голицынъ; что-то говорятъ ему, онъ хорошенъко не понимаетъ чѣ, но чувствуетъ радость, какой никогда не испытывалъ. «Такъ вотъ оно какъ, а я и не зналъ!»—смѣется и плачетъ отъ радости; молиться хочетъ, но молиться не о чѣмъ: все уже есть,—всегда было, есть и будетъ.

Проснулся: «Такъ вотъ оно какъ, а я и не зналъ!»—думалъ наяву, какъ во снѣ, и плакалъ отъ радости.

Оглянулся: темно еще, но по тому, какъ звѣзды дрожать, видно, что утро близко. Не узнавалъ мѣстности: луговые скаты, а за ними—полукругъ холмовъ лѣсистыхъ въ звѣздномъ сумракѣ. Слышится далекій колоколь,—должно быть, изъ Феофиловской пустыни: значитъ, близко Боровичи.

Коляска вѣзжала на холмъ. Вдругъ, на краю неба, тамъ, куда уходила дорога, увидѣлъ онъ звѣзду незнакомую, огромную, необычайно яркую; за нею тянулся по небу свѣтящейся слѣдъ, а сама она какъ будто стремительно

падала внизъ. И въ этомъ паденіи былъ зовъ таинственный, надежда безконечная.

Вспомнилась ему комета 1812 года. Какъ та казалась— гибели, а была спасенія вѣстницей, — такъ, можетъ-быть, и эта?

Когда коляска поднялась на вершину холма, онъ велѣль кучеру остановиться; такъ же какъ намедни, на петербургской заставѣ, прощаясь съ городомъ, всталъ, снялъ фуражку и перекрестился.

— «Небеса проповѣдаютъ славу Господню, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаеть твердь», — прошепталъ благоговѣйнымъ шопотомъ и, радуясь, чувствовалъ, что радость эта у него уже никогда не отнимется. Ни о чёмъ не молился, только благодарилъ Бога за все, что было, и за все, что будетъ.